

Анатолий Иванов

НЕ БОГОМ ЕДИНЫМ

Вы думаете, что мироздание представляет собой некое единое по своей сути целое? Ну и думайте себе на здоровье! Только не вообразайте, будто, благодаря тому, что вы дошли до мысли такой, вы опередили на пути к истине всех остальных, и это позволяет вам смотреть на них свысока, как на неполноценных.

Когда подобное высокомерие проявляют монотеисты, тут все понятно. Их религии были созданы жителями пустынь, для которых и одну-то пальму увидеть – уже великая радость, но как объяснить поведение человека, который, живя в лесу, взял за привычку стучать головой, как дятел клювом, только об одно особо облюбванное им дерево?

Индуизм часто противопоставляют «авраамическим» религиям (можно для краткости называть их «абрамовичами») как образец религиозной терпимости. Автор «современного катехизиса индуизма» под названием «Танец с Шивой»¹, Садгуру Шивайя Субрамуниясвами, тоже указывает на это отличие в предисловии к своей книге: «В то время как другие религии заключены в строгие рамки четко сформулированных и зачастую догматических верований, индуизм не приемлет таких ограничений». «Индуизм инстинктивно восстает против любой доктрины, которая угнетает или демонстрирует узость воззрений. Индуизм по природе веротерпим и признает множество путей»².

Гладко пишет этот автор с труднопроизносимым индийским именем, но – увы! – противоречит самому себе. Противоречие это начинается уже с появления в подзаголовке книги слово «катехизис», означающего именно набор догматов, тех самых, которых, как нас только что уверяли, в индуизме нет и не может быть. «Даже многознающие индуисты – читаем мы далее – редко могут с уверенностью сказать, что индуизм – это то-то и то-то, а не что-либо другое»³. Но автор явно не страдает скромностью и считает себя как раз одним из таких ред-

¹ Изд. «София», Киев, 1997.

² Ук. соч., с.XV-XVI.

³ Там же.

ких экземпляров, которые могут говорить об этом «с уверенностью». В данном случае правильней было бы сказать «с апломбом».

В приложенном к книге словаре индийских терминов «адвайта», т.е. монизм, определяется как «первичная философская позиция индуизма вообще», хотя все, кто знаком с этой темой, прекрасно знают, что эта позиция отнюдь не была первичной, индийские религиозные философы выработали ее в процессе долгой эволюции; что же касается «двайты», дуализма, то она представляет собой, по мнению автора, «поверхностное восприятие мира».

Вот вам и «признание множества путей»! Похоже, признание их равноценности оно в себя не включает. Получается уже почти по Оруэллу: все животные равны, но некоторые из них равнее, чем другие.

Однако, книга «Танец с Шивой» все же ценна тем, что знакомит читателей с разными течениями внутри индуизма. Так шайва-сиддханта, одна из шести основных школ шиваизма, в свою очередь делится на две ветви: монистический теизм и плюралистический теизм.

Основы плюрализма (анеквады) заложил в XII веке южноиндийский философ Агхорашива. Он поставил перед собой задачу объединить санскритскую традицию Севера с южной, тамильской традицией и придал необычный уклон теологии, прокладывая дорогу для новой, плюралистической школы. Он категорически отрицал любые монистические интерпретации, чем вызвал драматические изменения в понимании Божества. Пять начал (татв) он отнес к категории уз (паша) и объявил бессознательными субстанциями, тогда как по традиции они были частями божественной природы Абсолюта⁴.

Его продолжателем был тамильский философ Мейкандар, время деятельности которого автор относит то к XII, то к XIII веку, а его учение называет то плюралистическим теизмом⁵, то плюралистическим реализмом⁶. Согласно этому учению, Бог, души и мир существуют параллельно и безначально. «Литература этой школы – пишет автор – так долго доминировала в схоластике, что шайва-сиддханту часто ошибочно считают исключительно плюралистической», но признает, что она и сегодня наиболее широко распространена среди 60 миллионов тамил-шиваистов (там же).

⁴ Там же, с.495.

⁵ Там же, с.431.

⁶ Там же, с.496.

Суть плюралистического учения (анеквады) излагается следующим образом:

Шива формирует космос из вечно существующей материи и сам не является своим творением. Бог, души и мир (Пати, пашу и паша) – три вечно сосуществующих реальности. Мир (паша) никогда не мог быть сотворен: Шива только придает уже существующей материи (майе) различные формы. Для плюралистов (анеквадинов) Бог пронизывает, но не создает душу. Душа не сотворена и существует вечно. Видя, что мир омрачен злом, они делают вывод, что майя не может быть творением совершенного Бога. Миру майи присущи зло и несовершенство, ибо он явно полон горя, несправедливости, болезней и смерти. Душа также безначально заражена ограниченностью (анавой)⁷.

Немецкий индолог Гельмут фон Глазенап также писал о тамильской шайвасиддханте как о крупнейшей из шиваистских сект, признающей наряду с Шивой еще четыре субстанции, хотя и подчиненные ему, но тоже вечные: индивидуальные души и узы, которые ограничивают души в их способностях: неведение (анава), деяния (карма) и материя (майя). Бог действует в мире через свою Шакти⁸.

Примечательно, что этот теистический плюрализм был характерен не только для шиваизма, но и для вишнуизма, притом в ту же эпоху. Выдающийся представитель последнего, Мадхва, время жизни которого одни датируют 1197—1278, а другие – 1238—1317 годами, тоже учил, что Бог, Вселенная и души существуют отдельно друг от друга и все реальны.

Но все эти учения относятся к сравнительно позднему периоду, по времени совпадающему с европейским Средневековьем, когда у индуизма за плечами уже была история, протяженностью в два с половиной тысячелетия. Имело ли то, что выросло на индийской почве в XII веке, задатки в прошлом, или это были совершенно новые порождения совсем иных условий? Как выясняется, имели. За все два с половиной тысячелетия поручиться нельзя, но за полтора – точно.

Как известно, в индуизме существует шесть философских систем, которые, несмотря на то, что они во многом диаметрально противоположны друг другу, признаются в равной мере ортодоксальными⁹. Я подчеркиваю в этой формулировке слова «в равной мере», т.е. эти системы не делятся на «поверхностные»

⁷ Танец с Шивой, с.433, 435, 437.

⁸ Helmuth von Glasenapp. *Brahma und Buddha*. Berlin, 1926, S.318-319.

⁹ *Ibid*, p.139-140.

и «глубинные», «полные» и «неполные». С точки зрения развития плюралистических идей для нас особый интерес представляет школа санкхья.

Эта школа оказала особенно сильное влияние на буддизм – пишет А.Н. Кочетов в книге «Буддизм»¹⁰. «В этой системе... мы находим уже почти все основные идеи, положенные проповедниками буддизма в основу своего учения». Ее основателем считается мудрец Капила.

«Последователи санкхьи считали, что существование единого бога-творца не доказуемо. Единый всемогущий и всеблагий бог... мог бы создать только благо. Мир же полон зла... В мире царствует антагонизм между духом и материей. Страдания и изменения свойственны только миру материальному (сансара). Душа сама по себе от них свободна. Но, движимая незнанием (авидья), она увлекается материальными оковами, смешивается с телом, чувствами и умом (манас). Спасен будет тот, кто постигнет истину, заключающуюся в познании абсолютного отличия духа (своего «я») от материального мира¹¹.

Более обстоятельно описывает учение санкхьи Гельмут фон Глазенап. Существуют две вечные, совершенно разные субстанции. Один тип субстанций это чисто духовные, бездеятельные, неизменные индивидуальные души (пуруша), другой – бездуховная, но активная праматерия (пракрिति), которая периодически проходит через состояния покоя, эволюции и повторного поглощения. Мир развивается из нее благодаря тому, что три ее составляющие, так называемые гуны, которые до начала эволюции мира находились в состоянии равновесия, вступают в конфликт друг с другом. За счет этого происходит постепенное огрубление материи. Сначала возникают тонкие материи, которые являются субстратом того, что мы называем психической жизнью, затем тонкие и грубые элементы. Из пракрити происходит буддхи, орган различения, из него – аханкара, орган, который устанавливает связь между внешним миром и человеческим «Я», из него, с одной стороны, манас, мыслительный орган, по пяти чувств познания и действия, а с другой – основные вещества пяти тонких элементов, из которых образуются материальные тела. Души в действительности не более связаны с телом, чем лунный свет с волнами, в которых он отражается... Когда души осознают свое абсолютное отличие от материи, эта мнимая связь разрывается: душа становится тем, чем она изначально была, чистым нематериаль-

¹⁰ М., «Наука», 1965, с.40.

¹¹ Там же, с.40-41.

ным духом, который изолирован от всего материального, не чувствует больше страданий, но и не обладает больше сознанием¹².

Такой разрыв между душой и телом знаком нам уже давно по ряду направлений гностицизма, от рецидивов которого так и не смогло до конца избавиться христианство, а еще раньше – по учению орфиков. Бессмертная душа, не обладающая сознанием, – перспектива, конечно, мало привлекательная, уж слишком она похожа на душу безнадежно больного сумасшедшего, но здесь важен самый принцип вечности индивидуальных душ, который мы снова встречаем в шиваистских и вишнуитском плюралистическом теизме.

И нельзя сказать, что этот принцип характерен только для санкьи и отличает ее от остальных даршан. Две другие ортодоксальные школы, ньая и вайшишика, также признают существование вечной души, не зависящей от Бога и материи¹³. Да и школа миманса, которая отрицает бытие высшего, управляющего миром бога, учит, что индивидуальные души вечны и над ними безраздельно властвует закон Кармы¹⁴.

Так что в индуизме давно уже имелись задатки для развития как плюралистического теизма (ньяя, вайшишика), так и плюралистического реализма (санкхья, миманса). Но для того, чтобы лучше понять, что представляет собой в действительности этот самый плюралистический реализм, нам придется сойти с почвы ортодоксального индуизма и более подробно остановиться на религии джайнов.

Ален Даниэлу в своей знаменитой книге «Шива и Дионис» говорит о четырех первобытных религиях Индии¹⁵. Ими он считает анимизм, шиваизм, джайнизм и ведизм. При этом он старается отождествить каждую из них с определенной этнической группой. Так анимизм, по его мнению, это религия исконных обитателей Индии, народов группы мунда, прекрасное представление о которой дает «Книга джунглей» Р. Киплинга. Шиваизм это религия дравидов, народов в Индии тоже пришлых, как и арии, только пришли они раньше и создали высокую культуру долины Инда. Ну а что религию Вед принесли в Индию арии, общеизвестно. И только о создателях религии джайнов, которую А. Даниэлу очень не любил, он не сказал ничего.

¹² Н. v. Glasenapp. Op. cit., p. 142-143.

¹³ А. Н. Кочетов. Цит. соч., с. 40.

¹⁴ Н. v. Glasenapp. Op. cit., p. 140.

¹⁵ Alain Daniélou. Shiva et Dionysos. Fayard, 1979, p. 33-37.

Я уже касался джайнизма в предисловии к сборнику моих работ «Рассветы и сумерки арийских богов» (М., «Белые альвы», 2007) и приводил, в частности, мнение составителей «Хрестоматии мировых религий» Селвина Г. Чемпиона и Дороти Шорт, которое могло бы послужить подсказкой в решении вопроса об этнической идентификации носителей джайнизма: «Больше, может быть, чем любая другая религия в мире, джайнизма чтит душу каждого человека как своего собственного спасителя и считает ее вечно отличной от других». «Их учение о вечном отличии каждой души чуждо духу Востока в целом и более близко к западному упору на индивидуальность»¹⁶.

Для объяснения этой близости можно было бы припомнить гипотезу о двух волнах арийского вторжения в Индию, основанную на том, что современные индо-арийские языки четко делятся на две группы: центральную (западный хинди, раджастхани, гуджарати, пенджаби) и внешнюю (синдхи, кашмири, маратхи, бихари, бенгали). К центральной группе относят потомков первой волны арийцев¹⁷. А именно Раджастхан и Гуджарат это как раз те территории, на которых только и смогла удержаться до сих пор религия джайнов.

Наконец, [Ганс Ф.К. Гюнтер](#) отмечает, что следы нордической расы в современной Индии следует искать, прежде всего, в ее северо-западных областях, таких как Кашмир, Пенджаб, Раджпутана¹⁸. Опять те же места!

Русский ориенталист В.В. Григорьев (1816—1881) шел по другому следу, по следу так называемых индо-скифов, которые вторглись в Индию на грани старой и новой эры. Он считал их потомками раджпутов, занявших Пенджаб, Раджастхан и Гуджарат, видя в них не только ариев, но и славян. Существовал даже раджпутский клан «рус», который Григорьев по этнографическим признакам сближал с белорусами¹⁹.

Но это уже, как говорится, другая история. Упоминаю о ней только для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что джайнизм сохранился именно в сравнительно

¹⁶ Selwyn Gurney Champion and Dorothy Short. Readings from World Religions. Fawcett Publications Inc., Greenwich, Conn. 1959, p.143-144.

¹⁷ Н.в.Гласенapp. Op. cit., p.38.

¹⁸ Избранные работы по расологии. Изд. 2-е, дополненное и проиллюстрированное. М., «Белые альвы», 2005, с.245.

¹⁹ Marlene Laruelle. Myth aryen et reve imperial dans la Russie du XIX siecle. CNRS Editions. Paris, 2005, p.92.

чистых в расовом отношении арийских областях Индии, во избежание негативных оценок этой религии со ссылками на «порчу расы».

С.Г. Чемпион и Д. Шорт убедительно доказывают, что джайнизм это особая религия, а никакая не «индуистская секта» и не «ответвление буддизма». У джайнов есть свои собственные священные писания, не те, что у индуистов, и своя линия пророков. А от буддистов их отличают совершенно противоположные взгляды на человеческую душу: буддисты вообще объявляют человеческое Я иллюзией, а у джайнов в центре внимания как раз не Бог, не мир, а душа.

Джайны считают мир вечным и непреходящим. В отличие от индуистов, они не верят в периодическое сотворение и разрушение мира. Вселенная не управляется никаким Высшим Существом. Джайны самым категорическим образом отрицают существование Бога, правящего миром. Точно так же, как нет высшего, вечного, личного Бога, нет и вечной мировой души или Абсолюта, который испускает из себя мир как иллюзию (майю). Мир реален. Все, что в нем происходит, – результат взаимодействия вечных субстанций, которые в совокупности образуют Космос. Эти субстанции делятся на две группы: духовные и бездуховные. Духовные субстанции это бесконечное множество индивидуальных душ, которые, хотя и могут взаимно влиять друг на друга, по сути своей совершенно не зависимы друг от друга, и каждая представляет собой несозданное и неуничтожимое целое. Каждая душа обладает от природы бесконечным множеством свойств: она всеведуща и обладает неограниченной энергией.

Бездуховных субстанций пять: пространство, среды движения и покоя, время и материя. Последняя имеет особое значение вследствие того, что она может проникать в душу и вызывать в ней глубокие изменения. Подобно тому, как лекарство оказывает внутреннее воздействие на человека, так и материя, которая проникает в душу, влияет на нее множеством способов. И знания, и энергия ограничиваются. Душа облекается в преходящие тела. Материя, которая попадает в душу, становится ее кармой.

С другой стороны, согласно учению джайнов, связь души с кармической материей не имеет ни начала, ни конца. Налицо вроде бы противоречие, и сразу возникает вопрос: изначально и навеки душа связана с материей, или эта связь имеет начало и конец: в какой-то момент материя проникает в душу, но, после множества перерождений, избранная душа может от нее полностью очиститься?²⁰ Не знаю, как насчет очищения души, но вот от влияния школы санкхья джайнизм явно не очистился: ведь именно она призывала к полному отрыву

²⁰ Н.в.Гласенapp. Op. cit., p.166-170.

души от материи. Так что финал не оригинален, а вот начало сами джайны пытались объяснить следующим образом: «Как только душа начинает действовать, материальные частицы, находящиеся в занимаемом ею пространстве, проникают в нее и прилипают к ней, как пылинки к смазанному маслом телу. Воспринятые вещества превращаются в душе в определенные виды кармы, как съеденная пища – в кровь, млечный сок, семя и т.д.»²¹. Сразу второй вопрос: А с чего это вдруг душа начинает действовать?

Нам только что описали душу как совокупность всех совершенств, но в их перечне отсутствовало одно: свободная воля. Проявление душой активности это не результат какого-то толчка извне – не хватает нам еще и в этой области своей «теории среды»! – а проявление ею своей свободной воли. Кстати, тут же решается парадоксально-диалектическим образом вечный вопрос о том, свободна воля или нет: как только она проявляется, она тут же теряется. Как поется в песне: «Кто-то теряет, кто-то находит». В данном случае нам необходимо уточнить, кто именно и что именно теряет, а кто, соответственно, находит.

Прежде всего, нас постоянно будет сбивать с пути истинного слово «душа», которую мы под влиянием «абрамовичей» привыкли рассматривать в отрыве от материи или стараться оторвать от нее. Такое же негативное воздействие оказала на джайнизм школа санкхья. А ведь у него была своя, здоровая идея: связь души с материей не имеет ни начала, ни конца. Поэтому здесь более уместным будет термин «монада», который обычно ассоциируется с именем Лейбница, хотя еще Джордано Бруно определял ее как физический и одновременно психический элемент действительности. Точно такое же определение давал в XX веке другой мученик европейского плюрализма, [Эрнст Крик](#): «Монада, в отличие от материального атома, это духовная сущность, но обладающая телом».

Как писал французский философ Жиль Делёз, «суть монады в том, что она имеет темное основание: из него она извлекает всё, и ничто не поступает в нее извне и не выходит наружу»²². Оригинальность Лейбница он видел в том, что тот не связывал темное начало с телом. Темным он считал сам дух, основание духа и именно благодаря этой темной природе духа необходимо, чтобы он имел тело²³. Монады Лейбница – двухэтажные, душа и тело живут в них на разных

²¹ Ibid, p.169.

²² Gilles Deleuze. Die Falte. Leibniz und der Barock. Suhrkamp. Frankfurt/M., S.50.

²³ Ibid, p.139.

этажах, но неразрывно связаны друг с другом²⁴. Верхний этаж, где обитает душа, не имеет окон, это темная комната с экраном, на котором демонстрируются врожденные познания²⁵. Как видим, Лейбниц пророчески описал кино за 200 лет до его появления.

Кино это, конечно, хорошо, но двух этажей, по нашим меркам, мало. И даже по древнеиндийским. Вспомним праматерию в трактовке школы санкхья. Ее гармоничное состояние нарушается в результате того, что ее составляющие (гуны) вступают в конфликт друг с другом (то же, вроде бы, ни с того, ни с сего). Гун этих, как мы помним, три, и при переносе в человеческий масштаб их можно отождествить с разумом, волей и телом. В монаде мы имеем гармонию этих трех составляющих, а в роли нарушительницы этой гармонии выступает воля.

Главным специалистом по части воли у нас слывет [А. Шопенгауэр](#), да вот беда: в своей философии он «отталкивается» от Канта, а Кант это такой кривой трамплин, с которого не прыгнешь, а если прыгнешь, то куда-нибудь не туда. Так случилось и с Шопенгауэром: он взял кантовскую «вещь в себе» и определил ее как волю, притом «единую»²⁶.

Может быть, тут повлияло то, что в немецком языке слово «воля» не имеет множественного числа? Джайны говорят, что нет ни Абсолюта, ни мировой души. Точно также нет и мировой воли. За этим понятием скрывается лишь одна из разновидностей универсализма, против которого в любых его формах ведет беспощадную борьбу выдающийся французский философ [Пьер Шассар](#), который 31 июля 2006 года отметил свое 80-летие. Он прекрасно понимает, что универсализм это наклонная плоскость, по которой люди скатываются к монотеизму.

В заключении к новому изданию своей книги «Разнообразие в природе» он пишет, употребляя даже слово «разнообразие» во множественном числе: «Нигде, кроме как в эфемерных плодах воспаленного воображения или склонной к фантазии мысли, нет ни Единства, ни Одного, ни Всего. Всегда и везде, на Земле и на небе есть только множественность и разнообразие. В начале или в безначалии того, на чем все основано, мы уже неизбежно встречаем множественное и различие. Нет единства строения, основанного на единстве сущности его основных элементов; нет единства связи, действий и конечных целей, которые име-

²⁴ Ibid, p.176.

²⁵ Ibid, p.12.

²⁶ А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление». СПб., изд. А.Ф. Маркса, с.116, 131.

лись бы в Системе, нет непрерывного Целого и, прежде всего, нет Единства как гармоничного целого или Космоса без хаоса всех объектов в мире»²⁷.

Ницше своим афоризмом «В том божественность, что есть боги, а не бог» утверждал именно плюрализм, оговаривая для непонятливых, что это выражение следует понимать как метафору, а не как проповедь политеизма. Между тем, из него самого пытаются сделать универсалиста. Медвежью услугу ему оказал А. Боймлер, который, отбрасывая все то сокровенное, что Ницше писал о Дионисе, утверждал: «Не в «Рождении трагедии», а в том, что Ницше говорил о Гераклите, продолжает жить его самая глубокая сущность»²⁸.

Но тот же П. Шассар в статье «Ницше: критика метафизики и теологии» (бельгийский журнал «Contretheses», февраль 2000, No.4) показал истинную сущность самого этого греческого философа, которого Боймлер повесил на шею Ницше: «Гераклит, хотя его могли принять за типичного представителя греческой мысли, в действительности в ряде фрагментов того, что он якобы говорил, дошедших до нас, был распространителем семитских религиозных тем... Когда он говорит, например, что единый и всемирный Логос правит всем, что за ним надо следовать и закон предписывает повиноваться ему, он пытается подчинить множественность индивидуумов власти Одного, Зевса, высшего мирового бога. Всеединое, по своей природе неделимое и божественное, отделяется от реальности и ставится выше этой бесконечно множественной реальности».

Придется нам, в соответствии с принципом плюрализма, разбить и мировую волю на отдельные волевые сгустки, волевые концентрации. Они столь же разнообразны, как звезды, химические элементы и биологические виды, и П. Шассар мог бы, описав их, добавить к своей книге еще одну главу.

В отношении единства воли Шопенгауэр ошибается, но сущность ее он определил правильно. По его словам, воля в первоначальной своей сущности действует как слепое стремление²⁹: «воля вынуждена пожирать самое себя»³⁰, «существо воли в самой себе составляет отсутствие всякой цели»³¹, «воле свойственно раздвоение в самой себе»³². Из набора этих качеств в итоге составляется

²⁷ Pierre Chassard. Les diversites naturelles. Mengal. Bruxelles, 2004, p.219.

²⁸ A. Bäumler. Bahofen und Nietzsche. Zurich, 1929, S.38-39.

²⁹ Мир как воля и представление, с.155.

³⁰ Там же, с.159.

³¹ Там же, с.169.

³² Там же, с.151.

довольно неприглядная характеристика волевых концентраций. Но теми же качествами обладают в потенции и волевые составляющие монад, отсюда их тяга к определенным волевым сгусткам, итогом чего является волевой импульс, волевой разряд монады. Оторвавшись от нее часть по своему свободному выбору теряет свою свободу, а внутри монады вследствие ее отрыва нарушается гармоничное равновесие.

Одна монада может дать даже несколько таких выбросов к разным волевым сгусткам, если симпатии ее волевой составляющей не ограничиваются одним, как бывают мужчины, которым надо много женщин, и женщины, которым надо много мужчин. Истощение волевой части монады и приводит к ее материальному отягощению, а вовсе не занос материи извне.

С тех пор, как Карл Густав Юнг ввел понятие архетипа, возникла теория, согласно которой боги древних народов это их архетипы. Но архетип это «коллективное бессознательное начало». Воля у Шопенгауэра это, прежде всего, воля к существованию. Волевой сгусток или, если хотите, архетип жаждет воплощения в материальном мире и получает желаемое.

Джайны допускают влияние монад друг на друга. По Лейбницу, даже тело монады это тень, отбрасываемая на нее другими монадами³³; возможны и объединения монад в сообщества³⁴.

Группа монад, нацеленная на определенный волевой сгусток, посылает ему свои общие волевые импульсы и привносит в него то разумное начало, которым он по природе своей не обладает.

Согласно священной книге джайнов «Параматма-пракаша», «душа – единственная сознательная или знающая субстанция»³⁵. Волевые сгустки по сравнению с человеком, безусловно, сильнее, но разумом они не обладают, поэтому я и сравнил их в работе [«Цивилизация Мадонны»](#) с безмозглым доисторическим ящером. Но в отношении того, что я раньше условно называл «третьей силой» и что правильнее называть третьей реальностью, я пошел по неверному пути, изобразив ее плодом земной эволюции, чем-то вроде ноосферы Вернадского. А ведь Шопенгауэр предупреждал: «Бесконечно далек от философского познания мира всякий полагающий, что он может схватить сущность одного как-нибудь исторически... как скоро по его воззрению на сущность мира в самом себе

³³ G. Deleuze. Op. cit., p.139.

³⁴ Ibid, p.174.

³⁵ Readings from World Religions, p.146.

найдется какое-либо становление или ставшее... как скоро какое-либо прежде или после имеет хотя малейшее значение, и следовательно, явно или скрытно, отыскивается и обретается начальный и конечный пункт мира, вместе с путем между обоими»³⁶. Шопенгауэр здесь оказывается союзником П. Шассара, который тоже борется против линейных представлений о времени и против финализма. Хотя в рассуждениях Шопенгауэра и слышатся кантовские нотки, в них есть и рациональное зерно.

Извечно существуют три разных реальности, и ни к одной из них нельзя подходить с мерками другой. Мир монад это мир гармонии, мир волевых сгустков – царство хаоса и произвола, а в материальном мире действуют т.н. законы природы, в том числе закон эволюции.

Шопенгауэр изображает ее как процесс объективации воли. «На высших ступенях объективации воли мы замечаем значительно выступающую индивидуальность, особенно у человека... Такой индивидуальности нет у животных. Только у высших животных есть нечто подобное... Чем ниже, тем бесследнее индивидуальный характер теряется в родовом... В неорганическом царстве природы, наконец, всякая индивидуальность исчезает окончательно»³⁷.

Провозглашая, таким образом, индивидуальность высшей точкой эволюции, Шопенгауэр тут же вступает в противоречие с самим собой, утверждая, что «индивидуум должен возникнуть и исчезнуть, что, однако, столь же мало затрагивает волю к жизни, для проявления коей индивидуум составляет как бы только отдельный экземпляр или образчик, насколько мало целое природы оскорбляется смертью индивидуума. Ибо не о нем, а единственно о породе хлопочет природа и с величайшей стойкостью стремится к ее сохранению... Напротив того, индивидуум не имеет и не может иметь для нее цены... Она постоянно готова отдать в жертву индивидуум, который потому не только на тысячу ладов, по незначительным случайностям, подвержен гибели, но таковая ему уже первоначально определена, направляется на него самой природой с той минуты, как он послужил сохранению породы. Этим природа совершенно наивно высказывает сама истину, что только идеи, а не индивидуумы имеют действительную реальность, т.е. суть полная объективация воли»³⁸.

³⁶ Мир как воля и представление, с.283.

³⁷ Там же, с.135.

³⁸ Там же, с.286-287.

Точно такие же мысли о соотношении породы и индивидуума через сто лет после философа Шопенгауэра высказывал биолог В. Шалльмайер. От них прямая линия ведет к знаменитой формуле Муссолини: «Государство – всё, личность – ничто», к попыткам растворить личность в народе, в государстве, в расе. Но ведь это, согласно теории самого Шопенгауэра, регресс!

К счастью, в XX веке были люди, мыслившие иначе, нежели В. Шалльмайер и ему подобные. «Когда говорят, что природе нет дела до индивидуумов, то имеют в виду следующее: как только появляется для этого возможность, природа стремится к осуществлению того, что можно осуществить в рамках ее идеи; виды – это невоплощенные носители идеи, которая осуществляется лишь в индивидуиде; стремление имеет своей целью опять-таки индивид, но которое, достигая цели, приводит к эманации вида как такового. Таким образом, поскольку целью видимой души является индивид, то было бы также правомерным утверждение, что для природы индивидуиды имеют значение». Это писал в 1936 году в своей работе «Наука и мировоззрение» немецкий философ Алоиз Венцль, один из видных представителей неовитализма. У используемого им термина «видовая душа» есть синоним «видовая энтелехия».

Неовиталисты называли энтелехией «действенную мощь, которая не является такой слепой, как физические природные силы, а наполнена смыслом, как человеческие действия. Энтелехия есть нечто реальное, но эта реальность не физическая или психическая, а метафизическая». Это определение дала другая представительница этого направления Эдвиг Конрад-Мартиус.

Эккерман однажды завел с Гете разговор об энтелехии.

«– Самоутверждение любого индивида и то, что человек отмечает все ему чуждое, – сказал Гете, – для меня служит доказательством, что нечто подобное и впрямь существует... У Лейбница возникали похожие мысли касательно таких независимых созданий, но то, что мы обозначаем словом «энтелехия», он называл «монадой»³⁹.

Так мы возвращаемся к нашим монадам. Лейбниц различал даже множество видов монад или душ: растительные, животные, человеческие и т.д.⁴⁰ Три основных класса монад у него это голые энтелехии или субстанциальные формы, обладающие только восприятиями, животные души, которые имеют память, ощу-

³⁹ И.П. Эккерман. Разговоры с Гете. Ереван, 1988, с.346-347.

⁴⁰ G. Deleuze. Op. cit., p.110.

щение и внимание, и, наконец, разумные духи. Энтелехии же это выродившиеся души⁴¹.

Как видим, понятие монады у Лейбница расплывается, единственно разумные души – монады джайнов он топит в животном и растительном мире, как Герасим – Муму. Джайны, правда, сами хороши: уважение ко всему живому они доводят до абсурда, до запрета, вопреки рекомендациям Мефистофеля, давить блох и тому подобную нечисть.

Как уже говорилось, нельзя смешивать разные реальности, даже если они сами частично смешиваются. Архей Парацельса и жизненная сила виталистов это категории, относящиеся к уровню волевых сгустков, а не к монадическому уровню. Когда мы встречаем у разных авторов выражения типа «природа хлопочет» или «природа стремится», всегда надо помнить, что природа ни о чем не хлопочет и ни к чему не стремится, не следует наделять ее человеческими качествами. У воли, как мы знаем, нет цели, соответственно, в природе нет энтелехии, нет осуществления какого-то разумного плана, а есть просто отражение многообразия волевых сгустков на многообразии форм материального мира. Именно поэтому «жизнь либо создает огромное разнообразие форм, либо не возникает вообще», как говорит палеобиолог Лауда в романе С. Лема «Непобедимый».

С человеком все иначе. Как утверждают джайны, судьбу его определяет Карма, причем они расписали ее в мельчайших подробностях, насчитав 148 ее разновидностей. Одни из них определяют врожденные способности человека, другие – его страсти, прочие – продолжительность жизни, внешний вид, положение в обществе, веру и т.д. Вроде бы «все учтено могучим ураганом» и все-таки остаются неясности⁴².

Начнем с места рождения. Можно ли считать его определенным? Лишь в том случае, если душа воплощается, пройдя предварительно через определенный, свободно ею выбранный волевой сгусток (архетип). Для такого человека чувство любви к своей Родине, к своему народу будет вполне естественным.

Но бывает и так, что монада по причине волевого истощения и материальной перегрузки сбрасывает излишнюю материю, как сбрасывают с воздушного шара балласт, чтобы подняться выше, причем сбрасывает ее куда попало. Тогда человек будет чувствовать себя чужим в своей стране, его либо потянет в какое-то определенное место, как Лоуренса к арабам, Миклухо-Маклая к папуасам

⁴¹ Ibid, p.192-193.

⁴² Н.в.Glasenapp. Op. cit., p.169.

или Гриоля к догонам, либо, если воля монады слишком разбрасывалась, он вообще не будет знать, где приткнуться. Карма это или что-то другое?

Другой пример. Немецкие расологи обнаружили такой парадокс, как присутствие «нордической души в ненордическом теле». Можно, конечно, объяснить его биологически, сказать, что доминантные гены определяют в таком случае внешность, а рецессивные – психику, но это еще один случай несоответствия, попадания души «не туда».

Французский философ Эмиль Бутру написал книгу «О случайности законов природы». Непреложность действия законов природы – и та ставится под сомнение, а законы Кармы? Так ли уж они непреложны?

В священных книгах тех же джанов, которые, казалось бы, так скрупулезно изучили Карму, мы с удивлением читаем: «Тот, кто в действительности не совершил Химсу (насилие), становится ответственным за последствия Химсы, а другой, кто в действительности совершал Химсу, не отвечает за плоды Химсы. Для одного мелкая Химса несет за собой со временем серьезные последствия, а для другого серьезная Химса, когда приходит время расплаты, не имеет больших последствий... От последствий Химсы, совершенной одним, страдают многие; многие совершают Химсу, но лишь один страдает от последствий Химсы»⁴³.

Что это напоминает? А напоминает это учение одного из братьев Леметр – теолога-янсениста XVII века, в пародийном изложении Анатоля Франса: «Бог священного писания поражает того, кто его страшится, милует того, кто ему противостоит, не принимает во внимание никаких добрых дел и предаёт гибели, если ему это угодно, самых верных своих слуг; ибо правосудие его не имеет ничего общего с нашим правосудием, и пути его неисповедимы»⁴⁴.

И законы природы, и законы Кармы – все нарушается вторжением сил хаоса. И в самом деле: какая уж там Карма, если сотни человек гибнут одновременно при падении одного самолета! (Примечание. В одном из детективных романов Пьера Буало и Тома Нарсежака, который так и называется «Дурной глаз», из-за одного человека с «дурным глазом» разбивается самолет, на котором летели чемпион по боксу и известная скрипачка). Гибнут они из-за кого-то одного или у всех была одинаковая Карма? О гибели десятков и сотен тысяч людей при землетрясениях и наводнениях я уж не говорю.

⁴³ Readings from World Religions, p.149-150.

⁴⁴ А. Франс. Восстание ангелов. М., 1958. с.129.

О Карме можно говорить отнюдь не при любом воплощении. Одно дело – воплощения архетипических элементов, другое – воплощение монад. Архетипические элементы готовы воплощаться сколько угодно, точнее, их волевые составляющие делают это, как правило, выборочно.

Воплощенная монада это ярко выраженная индивидуальность. Индивидуальный характер теряется в родовом не только у низших животных, как думал Шопенгауэр, но и в первобытном человеческом обществе. Его проявление – свидетельство воплощения монад среди воплощенных архетипических элементов.

Термин «сверхличность», который я уже не раз употреблял, был попыткой проследить такие воплощения на наиболее ярких примерах. «Сверхличность» не следует понимать как некое собрание личностей, своего рода элитарный клуб, где сидят вместе, скажем, Александр Македонский и Наполеон и беседуют «за жизнь». Поскольку это разные воплощения одной монады, более верным будет сравнение с артистом, игравшим разные роли, например, с Черкасовым в ролях Ивана Грозного и Александра Невского или с Безруковым в ролях Пушкина и Есенина. Не зря же Лейбниц установил в монаде киноэкран, хотя кино в его эпоху еще не было!

Монада, поскольку она обладает безграничным знанием, может рассчитать судьбу своего воплощения с учетом всех случайностей и поэтому с ним заведомо ничего непредвиденного не произойдет. Поэтому Цезарь и мог с полной уверенностью успокаивать перевозчика: Ты не утонешь, ты везешь Цезаря!

Кстати о Цезаре. Лейбниц (в трактовке Делёза) считал переход Цезаря через Рубикон на каком-то уровне свершившимся фактом, а не каком-то лишь виртуально возможным⁴⁵. Это верно лишь в том смысле, что через Рубикон переходила не сама монада, а только ее воплощение, а не в том, что Цезарь перешел Рубикон, а мог бы и не переходить. Не мог. Христос тоже молился, чтобы чаша его минула, хотя прекрасно знал, что не минет. Монада может выбрать и заведомо трагическую судьбу, но это уже миссия, такая же, как избавление от балласта.

Взаимную компенсацию разных воплощений не следует рассматривать с точки зрения моральных категорий кары или вознаграждения. Карма это не кара, а результат свободного выбора монады. То или иное количество воплощений нужно вовсе не для того, чтобы человек что-то понял – он же не школьник, которого оставляют на второй, третий и невесть на какой еще год в одном и том

⁴⁵ G. Deleuze. Op. cit., p.72, 136.

же классе. Всякое воплощение, поскольку оно связано с волевым выплеском, нарушает внутреннюю гармонию монады, что в свою очередь вызывает новые волевые выплески до тех пор, пока гармония не восстановится.

Нарушиться может и равновесие между разными реальностями. Шиваизм учит, что в любви главное – наслаждение, а не производство потомства. Первое приближает человека к божественному состоянию, второе – привязывает ко всему земному⁴⁶. Когда число земных воплощений превышает допустимые размеры, Шиве приходится выполнять свою роль разрушителя. Примечательно, что «Махабхарата» начинается с жалобы Земли богам на перенаселенность, и точно такой же причиной греческие мифы объясняют начало Троянской войны. Можно себе представить, какие вопли испускает Земля сейчас!

Воплощения монад могут ускорить их возрождение в состоянии гармонии, если обретут внутреннюю гармонию сами. В этом смысл учения о «царствии небесном внутри нас», а не в каком-то определенном месте. Главным возмутителем спокойствия является воля; с ее укрощения и надо начинать.

Разумеется, речь не идет о подавлении воли внеличными средствами – так можно только загнать болезнь внутрь. И парадокс в том, что желание подавить волю это тоже желание, проявление той же воли.

Этот парадокс понимали джайны. Согласно их священным писаниям, «желание воздержания от Химсы и необузданность в Химсе – и то, и другое – Химса»⁴⁷, но джайны сами не поняли этой диалектики и в своей практике ненанесения вреда живым существам, даже самым вредным, которую они называют Ахимсой, они как раз впадают в Химсу.

В тех же писаниях мы читаем, что вред живым существам можно нанести «умом, телом или речью»⁴⁸. Не представляю себе, как можно мысленно или словесно нанести вред какому-нибудь живому существу. Но вот своей внутренней гармонии злобной мыслью или злобным словом повредить можно. В этом смысл содержащегося в «Бхагавадгите» призыва «всегда делать свое дело без привязанности».

В пьесе Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» между Цезарем и наместником Египта Руфием происходит такой диалог. Руфий спрашивает Цезаря: Если тебе встре-

⁴⁶ А. Danielou. Op. cit., p.73.

⁴⁷ Readings from World Religions, p.149.

⁴⁸ Ibidem.

тится лев и захочет тебя пожрать, ты рассердишься на него или осудишь его за это? – Нет, – отвечает Цезарь. – А что же ты сделаешь? – Да просто убью его, как он убил бы меня в противном случае.

Не в каком-нибудь священном писании, а в пьесе драматурга, известного мастера иронии, вдруг дается точное определение тому, что такое «ахимса».

Есть все основания полагать, вслед за Г. фон Глазенапом, что человек, считающийся родоначальником современного джайнизма, более известный, как и Будда, не под своим именем Вардхамана, а под титулами «Махавира» (великий герой) и «Джина» (победитель), жизнь которого традиционно датируется 599—527 годами до н.э. был на самом деле лишь обновителем и реформатором этой религии, а ее подлинным основателем был Паршва, живший на 250 лет раньше, причем Махавира ввел в общине джайнов гораздо более строгие правила, чем те, что были при Паршве⁴⁹.

Знаем мы этих «реформаторов»! На самом деле их «реформы», как правило, искажают первоначальное учение. Махавира, похоже, не был исключением.

Он, например, дошел в своем аскетизме до того, что ходил совершенно голым и требовал того же от своих последователей. Очевидно, их и знали древние греки под именем гимнософистов (голых мудрецов). Те, кто остался верен этому странному правилу, принадлежат к течению т.н. дигамбаров, к одной из двух ветвей, на которые раскололся джайнизм.

Дигамбары, к невыгоде своей, отличаются еще и тем, что женщина, согласно их воззрениям, не может войти в нирвану; для этого она должна сначала воплотиться в виде мужчины⁵⁰. Их противники, шветамбары (люди в белых одеждах) так не считают. Тут, кстати, решается и вопрос о том, чередуются ли мужские и женские воплощения одной монады. Если женщина может достичь высшего уровня, не прибегая к операции по изменению пола, значит, мы можем допустить существование женских монад и даже своего рода супружеских пар на этом уровне. Уверяют же астрономы, что большинство звезд – парные. Так почему бы парам не быть и здесь? Тогда станет понятным, почему говорят, что браки заключаются на небесах.

Паршва и Махавира – лишь последние в длинном ряду вероучителей – тиртханкаров. В их списке насчитывается 24 имени. Первым был Ришабха.

⁴⁹ H.v.Glasenapp. Op. cit., p.162, 163, 164.

⁵⁰ Readings from World Religions, p.143.

Историю джайны, как и многие народы мира, начинают с Золотого века (суша-ма-сушама). За ним следует шестиступенчатое ухудшение до самых худших (наших, разумеется) времен и новый подъем по тем же шести ступеням.

В Золотом веке люди были равными и жили без царей и без законов. «Деревья желаний» приносили им все необходимое. Срок жизни был невероятно долгим, а дети развивались так быстро, что через семь недель уже могли предаваться любовным наслаждениям. Всегда рождалась пара близнецов, мальчик и девочка, будущие супруги.

Во вторую эпоху длительность жизни уменьшается, в третью стали исчезать деревья желаний и людские добродетели. Потребовалось введение законов и наказаний, а потом и подчинение царю. Первым царем и стал первый тиртханкар Ришабха. (Его имя означает «бык». Часто употребляется формула Ришабхадэва, т.е. бог-бык. Бог в образе быка – распространенный в древности образ). Поскольку тогда перестали рождаться близнецы, он ввел институт брака. Он же разделил общество на четыре касты.

Бхарата, прародитель индийцев, это, по традиции джайнов, сын и преемник Ришабхи. Это может служить косвенным подтверждением гипотезы о двух волнах арийцев и о джайнах как наследниках первой! Кстати, джайны, в отличие от буддистов, строгие приверженцы кастовой системы, только на первое место они ставят не брахманов, а кшатриев⁵¹.

В мифическую эпоху Ришабхи джайнизм, если он действительно тогда существовал, разумеется, не был тем, во что его превратил Махавира.

Все легенды о Золотом веке это воспоминания об утраченной гармонии. Люди мечтают о ее возвращении, но не понимают и не хотят понимать, что каждый должен начинать этот процесс с самого себя: какие-то благодетели должны принести им Царствие Божие на Земле в готовом виде на золотом блюде, а когда приходит человек и говорит им, что оно в них самих, они за это его распинают, а потом ждут его второго пришествия, второго воплощения и обижаются, что долго не приходит. Принимать надо было иначе!

Словом, съели аборигены Кука и ждут, когда он снова приплывет. Проголодались...

⁵¹ G.v.Glasenapp. Op. cit., p.182.

Трагические судьбы многих воплощений монад заставляют задуматься о смысле их миссий. Ради чего «сверхличности» идут на такие жертвы?

Несмотря на рассыпанные в «Новом Завете» фразы типа «Много званых, да мало избранных», «Ради избранных сократятся те дни» и т.п. Великий инквизитор, придуманный Достоевским (а вместе с ним и сам автор), сомневался, что Христос мог приходить только для избранных. Однако протестант Кальвин был еще более решителен в своих выводах: да, Христос умер на кресте не за весь род человеческий, а только за избранных: да Бог не хочет, чтобы все люди спаслись⁵². И по учению джайнов, не все люди достигнут спасения, многим из них суждено вечно возвращаться в круговороте сансары⁵³.

Связи между этими избранными, воплощениями монад, устанавливаются поверх времени и пространства. Они находят друг друга, несмотря на разделяющие их эпохи и границы государств. Их взаимное влечение так же предопределено, как и их жизненные траектории. При первом воплощении монада рассчитывает свою судьбу, при последующих для нее образуется нечто вроде правительственной трассы, которую расчищают перед проездом какого-нибудь важного лица.

Но религия, предназначенная для избранных, стала достоянием масс. Воплощения архетипических элементов уверовали в бессмертие своих душ, тогда как душами в подлинном смысле этого слова обладают только воплощенные монады. Архетипическим элементам тоже суждено бессмертие, только другое.

В своей книге «Бунт против современного мира» Ю. Эвола посвятил этому вопросу особую главу, которая так и называется: «Два пути в потусторонний мир. Он пишет: «То, что душа каждого человека бессмертна, – уникальная вера, которая почти не встречается в мире традиции. Традиция различает, прежде всего, подлинное бессмертие (равнозначное сопричастности к олимпийской природе богов) и простое продолжение существования после смерти».

«Что касается судьбы души после смерти, то у нее есть два противоположных пути. Один из них это «путь богов»... другим путем идут те, кто фактически не продолжает жить, а постепенно растворяется в предках, в «тотемах» которые одни только не умирают». «Представления о личностном, бессознательном состоянии большинства мертвых, как в греческом Аиде, мы встречаем и у ассирийско-вавилонских народов. Отсюда же мрачный Шеол евреев, где души мертвых, да-

⁵² Owen Chadwick. The Reformation. Penguin Books, p.95.

⁵³ G.v.Glasenapp. Op. cit., p.170.

же таких праотцев, как Авраам или Давид, вынуждены вести бессознательное и безличное существование». И так, одних ждет Олимп, а судьба других – «растворение, утрата личного сознания, личиночное существование или возврат в круговорот реинкарнаций». И в индийских Упанишадах говорится о двух путях, пути богов (дева-яна) и пути предков (питри-яна). Оба эти пути можно рассматривать, как вечные, только тот, кто идет по первому, не возвращается, а тот, кто идет по второму – возвращается⁵⁴.

О чем здесь идет речь, совершенно ясно. Архетип – бессознательный волевой сгусток, и вполне правомерно использование в качестве синонима термина «тотем», которым у многих народов, как известно, является животное. Элементы архетипа крутятся в колесе сансары, волевые импульсы монад, избравшие своей целью определенный архетип, возвращаются к своему источнику.

Это не восхождение на Олимп, не причисление к его богам – берите выше. Боги, по учению джайнов, это преходящие существа с ограниченной властью, они, как и олимпийские боги, подчиняются Судьбе, которая обрекает их на возвращение на Землю⁵⁵. Мы же ведем речь о тех, кто не возвращается.

Для этого, кстати, не требуются ни особые усилия, ни многочисленные обороты колеса. В одной из священных книг джайнов сказано: «Если ты хотя бы один раз преодолеешь волнения, чтобы достичь освобождения, ты, разумеется, никогда больше не испытаешь муки все новых и новых воплощений»⁵⁶.

Когда Лейбниц писал Антуану Арно, еще одному теологу из вышеупомянутого монастыря Пор-Рояль, что, когда организм умирает, он не самоуничтожается, а как бы внезапно сворачивается, перепрыгивая все стадии, в спящий зародыш⁵⁷, он описывал как раз второй путь посмертных скитаний. Но он же говорил о двухэтажности монад и о том, что верхний этаж существует, потому что на нижнем этаже есть немногие души, призванные стать разумными⁵⁸. Он, правда, связывал их появление с определенным временем⁵⁹, как будто это какой-то продукт эволюции. Но его избранные души это просто настоящие монады, един-

⁵⁴ J. Evola. Revolte gegen die moderne Welt. Vilsbiburg. Arun, 1993, S.79, 83.

⁵⁵ H.v.Glasenapp. Op. cit., p.166.

⁵⁶ Readings from World Religions, p.148.

⁵⁷ G. Deleuze. Op. cit., p.20.

⁵⁸ Ibid, p.26.

⁵⁹ Ibid, p.123.

ственные законные носительницы титула, которым Лейбницу, по доброте своей, награждал, кого попало.

Также по доброте своей Христос возвел на уровень монад Авраама и Давида, которые, по верованиям самих евреев, влчат, выражаясь словами Эволы, личиночное существование (или снова в кого-нибудь воплощались). Но раз так, значит, эти еврейские кумиры – не монады, а архетипные элементы, обитатели первого и единственного этажа одноэтажного дома. Выходит, пресловутая избранность евреев это, наоборот, их неизбранность, не доросли они до второго этажа. Возможно, это наиболее концентрированный волевой сгусток (архетип) из всех, воплощенных на Земле, что и делает их «князьями мира сего», но мир сей – не единственный, да и архетипов много, хороших и разных, и евреи не раз чувствовали на своей шкуре, что «хитер не один Одиссей».

Одиссей это, правда, уже из другой мифологии, в которой тоже есть примеры странствий по двум путям. Если Геракл был принят в сонм олимпийцев, то Ахилл маялся в Аиде и жаждал воплотиться хотя бы в простого поденщика. А чего он, собственно, ждал, после того как из-за его капризов и недисциплинированности столько народу зря погибло? То ли дело Геракл: смиренно повиновался всем приказам идиота Эврифея и был за это вознагражден. Мораль: начальство надо слушаться, каким бы оно ни было!

Не в этом, конечно, мораль. Представим себе, что пожелание Ахилла исполнилось.

С. Шервинский в предисловии к сочинениям Вергилия пишет об эклоге V «Буколик», что автор задал ей загадку будущим исследователям. Посмертная хвала погибшему молодому пастуху по имени Дафнис настолько возвышенна, его друзья создают вокруг него настоящий культ – все это заставило гадать, кого же имел в виду Вергилий под именем Дафниса. Называли имена и Катутла, и Юлия Цезаря. Ученый комментатор расписался в своей бессилии, когда пришел к выводу, что может быть, никакой тайны у эклоги V и нет вовсе⁶⁰.

Не надо забывать, что Дафнис – простой пастух. И вдруг:

*«Светлый, дивится теперь вратам незнакомым Олимпа,
Ныне у ног своих зрит облака и созвездия Дафнис».*

⁶⁰ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971, с.13.

За какие такие заслуги? Да ни за какие, может быть, это тот же Ахилл, побывав простым пастухом, реализовал тем самым принцип компенсации, и его пустили, наконец, туда же, куда раньше пустили Геракла.

Великим людям иногда бывает полезно побывать на месте обыкновенного человека и почувствовать на себе, каково жить под тяжестью их величия. Но это вовсе не значит, что каждый пастух может воображать себя Дафнисом и лезть на Олимп. У Брюсова есть стихотворение о пастухах, которые взошли на эту гору и, ничего там не увидев, вернулись разочарованные, решив, что никаких богов нет.

Язычество принято считать культом природы. Однако А. Боймлер видел специфику греческого язычества в том, что это был не культ природы, а культ героев.

Вообще у греков героями называли обоготворенных покойников, предков или родоначальников отдельных родов⁶¹. При раздробленности Греции и постоянном соперничестве между полисами, было бы вполне естественным, если бы соответствовала истине формула «бытие определяет сознание», распространение среди греков плюралистических взглядов на мир. Но нет: греческие философы с самого начала «искали единую первооснову всего сущего»⁶². При такой предрасположенности греков к монотеизму неудивительно, что они с такой готовностью клюнули на удочку христианства и не зря первых проповедников этой религии в Риме называли «греческие обманщики».

Плюрализм в древней Греции развился только в материалистической форме атомизма. Аналогом этого в эстетической сфере было то, что «из всех искусств важнейшим» для греков было ваяние.

Политеизм олимпийского пантеона – понятие относительное. Зевс на Олимпе был скорее абсолютным, чем конституционным монархом. Гораздо большего внимания заслуживает борьба между олимпийскими богами и титанами.

Вокруг титанов столько всего накручено, что трудно добраться до истины и понять, кто же они такие на самом деле. Из-за того, что их позже отождествили с гигантами, с ними устойчиво стало связываться представление о чем-то грандиозным, вроде творений Вучетича или Церетели. Считали их также олицетворением стихийных сил, а победу над ними – победой порядка над хаосом.

⁶¹ С.И. Радциг. История древнегреческой литературы. М., 1982, с.35.

⁶² Там же, с.153.

И только крупнейший специалист по древнегреческой мифологии Вальтер Отто догадался, что слово «титаны» в доэллинской Греции означало богов вообще⁶³.

Эллины гуртом называли народы, жившие в Греции до них, «пеласгами», смешивая под этим названием разнородные элементы. Автохтонами Греции были средиземноморцы, а потом на этой древней чужеродной основе произошла ее первая индоевропеизация, активными участниками которой были иллирийцы⁶⁴.

В. Отто прав: Эсхил в своем «Прикованном Прометее» описывал столкновение двух божественных сил⁶⁵. Прометей в первом же своем монологе восклицает: «Что ныне, бог, терплю я от богов!» Он считает себя равным этим «новым богам» и отказывается смириться с их гегемонией.

Д. Андреев в своей «Розе мира» употребляет термин «титаны», говоря об особой космической силе, противостоящей как Богу, так и демонам. Посланцами этой силы на Земле он считал того же Эсхила, а также Данте, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Гете, Бетховена, Вагнера, Ибсена, Лермонтова и Л. Толстого⁶⁶.

Если оставить в стороне «Бога» и «демонов» и стать на нашу плюралистическую точку зрения, можно объяснить конфликт Прометея и других титанов с олимпийскими богами как борьбу между двумя архетипами, земное отражение которого – соперничество между иллирийцами и эллинами за гегемонию в Греции. Прометей это волевой элемент монады на уровне архетипа, Эсхил – на земном, материальном уровне. Возможно, речь идет об одной и той же монаде.

Ж. Дюмезиль выявил и в индийской мифологии, наряду с асурами и дэвами, третий тип могущественных существ, поддержкой которых пользуются и те, и другие⁶⁷. Я уже показал в работе [«Заратустра говорил не так»](#), что асуры попали в разряд демонических существ лишь на более позднем этапе развития индуизма, а первоначально это были высшие боги арийского пантеона. Их оттеснение и дискредитация – явления, сопутствующие растворению арийского меньшинства в туземной массе. И в этом случае можно говорить о борьбе арийского архетипа с архетипами других народов.

⁶³ Walter W. Otto. Die Götter Griechenlands. Fr./M., 1947, S.36.

⁶⁴ Carl Schuchhardt. Alteuropa. Berlin, 1941, S.X, 250, 253.

⁶⁵ W. Otto. Op. cit., p.21.

⁶⁶ Д. Андреев. Роза мира. М., «Прометей», 1991, с.47.

⁶⁷ Georges Dumézil. Mythe et epopée. Gallimard, 1974, v.2, p.175.

Как известно, в Индии долгое время господствующей религией был буддизм, а потом начался процесс, который по аналогии с европейскими событиями XVI века называют «брахманской контрреформацией». Активным деятелем ее был Кумарила, живший в первой половине VIII века. Его считают воплощением бога войны Кумары (в нашем толковании – монада на уровне архетипа и на земном уровне), посланным на Землю для искоренения ереси. Кумарила был выдающимся представителем школы миманса и, согласно ее канонам, отвергал существование Бога-творца и правителя мира, зато признавал существование множества вечных душ⁶⁸. Так что в Индии плюрализм не умирал.

Еще один титан из списка Д. Андреева – Данте. Он жил в эпоху борьбы между гвельфами и гибеллинами, которой уделял много внимания в своих трудах Ю. Эвола. К сожалению, в этих трудах много путаницы. Эвола тоже употреблял всуе термин «титаны», но ставил титанов и Прометея на один уровень с Люцифером⁶⁹, действующим лицом из совсем другой оперы. Но он нашел у Вольфрама фон Эшенбаха и версию об ангелах, оставшихся нейтральными во время конфликта Бога с Люцифером и за это приговоренных к воплощению на Земле. В кельтских легендах это Туата де Дананн, предки нынешних ирландцев⁷⁰. Это уже проблески плюралистической идеи «третьей силы».

Гибеллинов, т.е. сторонников императоров в их борьбе против пап, Эвола считал представителями высшей и более древней традиции, нежели христианство, и упрекал Данте в том, что тот не был последовательным гибеллином⁷¹. Борьбу гвельфов и гибеллинов можно рассматривать как земное отражение борьбы романского и германского архетипов. Данте действительно одно время был гибеллином, но потом партийные рамки оказались для него слишком узкими, и он, по его собственным словам, «образовал партию из самого себя». Это типичный пример поведения монады, которая, попав на Землю в качестве представителя определенного архетипа осознает свою самостоятельную сущность. То же самое произошло и с Эсхилом: Прометей у него в итоге примиряется с богами.

Для нас в списке Д. Андреева наибольший интерес представляют, разумеется, русские имена. Он сам уделил им много внимания, особенно Лермонтову.

⁶⁸ Н.v.Glasenapp. Op. cit., p.289.

⁶⁹ J. Evola. Le Mystere du Graal et l'idee imperiale gibeline. Paris, 1985, p.28, 98.

⁷⁰ Ibid, p.101, 103.

⁷¹ Ibid, p.78, 221-222.

По его словам, «если смерть Пушкина была великим несчастьем для России, то смерть Лермонтова была уже настоящей катастрофой». «Миссия Пушкина... все же укладывается в человеческие понятия; по существу, она ясна. Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры».

Темы творчества Лермонтова Д. Андреев считал «наследием древних воплощений этой монады в человечестве титанов». В этом плане он был выше Байрона, у которого «никакого воплощения в человечестве титанов в прошлом не было». В противоположность Байрону Лермонтов – мистик по существу»⁷².

Но далее Д. Андреев пускается в совершенно недопустимые для серьезного мыслителя рассуждения на тему, что было бы, если бы Лермонтов не погиб на дуэли, какими великими идеями и произведениями одарил бы он Россию и весь мир. Говорить о «не свершенной миссии Лермонтова» нелепо, а о том, что он «сам несет значительную часть ответственности за свою гибель» – низко и бестактно.

Лермонтов знал, что жить ему недолго, знал и писал об этом, сравнивая себя с Байроном: «Я раньше начал, кончу ране», очень ярко представлял себе, как он лежит убитым «в полдневный жар в долине Дагестана». Он знал не только свое будущее, но и будущее России, знал, что «наступит год, России черный год, когда царей корона упадет». Какая там «несвершенная миссия»! Не бывает у монахов таких миссий. Смерть Лермонтова не была для России катастрофой, всей своей жизнью он предупреждал Россию о грядущих катастрофах – в этом и заключалась его миссия. Не случайно годы рождения и смерть Лермонтова (1814—1841), если добавить к ним по сто лет, совпадают с самыми страшными войнами, которые России предстояло пережить.

И свою монадическую сущность Лермонтов тоже хорошо понимал, только искать признаки этого понимания надо не в «Демоне», а в другой поэме – «Ангел смерти». Пожалев главного героя этой поэмы, на руках у которого умирала его возлюбленная, Ангел оживил ее, вселившись в ее телесную оболочку, притом не по воле Бога, а по собственному произволению. Это стоило ему утраты внутренней гармонии. Но его жертва оказалась напрасной. Герой поэмы Зораим покинул свою любимую, погнавшись за военной славой, и погиб в битве.

Весь расклад налицо. Зораим – воплощенный архетипический элемент, его волевое начало в нем сильнее всего, оно и толкает его на войну, в которой он вовсе не обязан был принимать участие, так как жил отшельником. Ада, вопло-

⁷² Роза мира, с.182-183.

щенная монада (она же Ангел), стремится сделать его жизнь гармоничной, но из этого ничего не получается – архитипические элементы неисправимы.

Ангел пришел к неутешительному выводу, что люди не заслуживают сострадания. Он даже на них обиделся – а вот это уже не монадические чувства. Монаде нечего делать ни на Земле, ни в архетипе, ни мир воли, ни земной мир она не исправит. Это другие миры, а у нее свой мир.

Влечение монады к архетипу, подобное любви Ады к Зораиму, сродни «странной» любви Лермонтова к своей родине. Как Аде безразличны военные подвиги Зораима, так и Лермонтова не волнуют «ни слава, купленная кровью», ни «старинны заветные преданья».

Лермонтов знал о своих предках, которые жили в Испании, а потом в Шотландии, поэтому у него есть и пьеса «Испанцы», и стихи о могиле Оссиана. У него даже генетика была расшатана, значит, и привязанность этой монады к определенному архетипу уже была в какой-то мере условной.

Лермонтов тоже был свидетелем борьбы двух архетипов, войны русских с горцами-мусульманами Северного Кавказа. И не только свидетелем: он сам воевал и воевал, как известно, храбро. Но он «не испытывал ненависть к врагам Отечества», т.е. не обладал качеством, которое Сен-Жюст считал обязательным для патриота. С точки зрения Сен-Жюста, Лермонтов был неполноценным патриотом: он не только не питал ненависти к горцам, но наоборот, воспел их в множестве прекрасных стихотворений и поэм. Вы сегодня можете представить себе русского офицера, который воспел бы в стихах, скажем, Басаева?

Еще один пример. Лермонтов, с одной стороны, написал «Бородино», а с другой – целый ряд стихотворений, восхваляющих Наполеона. И опять: вы можете представить себе русского офицера, участника Великой Отечественной войны (если он, конечно, не из РОА), который воспел бы Гитлера?

Монада остается над схваткой, какое бы активное участие ни принимало в ней ее воплощение. Испанский писатель и философ Мигель де Унамуну, если кто не знает – баск, написал роман «Мир в войне», посвященный событиям т.н. Второй карлистской войны. Войны, известные под названием карлистских, которые сотрясали Испанию с 30-х по 70-е годы XIX века, под вывеской спора между претендентами на престол, скрывали опять-таки борьбу двух архетипов, собственно испанского и баскского.

Унамуну в своем романе, начиная с заглавия, полемизирует с Л. Толстым. «У Толстого каждый человек служит бессознательным орудием для достижения ис-

торических, общечеловеческих целей, а Унамуно не только равнодушен к общей цели исторического движения, но и никак не связывает его с частной жизнью людей: обычная история и «интраистория» не пересекаются».

«Для Толстого Отечественная война 1812 года – это та кризисная ситуация, которая позволяет и всему русскому народу и лучшим его представителям, в частности, Пьеру Безухову, проникнуть в глубинный смысл происходящего и через это обрести внутренний покой. И для каждого солдата, и для Пьера этот мир с самим собой наступает тогда, когда его «я» растворяется в «мы». Для Унамуно слияние героя с народом неприемлемо: весь смысл проникновения личности в «интраисторическое» бытие сводится к самоуглублению «я», к его изоляции от внешнего мира»⁷³.

Для Унамуно главное – бесконечная и вечная ценность человеческой личности. Это типичный подход с точки зрения монады. Но ее воплощению редко удается изолироваться от внешнего мира. Не удалось это и самому Унамуно. В 1936 году, последнем году своей жизни, поддержав сначала мятеж против Республики, он затем резко выступил против кумира франкистов, генерала Мильяна Астрая, услышав его «бессмысленный некрофильский вопль»: «Да здравствует смерть!»

Унамуно полемизировал с Л. Толстым, которого Д. Андреев тоже сопричислил к лику титанов. Но что же это за титан такой, который проповедует «растворение»?

Сам Д. Андреев давал такое объяснение: «Трагедия Толстого заключается... в том, что дары, необходимые для создания из собственной жизни величавого образа, который превышал бы значительность его художественных творений, – дары, необходимые для пророческого служения, остались в нем нераскрытыми. Духовные очи не разомкнулись, и миров горних он не узрел. Духовный слух не отверзся, и мировой гармонии он не услышал. Глубинная память не пробудилась, и виденного его душою в иных слоях или в других воплощениях он не вспомнил»⁷⁴.

Забывчивая монада? Монада, растворившаяся в архетипе?

Где-то Толстой все же преодолевал свой архетип. Например, к горцам он относился как и Лермонтов – написал «Хаджи Мурат». А вот Наполеона не оценил по достоинству, как Лермонтов. «Этот ничтожный старикашка облаял величай-

⁷³ З.И. Плавскин. Испанская литература XIX-XX веков. М., 1982, с.80.

⁷⁴ Роза мира, с.190.

шего полководца всех времен и народов», – возмущенно писал в своем сочинении школьник Алексей Добровольский, известный ныне под именем [«Добро-слав»](#).

Но глубинные причины того, почему проповеди Толстого оказались бледнее его художественных произведений, Д. Андреев все же не понял.

Толстой захотел стать тем, чем он стать не мог. Д. Андреев прав, что память о прошлых жизнях могла бы подсказать ему пределы его возможностей, но память эту у него отшибло, он «растворился» в архетипе. Только в каком?

Толстой вознамерился осуществить реформацию в сфере влияния Православия. Ему явно не давали покоя лавры Лютера. Но движение, которое возглавил Лютер, было восстанием германского архетипа против власти романского. Протестантизм, по сути своей, германский вариант христианства.

Русский архетип не был предрасположен к такому восстанию, поскольку не испытывал чужеродного засилья. В первые века христианства на Руси духовенство у нас было, в основном греческим, и духовным центром был Константинополь, но ко времени Л. Толстого этой зависимости давно уже не было и он не мог обратить свою ненависть против Константинополя, как Лютер – против Рима.

Да и не было у него никакой ненависти: он ведь проповедовал непротивление злу насилеи. Ненависть, правда, монадам вообще не свойственна. Но и растворение в чем-то для них тоже не идеал. Протестантизм с его упором на личные отношения между человеком и Богом дальше всех ушел от религиозной стадности, но и растворение в Боге – все равно растворение. Религиозный кругозор Толстого не был ограничен одним христианством, он был знаком также с религиями Индии и Китая, хотя знакомство с ними в Европе оставляло и оставляет желать лучшего.

С легкой руки Шопенгауэра из всех индийских даршан наиболее известной в Европе стала веданта. Много способствовал этому индолог Пауль Дойсен, друг Ницше и издатель Шопенгауэра, основатель Шопенгауэровского общества. Согласно учению веданты, индивидуальная душа – часть вечного мирового духа, Брахмы, из которого возник мир. Познание своего единства с Абсолютом ведет душу к спасению: она сливается с мировой душой, не теряя, однако, окончательно свою индивидуальность⁷⁵.

⁷⁵ Н.в.Glasenapp. Op. cit., p.141.

Примерно такие же представления о мироздании были и у Л. Толстого, монистические, а не плюралистические. Бог, говорил он, есть то, частью чего является моя душа. Его стремление к слиянию с Абсолютом было понятным, но как быть, если Абсолюта нет? Вместо него мы имеем лишь абсолютизацию одной из реальностей, даже не всей ее целиком, а только одной ее части. На практике это означает выбор архетипа. Толстой выбрал таким архетипом русский народ, мечтал о слиянии с ним, но не мог слиться при всем желании – этому мешала его монадическая природа. Хотя он о ней и забыл, она никуда не делась. Вздумав реформировать Православие – а монада на все накладывает свой личный отпечаток – он был им отвергнут и слияние с русским народом у него в результате тоже не получилось.

В России индийские воззрения Толстого не прижились, но оказали образное воздействие на саму Индию через Ганди. Индийский архетип, в отличие от русского, встретил Толстого с распростертыми объятиями.

Ганди, когда началась Вторая мировая война, советовал европейским народам не сопротивляться Гитлеру. Савитри Деви уверяла, будто ее кумир собирался ввести в Европе индуизм. Интересно, какой именно?

Ни о какой подобной «реформации» Гитлер, разумеется, не думал. А вот учение о непротивлении злу обязано, со своей стороны, ответить на вопрос: А что такое зло?

Д. Андреев, кстати, большой поклонник Ганди, объяснял происхождение зла, всецело оставаясь в рамках христианской традиции. Люцифер, «выражая неотъемлемо присущую каждой монаде свободу выбора, отступил от своего Творца ради создания другой вселенной по собственному замыслу. К нему примкнуло множество других монад, больших и малых»⁷⁶. Здесь верен только тезис о свободе выбора каждой монады, все остальное – от лукавого: ни у монад не было никакого «творца», ни вселенную никто не создавал.

Интересней дальше. «Каждая из примкнувших к нему (Люциферу) монад – только временная его союзница и потенциальная его жертва. Каждая демоническая монада, от величайших до самых малых, лелеет мечту – стать владыкой Вселенной; гордыня подсказывает ей, что потенциально сильнее всех – именно она. Ею руководит своего рода «категорический императив», выражаемый до некоторой степени формулой: есмь Я и есть не-Я; всё не-Я должно стать мною; другими словами, всё и все должны быть поглощены этим единственным, абсо-

⁷⁶ Роза мира, с.46.

лютно самоутверждающимся Я... Вот почему тираническая тенденция не только присуща демоническому Я, но составляет неотъемлемую его черту».

«Поэтому демонические монады объединяются временно между собой, но, по существу, они соперники не на жизнь, а на смерть»⁷⁷.

Эту мысль выражал еще Гойя в подписи к одному из своих «Капричиос», на котором были изображены сцепившиеся в драке ведьмы: союз между силами зла невозможен.

Что бы ни писал Д. Андреев, но демонических монад нет. Все, что он называет «демоническим», исходит из мира волевых сгустков, как на уровне видовых душ, так и на уровне архетипов. Энгельс смеялся над Дюрингом: «Зло – это кошка, хи-хи-хи!» А ведь зря смеялся. Подобно тому, как в животном мире есть хищники, есть и хищные архетипы. Описывая «демонические монады», Д. Андреев прекрасно описал характерные черты именно этих архетипов.

Это архетипы, а не монады, пожирают друг друга, подавляют друг друга, раздуваются один за счет другого и образуют либо огромные волевые массы, подобные звездам-гигантам, либо чудовищные концентрации, вроде звезды Сириус-Б, откуда согласно преданиям догонов, записанным М. Гриолем, на Землю прилетали инопланетяне. Все боги, которым поклоняются люди, и все злые духи, которых они боятся, принадлежат именно к разряду хищных архетипов. Динозавры или тигры – их символические изображения, наиболее близкие к оригиналу.

Могут ли монады – точнее, их волевые выплески; всегда надо помнить, что речь идет лишь о частях монад – попасть в хищные архетипы? Да, могут. С точки зрения Д. Андреева это можно расценить как «падение монад, с другой – как попытки их воздействия на архетипы и на их земные воплощения.

Например, существует вишнуйское толкование явления Будды как одной из аватар Вишну, вызванной тем, что на Земле расплодилось слишком много демонов, и Вишну решил с помощью лжеучения увлечь их к гибели. Точно так же шиваистская Шива-пурана объясняет появление джайнизма, который, по словам А. Даниелу «является основой всех современных религий, потому что он оказал глубокое влияние на буддизм, а позже – на орфизм и христианство»⁷⁸. Лжепророк, проповедь которого пересказывается в Шива-пуране, проповедует

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ А. Даниелу. Цит. соч., с.280.

ненасилие. «С такими же речами, с небольшими изменениями, – комментирует А. Даниелу – какой-нибудь христианин мог бы обращаться к римскому императору. Они напоминают также учение Ганди»⁷⁹.

Новые религии, как называет их А. Даниелу, джайнизм и буддизм, распространились в Индии; иудаизм, орфизм, христианство и ислам – на Западе. Повсюду эти религии, говоря о любви, равенстве и милосердии, служили орудием завоеваний. Буддизм, зародившийся в касте кшатриев, позволил индийским императорам освободиться от господства брахманов. О том, как царь Ашока, буддийский Константин, истреблял шиваистское население Ориссы, в этом индийском штате помнят до сих пор.

На Западе орфизм внедрился в дионисизм и, как считает А. Даниелу, искажил его характер. Орфизм, по его словам, был приспособлением дионисизма к психическому складу греков. Он соответствовал формам шиваизма, ставшего составной частью арийского индуизма. «В текстах, которые относятся к дионисийским мистериям, нет никаких упоминаний ни об орфизме, ни о жертвоприношении молодого бога Загрея, разорванного титанами. Орфизм был своего рода реформой внутри дионисизма. В нем чувствуется влияние идей джайнов. Ошибочно считать орфизм представителем первоначального дионисизма»⁸⁰.

Именно такую ошибку делал, а может быть, сознательно вводил людей в заблуждение наш знаменитый в свое время эрудит Вячеслав Иванов, который, изображая Диониса в духе орфиков как бога-мученика изо всех сил пытался подтянуть дионисизм за уши к своему любимому христианству, в то время как согласно оценке А. Даниелу «орфизм был мощным элементом кастрации дионисизма и подготовил пришествие христианства, на которое он глубоко повлиял»⁸¹.

Однако, А. Даниелу и сам допускает ошибку и противоречит сам себе. То у него джайнизм одна из древнейших, то одна из новых религий. Не проще ли было бы предположить, что джайнизм Махавиры был таким же искажением первоначального джайнизма как в случае с орфизмом и дионисизмом?

Имя первого тиртханкара джайнов, Ришабха, как уже говорилось, означает «бык». А бык это вахана (священное животное) Шивы и символ самого Шивы. Память и почитание бога-быка на Крите сохранилась в мифе о Минотавре.

⁷⁹ Там же, с.281.

⁸⁰ Там же, с.282.

⁸¹ Там же, с.283.

Впрочем, образ быка вовсе не обязательно связывать с шиваизмом, который не имеет монополии на этот «бренд». В «Слове о полку Игореве» одного из князей, Всеволода, величают «буй-тур», а у нас шиваизма вроде не водилось. Шиваизм, по определению самого А. Даниелу, был религией дравидов, а джайнизм, согласно нашей гипотезе, – религия арийского происхождения, только первоначальные ее формы скрыты под наслоениями «махавиризма».

Явление Христа в иудейском архетипе можно тоже представить себе как попытку некоей монады побудить этот хищный архетип перейти на вегетарианскую пищу, – попытку, заведомо обреченную на неудачу.

Но монада, связавшаяся с определенным архетипом, вовсе не обязательно воплощается в вероучителя. Есть и совсем другие варианты.

Лев Толстой издевательски пародировал историков, восхвалявших Наполеона: «Он убил много людей, потому что был очень гениален». Но люди постоянно убивали друг друга и до, и после Наполеона, взаимопожирание хищных архетипов – в их природе. Когда Арджуна перед битвой плачется, что не хочет убивать людей, Кришна утешает его: «Я их уже убил». В переводе на современный язык: они уже запрограммированы на убийство и смерть.

Кому-то могут показаться странными слова Суворова: «Я пролил реки крови. Содрогаюсь. Но ни одного смертного приговора не подписал». Что это: жалкая попытка самооправдания? Суворов не знал, что говорил Кришна Арджуне, но смотрел на вещи именно с этой точки зрения. Битвы между народами, отражение битв между архетипами, монада остановить не может. А вот подписание смертного приговора это уже индивидуальное действие, для монады недопустимое. Вот, с какого уровня судил о человеческих поступках Суворов!

Марк Алданов писал в романе «Чертов мост»: Суворов знал, что войска считают его колдуном, и поддерживал эту свою репутацию. Солдаты были убеждены, что его не берет пуля, – едва ли не для укрепления в них этой веры он, без крайней необходимости подвергая опасности свою жизнь, выехал на виду у обеих армий далеко за передовые посты в поле» накануне битвы при Нови. Алданов рассуждал, как простой смертный. Суворов не подвергал опасности свою жизнь, он знал, что ей никто не угрожает, как Цезарь знал, что не утонет. Так же вел себя на войне и М.Д. Скобелев. Потом все вспоминали:

*Как Белый Генерал на белом
Коне, среди вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокойно над огнем*

(А. Блок. «Возмездие»)

Не менее странно звучат и слова из завещания Наполеона: «Английский народ не замедлит отомстить за меня». С какой стати английский народ стал бы мстить своей олигархии, убившей его врага? Возможно, предсмертные мучения помешали Наполеону ясно увидеть будущее, что это будет за месть и кому. Но именно англичане в союзе со своими бывшими врагами французами, которыми правил племянник Наполеона, отомстили в Крымской войне победительнице Наполеона – России. Наполеон просто предвидел, что два враждебных архетипа станут союзниками и между ними возникнет «entente cordiale».

Что же касается Александра Македонского, который, предположительно, был воплощением той же монады, что и Наполеон, в предыдущем цикле, то он не ждал будущего, а хотел примирить победителей и побежденных еще при своей жизни собственными руками. Во всех покоренных городах он способствовал бракам между греками и персами и сам подал пример. Он принял обычаи персов, выучился языку побежденных и принял в свою стражу молодых людей из знатных персидских семейств. 10 000 македонских воинов выразили желание жениться на персиянках. Когда же македонцы стали требовать возвращения на родину, Александр бросил им: «Подите, скажите грекам, что Александр, покинутый вами, положился на верность варваров, им побежденных» и набрал себе армию исключительно из персов.

Не укладывается монада в один архетип, ну никак не укладывается. Один Алкивиад чего стоит! Как легко он перепрыгивал из одного архетипа в другой, и тот, куда он перепрыгивал, получал перевес. «Где Алкивиад – там победа!» – такой был лозунг.

Но Алкивиад это дела давно минувших дней, это на любителя. Два великих вождя XX века до сих пор вызывают неослабный интерес у самой широкой публики и для одних служат предметом жгучей ненависти, а для других – фанатичного поклонения.

Многие вздыхают: если бы эти два вождя объединились, мир был бы сегодня иным. Но это из той же серии, что и рассуждения Д. Андреева на тему, что было бы, если бы Лермонтов не погиб на дуэли.

Пытались они один раз объединиться – ничего из этого не вышло. И не могло выйти. Согласно учению того же Д. Андреева, союз между «демоническими монадами» в принципе невозможен.

Повторю еще раз: никаких «демонических монад» нет. Д. Андреев жил иллюзиями неизбежной победы Добра над Злом, поэтому и думал, будто «Господь творит новые и новые монады, демоны же неспособны сотворить ни одной, и соотношение сил непрерывно увеличивается не в их пользу. Новых отпадений не совершается и не совершится больше никогда... Во всяком случае, все демонические монады – очень древнего происхождения, все они – давние участники великого восстания»⁸².

Д. Андреев сам признает, что не может изложить эту проблему «сколько-нибудь вразумительно». Самокритично, но верно.

Говорить о сотворении монад Господом, за отсутствием оного, не приходится. Мир монад бесконечен, вечен и никем не сотворен. И никакое «соотношение сил» в результате подавления оппозиции правящей партией в нем не меняется.

Но, как мы уже знаем, бывают случаи, когда монады отбрасывают свои части, как ящерица хвост. Ранее рассказывалось о том, как монада сбрасывает материальный балласт. Воплощения, связанные с выполнением этой неблагодарной задачи, не имеют определенной направленности, они только доставляют груз, куда попало, и возвращаются обратно – их связь со своей монадой не теряется.

Иное дело – волевые выбросы, добровольно отделяющиеся от монады. Они могут до того довыбрасываться, что монада выбросит их окончательно. Помните рассуждения Эволы о двух путях в потусторонний мир? Это одновременно и два пути реинкарнаций. Ахилл и Давид – примеры великих воплощений не с монадического уровня.

Такими же воплощениями были Сталин и Гитлер.

О том, кто они и откуда взялись, много и мучительно думал Д. Андреев. Ленин в его глазах «был человеком». «Его личная монада оставалась незатронутой... и его человеческий образ, его характер неизбежно отражал в какой-то мере свет этой монады»⁸³.

⁸² Роза мира, с.46.

⁸³ Там же, с.217.

Ленина Д. Андреев явно идеализировал, зато Сталина представлял себе таким исчадием ада, каким он только и мог быть для узника сталинских лагерей.

«Каждая из реинкарнаций этого существа была как бы очередной репетицией. В предпоследний раз он явился на исторической арене в том самом облике, который с гениальной метаисторической прозорливостью запечатлел Достоевский в своем «Великом инквизиторе» (там же).

Д. Андреев, поскольку глаза его застилала ненависть, сразу же попал пальцем в небо. Никаких воплощений в Испании у Сталина в XVI веке не было. В изданной работе Н. Богданова обстоятельно доказывается версия, что предыдущим воплощением Сталина в этом веке был Иван Грозный. Аналогий в жизни этих двух исторических персонажей, действительно, много.

В «Великом инквизиторе» Достоевского никакой «гениальной исторической прозорливости» нет, а есть лишь крайняя узость религиозного горизонта, ограниченного православием, и дикая, архетипическая ненависть к католицизму, начисто исключающая правильность суждений о нем. Великий инквизитор Достоевского это злобная карикатура на выдающегося религиозного и политического деятеля кардинала Хименеса, примаса Испании с 1495 по 1517 год. Он основал университет в Алькала и при нем в Испании, как нигде в Европе, были популярны среди образованного меньшинства идеи великого гуманиста Эразма Роттердамского, имя которого вскоре после смерти Хименеса попало в список запрещенных книг⁸⁴.

Чем дальше в лес, тем больше дров можно наломать. Из глубины веков возникает некая монада, похищенная демоническими силами для грядущего Антихриста у одного из императоров Древнего Рима⁸⁵. Кого именно, Д. Андреев не уточняет. Очевидно, имеется в виду кто-либо из гонителей христиан, Нерон или Диоклетиан. Но, поскольку Сталин, по Д. Андрееву, до Антихриста все же не дотянул, мы оставим Древний Рим в покое – к Сталину он отношения не имеет.

Более интересны дальнейшие рассуждения Д. Андреева: «Почему, вернее, зачем это существо, предназначенное к владычеству над Россией, было рождено не в русской семье, а в недрах другого, окраинного, маленького народа? Очевидно, затем же, зачем Наполеон был рожден не французом, а корсиканцем, не наследником по крови и духу великой французской культуры и национального характера этого народа, а, напротив, узурпатором вдвойне: захватчиком не

⁸⁴ Owen Chadwick. The Reformation, p.252.

⁸⁵ Роза мира, с.218.

только власти, к которой он не был призван ни обществом, ни правом наследования, но еще вдобавок власти в стране чужой, а не своей собственной. И Корсика, и Грузия, страны суровые, горные, культурно отсталые, где человеческая жизнь стоит дешево, а всякий конфликт перерастает в кровавое столкновение, сделали свое дело, укрепив в обоих своих порождениях глубокое презрение к ценности человеческой жизни, жгучую мстительность, неумение прощать и ту поразительную легкость, с какой уроженцы этих стран готовы пустить в ход оружие. Для того чтобы лучше выполнить свое предназначение во Франции и в России, оба эти существа должны были быть как бы чужеродными телами в теле обеих великих стран, не связанными никакими иррациональными, глубинными, духовными нитями с тем народом, которому предстояло стать главной ареной их деятельности и их жертвой по преимуществу»⁸⁶.

Либералы могут сколько угодно распускать сопли насчет того, будто «преступность не имеет национальности». Д. Андреев фактически подтверждает, что существуют хищные архетипы, и называет конкретно один из них. В земном воплощении этот архетип проявляет свои хищные наклонности соответствующим образом.

Гитлера, как и Сталина, Д. Андреев считал «кандидатом в Антихристы», но откровенно признавал: «Мне неизвестно, кем был, какими путями был ведом и как подготавливался другой кандидат... Гениальной способностью к тиранствованию обладал он: та же жажда самоутверждения, та же кровожадность, та же способность на любое злодейство». Но он «не сумел довести эти качества до совершенства. Некоторые чисто человеческие черты в нем окончательно не искоренились»⁸⁷.

«Я не знаю, – продолжает Д. Андреев, – «отколь» пришел он... но, во всяком случае, он не был инородным телом в теле Германии. Это не проходимец без роду и племени, а человек, выразивший собою одну – правда, самую жуткую, но характерную сторону германской нации. Он сам ощущал себя немцем плоть от плоти и кровь от крови. Он любил свою землю и свой народ странною любовью»⁸⁸.

Лермонтов любил свою родину «странной любовью»; Гитлер, выходит, тоже? У него-то в чем заключалась эта «странность»? Д. Андреев находит у него «почти

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, с.223.

⁸⁸ Там же, с.224.

зоологический демосексуализм». Не потому ли, что он говорил, что «женат на Германии»? Но и Блок называл Русь: «Жена моя».

Д. Андреев ошибочно судил о «немецкой» сущности Гитлера, равно как и о чужеродности Наполеона Франции. В Германии мы имеем не один архетип, а два. Северная, нордическая Германия – протестантская, Южная Германия и Австрия, откуда родом Гитлер – католические. И разделяет немецкий Север и Юг не только религия. На юге, где раньше жили кельты, преобладает альпийская раса. Именно этот не очень-то немецкий Юг и представлял Гитлер.

На это указывал в своей книге «Туле» недавно умерший идеолог французских новых правых Жан Мабир. В этой книге его собеседник, старый немец, переживший времена Гитлера, отмечает, что тогда, при всех разговорах о расизме, на самом деле господствовал узкий немецкий национализм и задает вопрос: «Вы когда-нибудь задумывались над тем, сколь малую роль играли в III Рейхе, который так кичился своим «нордизмом», немцы с Севера и с Востока? Этот перекос роковым образом сказался на ходе войны: все эти гауляйтеры с Юга и с Запада Германии ничего не понимали в славянском мире. Гиммлер, тоже южный немец и католик, представлял порядок, дисциплину, сектантство, а, в конечном счете – римский и средиземноморский мир (см. русский перевод главы из книги «Туле» в журнале «Атака» No.104). В том же номере журнала «Атака» можно прочесть статью Ж. Мабира «Фашизм это тупик». В ней он писал: «Традиционное чувство индивидуальной свободы, столь ярко выраженное в нордических странах Европы, по своей внутренней сути противоположно фашизму... Гитлеровское движение с его централизаторскими, римскими представлениями о государстве было настоящей изменой тому наследию, на которое оно претендовало».

Наполеона с Францией религиозный архетип не разделял так, как Гитлера – с нордической Германией; кстати, не разделал он и Сталина с Россией – грузины, как и русские, – православные. Д. Андреев думает, будто Наполеон, как чужак, равнодушно проливал кровь французов. Он ошибается. Когда такое же замечание сделал Наполеону Меттерних, тот пришел в ярость: «Французы, кровь которых вы тут защищаете, не могут так же жаловаться на меня. Я потерял, правда, в России 200 тысяч человек; в том числе было 100 тысяч лучших французских солдат: о них я, действительно, жалею. Что касается остальных, то это были итальянцы, поляки и, главным образом, немцы!»⁸⁹.

⁸⁹ Е. Тарле. Наполеон. М., 1942, с.254.

В конце концов, и Александр Македонский был для греков чужак и поработитель. Македония долгое время была обособлена от Греции и населяли ее греческие, фессалийские племена, смешанные с иллирийско-фракийскими племенами.

Есть известное выражение: Кого Бог хочет погубить, у того он отнимает разум. Если опять-таки обойтись без Бога, то утрата волевым выбросом и его воплощениями связи со своей монадой выражается, прежде всего, в утрате дара предвидения.

Классический пример – поведение Сталина и Гитлера в 1941 году. Один внушил себе, что немцы не нападут, упрямо отвергал все предупреждения и до последнего момента строжайше приказывал не реагировать на провокации, в результате чего поставил свою страну на грань катастрофы, другой так же слепо верил в успех блицкрига и довел свою страну до катастрофы.

Откуда взялся Гитлер, Д. Андреев не знал; он со своими догадками о предсуществованиях Сталина – «пролетел».

Искать в таких случаях помогает теория циклов. Как я уже неоднократно писал, русская история в новом цикле повторяет историю древней Персии. Связь между Иваном Грозным и Сталиным, которую прослеживает Н. Богданов, сравнивая при этом и две смуты, начала XVII и конца XX веков, это внутрициклический уровень, а если выйти на межциклический, то прямая параллель протянется между Иваном Грозным и древнеперсидским царем Камбизом (529—523 гг. до н.э.).

Камбиз убил своего брата Бардию. Это убийство сыграло в последовавшей смуте такую же роль, как предполагаемое убийство царевича Димитрия в наше смутное время. Завоевав Египет, Камбиз установил там жестокий террор, как Иван Грозный в Новгороде. Описывая злодеяния Камбиза, Геродот называет его «безрассудным и сумасшедшим человеком», который в припадке безумия убил копьем священного быка древних египтян Аписа, ударом ног в живот убил свою беременную жену Роксану и вообще страдал «тяжким умопомешательством».

Пока Камбиз был в походе, один из мидийских жрецов (магов) по имени Гаумата, выдав себя за убитого Бардию, поднял восстание против Камбиза, после смерти которого большое Персидское царство стало распадаться. В Эламе, в

Вавилонии, в Мидии и даже в самой Персии появились самозванцы и вспыхнули восстания⁹⁰. Как видим, совпадает все, вплоть до самозванщины.

И даже наша социалистическая революция имела аналог в истории древнего Ирана в виде движения маздакитов в конце V века уже нашей эры, названное по имени его руководителя, зороастрийского священника (мобеда) Маздака. Движение это имело успех благодаря поддержке шаха Кавада (488—531), но затем шах увидел в нем угрозу для себя и решил с ним покончить. Первоначально он устроил религиозный диспут, а за ним в 528—529 годах последовало избиение маздакитов.

Кое-что напоминает, не правда ли? У нас тоже в 20-х годах сначала проводились внутрипартийные дискуссии, а потом партийные кадры стали истреблять уже безо всяких дискуссий. И занимался этим человек, чей любимый партийный псевдоним «Коба» очень похож на имя коварного шаха, жившего в VI веке. Кстати, вариант произношения имени этого шаха – Кобад.

Смуту после смерти Камбиза Персия пережила. После Кавада она была завоевана арабами, и на этом ее цикл кончился.

Теперь о Гитлере. Его соратник, Гиммлер, точно знал о себе, любимом, что он – новое воплощение Генриха Птицелова. Гитлер таких прямых заявлений не делал, но можно усмотреть некий намек в том, что роковой для себя план он назвал именем императора Барбароссы.

Фридрих I, известный под этим прозвищем, правил с 1152 по 1190 год и принадлежал к династии Гогенштауфенов, владевший землями в юго-западной Германии, т.е. представлял, как и Гитлер, немецкий юг. Начал он свое правление с закона об охране мира, как Гитлер – с чрезвычайного постановления «о защите народа и государства», поводом для которого послужил пожар Рейхстага. Но, главное, именно при Фридрихе I его империя стала именоваться «Священной». Таким образом, была осуществлена сакрализация самого государства – империи, т.е. воплощена в жизнь любимая идея Ю. Эвола. Впервые этот титул был использован Фридрихом I в 1157 году: «Мы по милости Божьей держим в своих руках управление Римом и всем миром и должны заботиться о благе Священной империи и божественного государства», – так говорилось в послании императора его дяде, епископу Оттону Фрейзингенскому, который как раз был

⁹⁰ В.И. Авдиев. История древнего Востока. ГИПЛ, 1953, с.539-542.

теоретиком этой идеи и утверждал, что империя священна и без того, что императорскую корону формально возлагает на голову императора папа⁹¹.

Притязания на мировое господство, как видим, были и у Барбароссы.

Или еще один эпизод. Противником Барбароссы был папа Александр III. Построенная в Ломбардии новая крепость была названа в его честь Алессандрией. В 1174 году Фридрих начал новый поход в Италию, который стал для него роковым с осады Алессандрии, служившей символом независимости и военной доблести Ломбардской лиги. Защитники города проявили невиданный героизм и стойко отбивали натиск немецких рыцарей. Затянувшаяся осада Алессандрии с военно-стратегической точки зрения, несомненно, явилась ошибкой Барбароссы. Было упущено время и понесен моральный ущерб⁹².

Чем не Гитлер под Сталинградом? То же безумное упорство, та же «зацикленность» на городе, носящем ненавистное имя, желание во что бы то ни стало одержать символическую победу именно в этом месте и то же пренебрежение правилами военной стратегии. Шлиффен предупреждал, что нельзя сосредотачивать такие массы войск на столь малом пространстве. Армии Гитлера под Сталинградом просто напрашивались на окружение: их просьба была выполнена.

В 1176 году армия Барбароссы была разгромлена при Леньяно ополчением Ломбардской лиги. А в 1189 году император, отправившись в третий крестовый поход, утонул в небольшой горной речке Сельеф в Малой Азии.

Странно, что Гитлер, при всем своем суеверии, назвал свой план похода на Восток именем человека, поход которого в том же направлении закончился столь печально. Или он надеялся на закон компенсации? Но этот закон действует только при межциклических, а не при внутрициклических воплощениях.

Любопытно, что именно образ Барбароссы стал у немцев мифическим. О нем рассказывала маленькому Гейне его немецкая Арина Родионовна:

⁹¹ Н.Ф. Колесницкий. Священная Римская империя: притязания и действительность. М., «Наука», 1977, с.124, 125.

⁹² Там же, с.135.

*«Она уверяла, что он не мертв,
Что это вздор ученый,
Что в недрах одной горы он живет
С дружиной вооруженной...
...И думу думает он или спит,
Подчас затруднишься ответом.
Но день придет – и встанет он,
Уж вы поверьте мне в этом!
Он добрый свой поднимет стяг
И крикнет уснувшим героям:
«По коням! По коням!» – и люди встают
Гремящим, сверкающим строем...
...Им любо скакать и любо рубить,
Они отоспались на славу.
А император велит привести
Злодеев на суд и расправу, –
Убийц, вонзивших в Германию нож,
В дитя с голубыми глазами,
В красавицу с золотою косой, –
«О, солнце, гневное пламя!»*

Этот миф – художественное изображение реальности архетипических воплощений. После пережитых Германией бед народ верил, что Барбаросса снова явится и отомстит ее врагам. Индийского учения об аватарах он не знал, но архетипическое подсознание подсказывало ему образ императора, спящего в пещере горы Кифгайзер (ведущего «личиночное» существование, по гораздо менее красивому сравнению Эволы). Не этой ли вере был обязан своим успехом Гитлер? Кстати, его фамилия означает на немецком языке поток, который то появляется на поверхности земли, то снова исчезает.

Если мы задумаем искать следы Гитлера в другом цикле, то имеет смысл вспомнить невнятное, брошенное вскользь замечание Д. Андреева о монаде одного римского императора. Скорее всего, он имел в виду Диоклетиана, который прослыл самым жестоким преследователем христиан. Но вот странность: египетские христиане – копты ведут свое летоисчисление по эре Диоклетиана, которая началась 29 августа 284 года по юлианскому календарю, а по григорианскому – 11 сентября. Что случилось в этот день в 2001 году, все хорошо помнят.

Все это очень интересно, только к Гитлеру отношения не имеет, хотя его любимой цифрой была как раз «11» и это корневая цифра его ряда – он родился на 110-й день от начала года. По версии самого Д. Андреева монада не названного

им римского императора предназначается для воплощения грядущего Антихриста, а Гитлер был лишь одним из кандидатов на эту роль, притом неудачным.

Аналог Гитлера в предыдущем цикле просматривается очень смутно, но некоторые косвенные признаки заставляют обратить внимание на фигуру Суллы, хотя его имя скорее ассоциируется с Муссолини, чем с Гитлером.

Как уже говорилось, монада может давать несколько волевых выбросов в разных направлениях. Можно предположить и возможность парного выброса. Что если тандем Гитлер-Муссолини был именно таким случаем?

Плутарх в жизнеописании Суллы указывает на двойственность его натуры: «Он был неодинаков и противоречил самому себе. Он много брал, но еще более дарил; оказывал уважение без всякой причины и без всякой же причины надругался... Он показывал неровность своего характера и в отношении наказаний, – засекал до смерти за простую вину и спокойно переносил самые тяжелые оскорбления, легко прощал кровные обиды – и казнил или конфисковывал имения за пустые, незначительные ошибки... Он был вспыльчив и мстителен по своему характеру, но старался рассудком смягчить его суровость».

Таким своим поведением он живо напоминает действие закона Кармы согласно священным книгам джайнов или христианского Бога в трактовке Леметра. «Сулле было не только приятно, когда его называли «счастливым», – продолжает Плутарх, – он сам старался еще более возвышать свои дела и приписывать их богам, видеть в них руку счастья; быть может, из хвастовства, или же потому, что был действительно религиозен». Он сам писал, что дела, на которые он решался случайно, без предварительного обсуждения, удавались ему лучше тех, которые были тщательно обдуманы. Т. Моммзен уточняет, что странное легкоеверие Суллы имело мало сходства «с мрачной верой фанатиков в предопределение, – это была та вера в нелепости, которая неизбежно нарождается в душе всякого, кто совершенно отказался от надежды отыскать причинную связь событий; это было суеверие счастливого игрока, который воображает, что он одарен привилегией от судьбы всегда и везде попадать прямо в цель⁹³.

Но за счастье в прошлом цикле пришлось платить крахом в нынешнем. Суллу можно считать, по сути, первым римским императором, хотя принято начинать историю Римской империи с Юлия Цезаря. Фактически Римская республика при Сулле уже была мировой империей, а Сулла стал ее неограниченным властелином, получив титул диктатора. В Риме при чрезвычайных ситуациях и раньше

⁹³ Римская история, т. II, с. 379.

назначались диктаторы, но на срок не более шести месяцев, Сулла же получил эти полномочия на неограниченное время.

Сулле во время военных действий в Греции также пришлось сражаться на два фронта, с одной стороны – против Митридата, с другой – против захвативших в его отсутствие Рим марианцев. Кстати, интересные параллели прослеживаются между Марием и Ф.Д. Рузвельтом. Марий вопреки римским обычаям избирался консулом семь раз, Ф.Д. Рузвельт вопреки американским обычаям избирался президентом четыре раза. Седьмое консульство Мария длилось лишь несколько дней – он умер 13 января 86 года до н.э. Рузвельт после своей четвертой инаугурации тоже протянул совсем недолго и умер 12 апреля 1945 года.

А как же восточный противник Суллы? В прошлом цикле Сулла победил Митридата, в новом, в порядке компенсации, Митридат должен был победить Суллу. Так что ж, новым Митридатом был Сталин? Но ведь мы уже упоминали в связи с ним другую фигуру – шаха Кавада.

Однако, если возможно раздвоение волевого импульса одной монады на два разных воплощения, то почему бы не представить себе противоположный случай: схождение волевых импульсов двух воплощений прежнего цикла в одном воплощении нового цикла? Такая сосредоточенная воля, разумеется, будет сильнее раздвоенной.

Сулла, как и упомянутый выше Диоклетиан, в последние годы жизни отошел от государственных дел. Гитлер тоже мечтал об этом, но ему это было не суждено. «Счастливец» Сулла исчерпал лимит везения на два воплощения вперед.

Такова же судьба не только основателей империи, но и основателей религий. Закон компенсации действует и для них. Заратустра создал религию, названную его именем. Ницше воспользовался тем же именем, втайне мечтая о создании своей религии в противовес христианству. Но он связал себя тем самым с уже исчерпанным источником импульсов и заведомо обрек свое дело на неудачу. Нельзя создать вторично то, что однажды уже было создано.

Кстати, о зороастризме. Д. Андреев писал о «трансмифах Верховных Религий», как всегда, придумывая новое слово, когда можно было бы обойтись и старым «монадический уровень», и о видении, которое ему было, видении этих трансмифов в форме пирамид разных цветов. Всего их пять, и шестой никогда не будет. Д. Андреева удивило, что «одна из пирамид, меньших размеров, но удивительной, какой-то нездешней белизны, есть наивысший трансмиф религии», которую он «никогда бы не мог отнести к числу мировых или верховных: трансмиф зороастризма». Д. Андреев так и не понял «каким образом эта ло-

кальная религия, исторически давно угасшая и... не столь уж богатая мифологией, оказывается отражением такой колоссальной и только ей исповедуемой реальности»⁹⁴. Д. Андреев просто плохо знал зороастризм, но его признание ценно: значит, его видение не было обусловлено какими-то личными симпатиями.

Прочие пирамиды Д. Андреева: голубая – высший трансмиф христианства, небольшая золотая пирамида – наивысший аспект иудейства, исполинская пирамида сиреневого цвета – наивысший аспект индуистского трансмифа, столь же великая зеленая пирамида – мир наивысшего аспекта буддизма⁹⁵. Вы обратили внимание? Д. Андреев не увидел в этом ряду пирамиды ислама. Почему ее там нет, он объясняет позже.

По его словам, метаисторическое значение личности и деятельности Мухаммеда невозможно правильно оценить, стоя на точке зрения какой-либо ортодоксии, мусульманской или христианской. «Казалось бы, не подлежит сомнению ни религиозная гениальность Мухаммеда, ни его искренность, ни его вдохновенность высокими идеалами, ни та особая огненная убедительность его проповеди, которая заставляет признать в нем подлинного пророка... С другой стороны, непонятно, в чем же, собственно, можно усмотреть прогрессивность его учения сравнительно с христианством; если же такой прогрессивности в его учении не заключено, то зачем оно было нужно человечеству?»

Д. Андреев дает следующее объяснение: Мухаммед явился в тот исторический момент, когда Дьяволом (у Андреева его зовут Гагтунгр) было уже подготовлено появление на исторической арене подлинного лжепророка.

«Пророк Мухаммед был носителем высокой миссии. Смысл ее сводился к тому, чтобы... вызвать в христианской церкви пламенное движение в сторону религиозной реформации, в сторону очищения христианства... Но Мухаммед был не только религиозным проповедником, он было гениальным поэтом, даже больше поэтом, чем вестником мира горного: он был одним из величайших поэтов всех времен. Эта поэтическая гениальность, в сочетании с некоторыми другими свойствами его натуры, увлекала его в сторону от неукоснительного прямого религиозного пути. Струя могучего поэтического воображения вторглась в русло его религиозного творчества, искажая и замутняя то Откровение, которое было ему дано. Вместо реформы христианства Мухаммед позволил себя увлечь идеей создания новой, чистой религии. Он и создал религию. Но так как

⁹⁴ Роза мира, с.74.

⁹⁵ Там же, с.74-75.

Откровения достаточно для того, чтобы сказать воистину новое слово после Христа, у него не было, то созданная им религия оказалась не прогрессивной сравнительно с учением Христа, а регрессивной... Отрицая многие основные идеи христианства, эта религия регрессировала к упомянутому монотеизму; она, в сущности, не дает ничего нового, и теперь понятно, почему в числе Великих Трансмифов, в числе пяти хрустальных пирамид... нет трансмифа ислама»⁹⁶.

Тут столько всего наворочено, что даже не сразу поймешь, с чего начинать расчистку завалов. Не помню, кто, но очень верно сказал, что в монотеизме в принципе не может быть ничего нового. Монотеизм это конечная станция, тупик, всё, приехали. А Д. Андреев пытался обнаружить в нем какой-то «прогресс» или «регресс», требовал вносить в него что-то «новое». Мухаммед действительно создал «чистейшую», ничем не «замутненную» религию, наиболее соответствующую семитскому архетипу. Не мог он «реформировать» христианство, внимая мудрым советам Д. Андреева, как не мог и сам Иисус реформировать иудейство, хотя и намеревался этим ограничиться. Монада Иисуса попала не в свой архетип и была им отторгнута, монада Мохаммеда попала в свой и растворилась в нем. Отсутствие в исламе трансмифа это отсутствие в нем монадического уровня; ислам – религия сугубо архетипического уровня, для которого характерно подавление человеческой индивидуальности.

Достоевский и его герои иступленно поносили католицизм за то, что он якобы поддался на «третье дьяволово искушение». А папы просто воззавидовали халифам, соединявшим в своих руках как религиозную, так и светскую власть.

Д. Андреев, замороженный насквозь ложной по своей основной идее «Легендой о Великом инквизиторе», приписывает ее автору некое «духовное знание», утверждает: «Тот, кто должен стать Антихристом... был, можно сказать, схвачен за руку Достоевским на одном из важнейших этапов своего предсуществования»⁹⁷.

Не за ту руку схватил Достоевский! Как уже говорилось, прообразом для его «Великого инквизитора» послужил знаменитый кардинал-просветитель Франсиско Хименес де Сиснерос: именно его враги клеветнически изображали кро-

⁹⁶ Там же, с.117-118.

⁹⁷ Роза мира, с.119.

вожадным инквизитором, который распял бы Христа, если бы тот снова пришел на Землю⁹⁸.

Не там искал Д. Андреев Того, Кого он называл Антихристом, да еще и писал это слово с маленькой буквы. Это все Достоевский виноват: сам запутался и многих других, в том числе и Д. Андреева, с толку посбивал. «Заплутал Достоевский», – вздыхал с сожалением Андрей Белый. Правильно вздыхал.

К путанице Достоевского Д. Андреев добавил и свою. Монада не названного им римского императора шла у него «от инкарнации к инкарнации»⁹⁹, хотя монады такого масштаба воплощаются крайне редко. И не случайно Д. Андреев не назвал имя императора, монада которого была якобы «похищена» некими «демоническими» силами. Это прошлое виделось ему смутно, он верно угадал только эпоху – IV век нашей эры¹⁰⁰.

А в этом веке было два гонителя христианства – уже упомянутый Диоклетиан и Юлиан, прозванный христианами «Отступником», хотя на самом деле отступниками от веры предков были именно они. Догадываясь, что одним Диоклетианом дело не ограничилось, Д. Андреев писал: «В дальнейшем было похищено еще несколько монад – своего рода «резерв», или, если можно так выразиться, кандидаты в антихристы. В исторической перспективе между ними вырисовывались жесточайшие схватки, победа сильнейшего, удачнейшего, и сосредоточение демонической работы именно на нем»¹⁰¹.

Уж как-то слишком по Дарвину представлял себе Д. Андреев этот процесс «искусственного отбора». Но ведь возможно не только расщепление одной монады на два воплощения, но и соединение двух в одном. Похоже, Диоклетиан и Юлиан соединили свои антихристианские усилия, поэтому Д. Андреев и растерялся, не решаясь назвать определенное имя.

Копты, как мы знаем, ведут свое летоисчисление с начала правления Диоклетиана. С чего бы это? Диоклетиан был иллириец, а не египтянин, родственные чувства не играли здесь своей роли. Может быть, египтяне были благодарны Диоклетиану за эдикт 301 года о регулировании цен? Цены в Египте всегда отличались сравнительной дешевизной, а тут вдруг Египет оказался в привилеги-

⁹⁸ T. de Azcona. Isabel la Catolica. Madrid, 1964, p.423.

⁹⁹ Роза мира, с.119.

¹⁰⁰ Там же, с.118.

¹⁰¹ Там же.

рованном положении, поскольку максимальные цены, установленные в масштабах всей Римской империи, были значительно ниже современных эдикту египетских цен¹⁰².

Хоть и было сказано «не хлебом единым», но хлеб оказался выше слова божьего для египтян, а не для Великого инквизитора, придуманного Достоевским. Они почтили Диоклетиана и тем самым определили место воплощения будущего Антихриста или, если хотите, его предтечи.

А вот время его воплощения по календарю эры Диоклетиана не рассчитывается, как ни крути, даже если вести отсчет не с начала его правления, а с даты его рождения или смерти. Зато если взять за исходную точку дату рождения императора Юлиана и добавить пресловутое число «666», мы получим 996 год. Именно тогда в Египте начал править знаменитый халиф Хаким.

Хаким принадлежал к династии Фатимидов, религией которых был шиизм исмаилитского толка. Основатель этой династии Убайдаллах был провозглашен халифом в 910 году в Кайруане (нынешний Тунис), в результате чего исламский мир раскололся на три враждебных друг другу халифата. В 969 году Фатимиды овладели Египтом и перенесли свою столицу в Каир; в этой стране они правили до 1171 года.

Фатимиды выдавали себя за потомков пророка, но конкуренты утверждали, что Убайдаллах – самозванец. «А был он мерзким еретиком, врагом ислама, прикидывающимся шиитом, стремящимся к устранению мусульманской общины. И доказательство этого – убийство им факихов, и улемов, и имамов, и изучающих хадисы, и праведников; он убил большое число их. И было его целью уничтожение религии, чтобы люди сделались подобны животным, а он получил бы возможность развращать умы и убеждения»¹⁰³.

Несмотря на эту враждебную пропаганду, международный престиж Фатимидов непрерывно рос. Особенно велик он был при халифе Азизе (975—996), отце Хакима. Главной задачей Фатимидов после завоевания Египта стало полное подчинение Сирии, что должно было привести к покорению всего аббасидского халифата, а затем и всего мира¹⁰⁴.

¹⁰² Н.А. Машкин. История древнего Рима, 1949, с.596-597.

¹⁰³ Цит. по книге Л.А. Семеновы «Из истории фатимидского Египта». М., «Наука», 1974. с.154.

¹⁰⁴ Л.А. Семенова. Цит. соч., с.19-20.

Адам Мец в своей книге «Мусульманский Ренессанс»¹⁰⁵ называет Азиза «первым представителем того великодушного и благородного сарацинского рыцарства, которое позднее произвело столь огромное впечатление на Запад». Любимой женой Азиза, матерью Хакима, была славянка, попавшая в плен и проданная крымскими работорговцами¹⁰⁶. Другой советский автор прямо пишет, что мать Хакима была русская, голубоглазая блондинка¹⁰⁷. Но сын ее, по его словам «проявил себя свирепым деспотом и неменяемым сумасбродом».

Хаким родился 23 числа месяца раби аль-авваль 375 года Хиджры, что соответствует нашему 13 августа 985 года. Это значит, что в 996 году, когда он вступил на престол, ему было всего 11 лет (опять эта цифра одиннадцать!). Опекуном юного халифа стал евнух Барджаван, которого многие исследователи тоже считают славянином. Он фактически правил страной при несовершеннолетнем Хакиме, пока тот в 1000 году не приказал убить своего опекуна¹⁰⁸. Он объявил себя «повелителем правоверных», и тогда-то, как пишет капитан Н. Бурон в своей книге о друзах, и «начались его ночные чудачества. Каждую ночь он ездил по улицам или, переодевшись крестьянином, замешивался вечером в толпу, чтобы слушать поэтов, смотреть танцы альмей, жонглеров. Он въезжал на осле на холм Мокатам и беседовал со звездами. По утверждению христианского епископа Севера, он особенно обожал Сатурн, что свидетельствовало в глазах этого епископа о связи Хакима с Сатаной!»¹⁰⁹

Адам Мец, в отличие от нашего Г.А. Беляева, не употребляет в адрес Хакима сильных выражений, а только называет его «странной фигурой». Странности его выражались в том, что он то сидел днем при свете свечей, то ночью в потемках. Поскольку он любил разъезжать ночью, торговцы должны были держать лавки открытыми и освещенными. Ему досаждал собачий лай, и он приказал перебить всех собак, кроме охотничьих. Просьбы он требовал выражать кратко, одной строкой. «Милостыню он раздавал, сколько мог, и был для простого народа добрым правителем, ибо при нем господствовали закон и справедливость»¹¹⁰.

¹⁰⁵ М., 1966, с.23.

¹⁰⁶ В.М. Борисов. Арабское средневековье и ислам. М., 1968, с.71.

¹⁰⁷ Е.А. Беляев. Мусульманское сектантство. М., 1957, с.64.

¹⁰⁸ Л.А. Семенова. Цит. соч., с.137.

¹⁰⁹ Capitaine N. Bouron. Les Druzes, p.263-264.

¹¹⁰ А. Мец. Цит. соч., с.23.

Хаким, как мог, боролся с коррупцией! Чтобы воспрепятствовать незаконному обогащению судей, он вдвое увеличил им жалование, при условии, однако, не брать ни дирхема с людей¹¹¹. В 1013 году он приказал, как простому вору, отсечь обе руки начальнику одного министерства за совершенную тем растрату. Впрочем, в 1018 году он вновь поставил этого человека с отрубленными руками на пост главы ведомства расходов¹¹². В 1009 году Хаким закрыл дворцовую кухню, запретил поворачиваться перед ним ниц, целовать ему руку и обращаться к нему со словами «наш господин». Он отменил ношение над ним зонта и все царские регалии, отменил титулы и все незаконные поборы. В том же 1009 году он дал волю всем своим рабам и рабынями, снабдив их всем необходимым¹¹³. Ну явно был «безумный деспот и невменяемый сумасброд»! Подобно Диоклетиану, он прибегал и к регулированию цен. В 997 году, когда из-за недорода поднялись цены на зерно, Хаким запретил его собственникам скапливать большие запасы и определил цену каждого вида зерна; виновных в нарушении предписания били кнутом¹¹⁴. В 1005 году Хаким открыл в одном из своих дворцов в Каире «дар-аль-ильм» (дом знания), большую библиотеку со свободным доступом для всех. Чернила, перья и бумагу предоставляли там бесплатно и дважды в неделю устраивали публичные лекции. Это учреждение стало одновременно и центром развития естественных наук, медицины и филологии¹¹⁵.

Но без гонений на христиан, в силу возложенной на него метафизической миссии, Хаким обойтись, конечно, не мог. Начались они в 1011 году (опять одиннадцать!), когда Хаким приказал разрушить все христианские церкви и конфисковать их имущество и земли. К 1015 году около 30 тысяч церквей в Египте и Сирии было разрушено и разграблено, в том числе и знаменитая церковь Воскресения в Иерусалиме, что, как считает Л.А. Семенова, послужили одним из поводов к Крестовым походам¹¹⁶, хотя начались эти походы через 80 лет после смерти Хакима – дошло до европейцев, как до жирафа!

На месте церквей строились мечети (в частности, аль-Азхар). Строжайшим образом предписывались распоряжения о ношении определенной одежды, т.н. «правила Омара». Христиане обязаны были носить не шее тяжелые деревянные

¹¹¹ Там же, с.184.

¹¹² Там же, с.78.

¹¹³ Там же, с.252.

¹¹⁴ Л.А. Семенова. Цит. соч., с.97.

¹¹⁵ Л.А. Семенова. Цит. соч., с.109. А. Мец. Цит. соч., с.149.

¹¹⁶ Л.А. Семенова. Цит. соч., с.128.

кресты; дополнительным указом устанавливались их размеры – 1 локоть в длину и ширину и толщина в палец. Запрещались публичные праздники, колокольный звон, с наружных стен выломали изображения крестов и следы их замазали. С 1012 года начались гонения и на иудеев. Они получили на шею шары весом в 5 фунтов¹¹⁷.

Под конец жизни Хаким часто скитался в пустыне, отпустил волосы до плеч, не обстригал ногтей и не снимал черной власяницы и голубой повязки с головы. Во время одного из этих скитаний он бесследно исчез. Произошло это в 1021 году. Может быть, его убили враги из партии, которую возглавляла его сестра Ситт аль-Мульк, а может быть, его «взяли», как выразилась бы Ванга.

Обожествлять Хакима начали еще при жизни. Его до сих пор почитают как Бога те, кого мы знаем под именем друзов.

С друзами та же история, что и с джайнами. Их считают «шиитской сектой», но И.П. Петрушевский, например, пишет: «Секта друзов превратилась по существу... в самостоятельную эклектическую религию»¹¹⁸.

И в самом деле: в рамки ислама она не укладывается. Мусульманские ересиологи различают и осуждают три формы обожествления людей: зухур (отражение божества в человеке), иттихад (сосуществование человеческого и божественного начала в одной душе) и хулуль (инкарнация божества в человеке). А у друзов к последней форме добавляется еще вера в переселение душ (танасух)¹¹⁹.

Основателями религии друзов были два человека. Первый из них, по имени которого она названа, Мухаммед ибн Исмаил Дарази пришел в Каир из Бухары. Отвергая утвердившееся представление об имамах – потомках Али как исполнителях воли Аллаха относительно торжества истинной религии, Дарази ставил Али выше Мухаммеда, т.е. имамат – над пророчеством, и отождествлял Али (а потом и всех имамов, включая Хакима) с самим Творцом.

В 1017 году Дарази, по случаю приезда делегации своих сторонников из Ферганы, вздумал прочесть в каирской мечети проповедь о божественности Хакима. По одним данным, делегация эта была целиком перебита, по другим – Дарази удалось спастись от ярости толпы.

¹¹⁷ А. Мец. Цит. соч., с.57.

¹¹⁸ И.П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV веках. Изд. Ленинградского университета, 1966, с.303.

¹¹⁹ Там же, с.276.

Вторым был Хамза ибн Ахмад аль-Лаббад из Хорасана. Он усилил культ Хакима, провозгласив его уже не имамом, а исключительно божеством, не связанным с земной иерархией¹²⁰.

Капитан Н. Бурон считает, что «двое персов», Хамза и Дарази, привнесли в новую религию многое от древнего зороастрийского культа и от его диссидентской секты, манихейства. «В основу своих верований друзы положили веру в бессмертие души и в ее реинкарнации во многих телах до тех пор, пока, ставши совершенно чистой, она не растворится навсегда в свете и радости»¹²¹. Зороастризму учение о переселении душ было чуждо, но в манихейскую доктрину положение о реинкарнации Апостолов входит, как пишет Е.Б. Смагина в предисловии к коптскому манихейскому трактату «Кефалайя»¹²². Н. Бурон прослеживает и влияния индуизма, но, если у индусов и пифагорейцев переселение душ включает животных, то у друзов человек может воплотиться только в человека¹²³.

Пифагор, кстати, был у друзов одним из семи имамов, к которым Хамза причислил и себя, любимого. Согласно его учению, то один и тот же имам, который воплощается по приказу Хакима, когда ослабевшая вера нуждается в укреплении, чтобы человечество продолжало двигаться в направлении своей истинной Судьбы. В критические эпохи всегда снова появляется все тот же Хамза. «Моя миссия началась с первого дня мира. Во все века Всемогущий посылал меня к вам в ином виде, под другим именем и с другим языком. Я – Мессия народов». Во времена Иисуса, которого христиане называют Христом, Хамза был истинным Мессией, который, скрываясь среди его учеников под именем Элеазара, внушал свои мысли Иисусу, сыну Иосифа, и иудеи распяли не его – люди не могут послать на смерть эманацию Божества, – а Иисуса, который был лже-Мессией. При Мохаммеде Хамза в облике Сельмана эль-Фарези диктовал пророку Коран, который Сунна потом исказила»¹²⁴.

Здесь перед нами явные вариации на темы рассказов об аватарах Вишну, с той только разницей, что само Божество воплощается лишь один раз в виде Хакима, а обычно посылает вместо себя своего полномочного представителя, главное воплощение которого – Хамза, претендующий на роль тайного суфлера при ос-

¹²⁰ Л.А. Семенова. Цит. соч., с.129-130.

¹²¹ N. Bouron. Op. cit., p.273.

¹²² М., 1998, с.29.

¹²³ N. Bouron. Op. cit., p.280.

¹²⁴ N. Bouron. Op. cit., p.275, 276.

нователях великих религий. Эти претензии сродни идее об исключительности манихейства как универсальной мировой религии в противоположность остальным религиям, ограниченным и локальным¹²⁵. Манихейство трактовало все существующие религии как разнообразные искажения доктрины первоначальной «истинной церкви». Мани хотел открыть последователям ложных религий подлинную, неискаженную суть их веры¹²⁶. Мани развивал идею о едином архетипе всех мировых религий, воплощениями которого были Будда, Заратустра, Иисус и он сам, Мани¹²⁷.

После длинного отступления о Хакиме и друзьях, чтобы не потерять ход мысли, уместно напомнить, о чем, собственно, идет речь. А идет она об Антихристе, причем пора сказать о двойственности этого понятия. Конечно, можно обозвать «антихристом» любого противника христианства, от Юлиана до Ницше, но это будет неверно. Эти люди – просто представители других архетипов, которым вообще не было бы дела до христианства, если бы оно агрессивно на них не лезло. Противоречие заложено в самом христианстве, это противоречие между монадой его основателя и тем хищным архетипом, в который она угодила. Только что прозвучали фразы об «универсальной мировой религии», о «едином архетипе всех мировых религий». Нет такого архетипа, а есть лишь претензии одного хищного архетипа на универсальность. Помните лозунг «демонических монад» Д. Андреева: Всё не-Я должно стать мною? Антихрист в этом смысле – любой претендент на мировое господство. Христианство пришло в мир через антихристианский архетип и в такой степени преобразовалось под его влиянием, что можно даже говорить об антихристианской сущности христианства. Христианство и есть Антихрист, как ни парадоксально это звучит.

Об этом смутно подозревал Достоевский, но он ошибочно, со своей субъективной, предвзятой точки зрения возлагал вину за это «извращение» лишь на одну из ветвей христианства. Его последователь, Д. Андреев объяснял «невозможность объединения всего мира на основе римской космополитической иерократии» тем, что «без объединения человечества абсолютная тирания была неосуществима, но для этого объединения, на какой бы то ни было основе, не имелось еще множества необходимых предпосылок»¹²⁸.

¹²⁵ «Кефалайя», с.294.

¹²⁶ Там же, с.287.

¹²⁷ Там же, с.370.

¹²⁸ Роза мира, с.119.

Сегодня такие предпосылки созданы благодаря пресловутой «глобализации», точнее американизации, но США, новый претендент на мировое господство, замешаны и помешаны не на католицизме, и на другом варианте христианства, на кальвинизме, наиболее ветхозаветной из его ветвей, и одержимы, как и евреи, той же идеей собственной «богоизбранности».

В случае с кальвинизмом Д. Андреев мог бы говорить о таком же «регрессе» христианства, какой он усматривает в исламе. Александр дель Вале в своей книге «Исламизм и США: союз против Европы» писал о психологических и теологических основах этого союза: Мусульмане и протестанты «убеждены в своем превосходстве и намереваются любой ценой навязать свою истину и свое мировоззрение остальному человечеству, включая католиков и православных, которых они огулом считают «язычниками» и «неверными»¹²⁹.

На сходство между порядками, которые заводили Мохаммед в Медине и Кальвин в Женеве, указывал еще Макс Вебер. Но вспомним уже известный нам принцип: союз между силами зла невозможен. А Дель Валь выпустил свою книгу в 1997 году. Кульминацией союза, который он анализировал, была агрессия против Сербии в 1999 году, что было потом: было 11 сентября 2001 года. Пошли разговоры о «столкновении цивилизаций», а произошло всего лишь неизбежное столкновение двух хищных, агрессивных архетипов. Отнюдь не все цивилизации такие.

Любопытно, что теология друзей предсказывает уничтожение в будущем обоих упомянутых хищных архетипов. «Армия, более многочисленная, чем звезды на небе, под водительством пяти посланцев свыше, придет с Востока, из Китая. Зверь, который выйдет из земли, и силы зла будут разбиты в Мекке и Иерусалиме и эти два города будут навсегда уничтожены»¹³⁰. Это может быть результатом войны на уничтожение между Израилем и мусульманскими странами, плодами которой воспользуется третья сила – Китай. Пять посланцев свыше это пять звезд на современном китайском флаге.

Теология друзей вообще весьма интересна. Содержащаяся в ней идея монады-спутника тоже заслуживает внимания, только это, конечно, не всегда один и тот же Хамза (он был слишком высокого мнения о себе) и не монада-суфлер, а своего рода монада-корректор. При Иисусе это был его любимый ученик Иоанн, автор самого антиеврейского из всех Евангелий (масонам, очевидно, известна

¹²⁹ Alexandre del Valle. Islamisme et Etats Unis: une alliance contre l'Europe «l'Age d'Homme». Lausanne, 1997, p.276.

¹³⁰ N. Bouron. Op. cit., p.279.

эта тайна, они ее тщательно охраняют, но все же выдают своим особым почтением именно к этому Евангелию), при Мохаммеде – Али, от которого ведет свое начало шиитская ветвь ислама.

Была такая монада-спутник и у Гитлера в лице Рудольфа Гесса. Об этом открытым текстом говорит таинственный собеседник Ж. Мабира в его книге «Туле»: «Он мне всегда напоминал скандинавского бога Бальдура, самого прекрасного и чистого из богов, но рожденного для несчастья. Когда они сидели вместе в тюрьме в Ландсберге, Гесс пересказал Гитлеру все мечты Общества Туле... Гесс стал секретарем Гитлера, его конфидентом, «заместителем». В немецком языке это слово многозначно, оно означает не просто заместителя и тем более не преемника. Я бы сказал, это тот, кто дублирует вашу личность и следит за тем, чтобы все шло хорошо. У католиков это «ангел-хранитель», у других просто «совесть». Гитлер и Гесс стали почти идентичны друг другу, но лишь для того, чтобы разыграть драму доктора Джекилла и мистера Хайда» («Атака», No.104).

Гесс поддерживал монадическую связь, которая у Гитлера была порвана. Поэтому Гесс и предпринял в 1941 году отчаянную попытку примирить непримиримых противников и потом провел полжизни в тюрьме. Мог бы жить и дальше, но англичанам это надоело, и они его удавили.

Гесс, как известно, родился в Египте, стране, где длится эра Диоклетиана, где жил Хаким, стране, которую так хотели завоевать и Наполеон, и Гитлер, словно чувствуя ее ключевую роль в истории. Единомышленниками Гесса в его партии были Розенберг и Дарре: первый из них родился в России, второй – в Аргентине. У всех троих кругозор выходил за пределы немецкого архетипа.

Случай со Сталиным – противоположный. Он начал действовать в рамках якобы «универсального», а на самом деле еврейского архетипа, стремившегося, как ему и положено по природе, к мировому господству под лозунгом мировой революции. Сталину надо было преодолеть соблазн этих устремлений и ограничиться русским архетипом. Монадой-спутником Сталина на этом пути был А.А. Жданов (подробности см. в «Логике кошмара»).

Но в душе Сталина жил восточный деспот, который, если не во всем мире, то, по крайней мере, в своей сфере влияния, никаких «не-Я» не терпел. На этой почве Сталин классически рассорился с Тито.

Хорват Тито, католик, был столь же чужд истинно-славянскому миру, как Гитлер – истинно-германскому. «Католицизм, так мало свойственный славянскому гению, действует на него разрушительно». Это сказал не какой-нибудь Достоевский, а Герцен («Былое и думы», часть 5, гл.36). Именно Тито наводнил Косово

албанцами, он же завещал Югославии ротационную смену власти, которая развалила страну.

Полной противоположностью Тито был Г. Димитров, который мечтал о Балканской федерации, но был резко одернут Сталиным. В то время как Тито мирволил албанцам, Димитров, вернувшись из Москвы в Болгарию, заявил в феврале 1945 года: «Мы хотим вытеснить Турцию из Европы в Азию»¹³¹.

Вскоре после того, как не стало Жданова и Димитрова, не стало и Сталина. Плох он был, или хорош, но ведь предсказывал он, горько усмехаясь, своим соратникам: «Что будете без меня делать? Сожрут вас империалисты!» И как в воду глядел.

Впрочем, такой же конец предвидел и Нострадамус. Он еще в XVI веке точно предсказал, сколько лет просуществует «красная власть».

Для того чтобы делать подобные предсказания, вовсе не обязательно обладать даром ясновидения. Андрей Белый и Блок напрасно смеялись над Брюсовым, что он «не маг, а математик». Математика и магия прекрасно могут сочетаться друг с другом – вспомним хотя бы учение Пифагора.

Пифагорейцы искали мировую гармонию. Открытие не-логоса, алогона, было для них настоящей трагедией познания, горьким разочарованием. Оно означало, что в основе мироздания лежит не гармония, а борьба противоположностей. Недостижимая противоположность катета и гипотенузы вызывала перед их глазами образ Тантала. Примером алогона было число 17, которое не пользовалось у пифагорейцев симпатией. Плутарх называл его разделительной стенкой¹³².

Кому-то это число не нравится, а кому-то наоборот. Вряд ли случайно, что Реформация началась в 1517 году, масонство ведет свою официальную историю с 1717 года, ну а что случилось в 1917 году, все хорошо помнят. Наш 2000 год соответствует 1717 коптской эры Диоклетиана. Его достойным финалом стало 11 сентября 2001 года.

Если бы кто-нибудь поинтересовался, в какой день родился Ницше, он обнаружил бы, что произошло это 15 октября високосного 1844 года, т.е. на 289-й день года, а это 17x17.

¹³¹ Gerhoch Reisegger. Die Türkmén kommen! Hohenrain. Tübingen, 2005, S.353.

¹³² Ernst Bindel. Pythagoras. Stuttgart, 1962, S.148, 160.

Это число не одно такое. Не зря дурной славой пользуется и число 13. Все подобные числа делятся только сами на себя, следуют за гармоническими цифрами и знаменуют собой переход от гармонии к дисгармонии, к хаосу.

Сталин, если бы у него не были оборваны монадические связи, мог бы сказать своим соратникам с точностью Нострадамуса: «Жить этому строю столько же, сколько и мне». И тот, и другой скончались на 74 году.

74 – это дисгармоничное число 37, помноженное на два. Столько же просуществовала французская монархия после смерти Людовика XIV, а потом началась Великая Французская революция.

Но это лишь мелкие примеры для разминки. Далекое не все можно рассчитать. Даже пресловутый Нострадамус – и тот оконфузился. Предсказал на 1999 год (хотя он редко называл точные цифры) явление некоего Царя Ужаса, а тот взял и не явился.

Для нас более важен другой вопрос. Как объяснить, что Россия вдруг, на наших глазах скукожилась до тех границ, которые она имела в первой половине XVII века?

Н. Богданов сравнивал не только Ивана Грозного со Сталиным, но и пытался проводить параллели, большей частью, неудачные, между нашими днями и Смутным временем. Конечно, можно представить себе Ельцина новым Филаретом, а Путина – царем Михаилом Федоровичем. Похоже, нынешняя власть так и думает, что с ее воцарением смута окончилась, не зря 4 ноября объявили национальным праздником. Тщетные надежды!

Для полноты картины необходимо учитывать не только внутрициклические, но и межциклические связи. Тогда многое станет более ясным.

Я уже не раз говорил о том, что Россия в этом цикле повторяет судьбу древней Персии, которая, как выясняется, имела укороченный цикл – 1500 лет вместо нормальных 2000. Укорочение это произошло за счет выпадения второго квадранта: за первым сразу последовал третий. В переводе на нашу историю это прямой переход от Киевской Руси к Московскому царству Ивана III.

У нас до сих пор квадранты не выпадали, все шло по общеевропейскому циклу. Значит, наш цикл должен сократиться за счет последнего квадранта.

В древней Персии эпоху Камбиза и самозванцев и смуту времен Маздака разделяет целое тысячелетие. Наши смутные времена к нам гораздо ближе.

Налицо грандиозная стяжка во времени. А время и пространство, как утверждает современная физика, неразрывно связаны друг с другом. Россия словно наткнулась на разделительную стену Плутарха и, ударившись об нее, отлетела на 400 лет назад, в тогдашние границы.

Чем объясняется эта стяжка во времени? А объясняется она тем, что земная история древнеперсидского архетипа была насильственно прервана вторжением Александра Македонского и этот архетип смог продолжить ее только после перерыва продолжительностью в 500 лет. Этот сросшийся архетип при воплощении в новом цикле существовал уже без перерыва.

Сходство Наполеона с Александром Македонским ограничивается тем, что он сжег Москву, как Александр – Персеполь, но Россию он не завоевал, как Александр – Персию. Однако, хотя древнеперсидский архетип и сросся, на месте сращения остался шрам, контуры которого удивительным образом отразились на нашей истории.

Занес их в Россию, очевидно, тот же Наполеон, но проявились они лишь через 200 лет, когда наша история вдруг стала имитировать чужую, французскую.

Великая Французская революция началась в 1789 году с созыва Генеральных штатов, наша нынешняя смута – с созыва съезда народных депутатов в 1989 году. Пиком террора во Франции был 1793 год, а у нас – 1993 (расстрел Белого дома). Из деятелей Французской революции бесцветного Робеспьера с его длиннющими, пустопорожними речами больше всего напоминает Горбачева, а Дантона – пьяный дурачок Ельцин, только у нас никто никому головы не рубил (хотя стоило бы), все живы-здоровы, а наш Дантон оказался сильнее нашего Робеспьера. Во Франции в 1789 году пришел к власти Наполеон, у нас в 1999 году – Путин, который, в отличие от Наполеона, никого не завоевывал и завоевывать не собирается. А чему вы удивляетесь? Это ведь всего лишь театр теней, контуры архетипического шрама, не более того.

Тени мельтешатся, думают, будто они остановят исторический откат.

Кое-кто начинает чувствовать опасность. Свидетельство тому – обсуждение т.н. «русского проекта» Ивана Демидова депутатами от Единой России в социально-консервативном клубе в Москве 3 февраля 2007 года. Наиболее радикально высказался на нем бывший синдикалист А. Исаев, который объявил Единую Россию «партией русского народа и русской цивилизации», русский народ – «в основном образующим наше государство этносом» и призвал принять программу «разгосударствления национальных автономных формирований внутри России». «Черты квазигосударств внутри страны должны быть сняты», – сказал он. Его

поддержали и другие. Ю.Н. Солонин заявил, что в России в принципе не должно быть «титულных наций», а то получается так, что в Республике Коми эти самые коми составляют одну десятую населения, но, как титульная нация, формируют административный аппарат. В Адыгее три четверти населения – русские, но ни один из них не занимает административно значимую должность.

Депутат от Свердловской области Г.К. Леонтьев возмущался тем, что в Татарстане живет 50% русских, а на сегодня получается, что права русских в Татарстане не равны правам русских в Свердловской области. Бюджетная обеспеченность Татарстана на порядок выше, хотя обе территории – доноры. Почему: Говорят: Татарстан – республика, там президент. А почему у Свердловской области не может быть президента?

Но все это тонет в хоре «россиян» и представителей «титулных наций», вследствие чего «русский проект» Единой России похож на настоящую русскую идею не больше, чем, извиняюсь, фаллоимитатор – на его природный оригинал. Поэтому Россия и будет продолжать катиться к новой неизбежной катастрофе.

Поминали все и лозунг: «Россия – для русских!» Лозунг этот звучит и толкуется двойственно. На одном полюсе – вариант «Россия – только для русских!», на другом – истерическое осуждение этого лозунга, которое можно понимать так, что Россия – не для русских. Правильная формулировка: «Россия – и для русских», а не только для тех, кто фигурирует в списках журнала «Форбс», где русских имен, настоящих, а не краденых, – раз-два и обчелся.

Либеральное большинство «благопристойных» националистов склоняется к тому, что русский – тот, кто считает себя таковым. Они панически боятся слова «кровь». Но мало ли кто кем себя считает! По данным опроса телепередачи «Русский взгляд» от 19 октября 2003 года 31% опрошенных считал главным признаком нации именно кровь, 24% – веру и лишь 19% – культуру. Участники вышеупомянутого совещания, ссылаясь на какие-то другие опросы, очевидно, такие же липовые, как и число голосов, поданных за их партию. Приятно, конечно, жить в мире собственных иллюзий, но реальность за это потом жестоко мстит.

В No.7 журнала «Атеней» в заметке «Украинцы Смутного времени» (с.92, без подписи) я напоминал о том, что в начале XVII века слово «Украина» имело совсем иное значение: так называлось нынешнее русское Черноземье. «Украина» тогда начиналась от Калуги и Тулы. Эти области были эпицентром Смуты: в них жили потомки вятичей, у которых еще не совсем исчезла память о былой независимости.

О.Н. Трубачев считает достоверной летописную версию о происхождении вятичей «от лях». По его словам, в Поочье «ляшское» племя вятичей воспроизвело фрагменты топонимического ландшафта своей далекой «ляшской» родины. На радимичско-вятичской территории давно уже были найдены соответствия польским местным названиям, главным образом – Мазовша и Хелминской земли. Среди этих топонимов – название столицы России Москва, Тула, Вщиж и др. Особое скопление западнославянских по происхождению местных названий приходится на Верхнее и Среднее Поочье¹³³. Не случайно поляки в Смутное время нашли в этих местах благоприятную почву.

Н. Костомаров писал, что на юге, в «украинных городах», тогда «был другой дух, чем в Москве... Стихия древней раздельности искала себе исхода и находила в южных областях. Чем далее русская жизнь шагала на юг от Москвы... тем народ был вольнее и своеобразнее, тем более было местных особенностей и стремлений не подчиняться Москве. Полное явление этого свободного... начала было в казачестве... Земля Северская, земля преимущественно называемая Украиною (т.е. земля нынешних губерний – Орловской, Воронежской, Калужской, Тульской), и земля Рязанская – заключали в себе много казацкого, противного тому, чего хотела государственная власть... В украинных городах было прибежище всего, что не уживалось в центре России и в старых ее областях... Сказка была подстать раздольному житью-бытью украинных земель; жизнь строгая являлась там в виде гнета. Там кипели побуждения не ужившихся под государственным строем, искавших другого строя жизни, и потому так легко приставали украинцы к новому знамени, когда оно поднималось против Москвы»¹³⁴.

Что же касается края, который составлял середину или ядро Московского государства и его великорусской народности, то, по словам Н. Костомарова, «он представлял во многом противоположность с тем, что показывалось тогда в стране украинских городов... Отличительной чертой в общественной жизни была строгая сомкнутость в общество, называемое миром... Личность каждого в отдельности ничего не значила прямо перед государством; каждый знал только свой мир... Кому невозможно казалось терпеть, тот бежал в Сибирь или в украинные города или на Дон и оттого-то юг Московского государства – притон недовольных сил – имел тогда иной характер, чем старое гнездо великорусского

¹³³ О.Н. Трубачев. В поисках единства. М., Наука, 1992, с.105-106.

¹³⁴ Н. Костомаров. Смутное время Московского государства. М., «Чарли», 1994, с.343-344.

народа, где оставались те, которые терпеливо сносили иго тамошнего порядка»¹³⁵.

Существуют понятия расового ядра и расовой периферии. Обычно считается, что ядро это «чистая», лучшая часть расы, а периферия испорчена разными примесями. В России все наоборот: наиболее энергичные элементы уходили как раз не периферию. Это они через 30 лет после Смутного времени, освоив Сибирь, дошли до Тихого океана. А в наше смутное время? Русские люди бегут с Дальнего Востока и из Сибири, и эти места заполняются китайцами или абы кем. Недавно произошел бунт в воинской части на острове Итуруп: возглавили этот бунт служившие в ней дагестанцы. В такой ситуации лучше отдать эти несчастные острова японцам, чем доверить их охрану такой армии, которая в большей степени представляет собой угрозу для собственной страны, чем для потенциального противника. Это когда-то Александр III говорил, что единственные друзья России это ее армия и флот. Теперь у нее и этих друзей не осталось.

Н. Костомаров описывал два разных по сути архетипа, сосуществующих в рамках одной русской нации. Герцен рассказывает, как герцог де Ноайль сказал ему: «Вы, русские, – или совершенные рабы царские или... анархисты. А из этого следствие то, что вы еще долго не будете свободными» (Былое и думы, глава 35). Французский герцог был более объективен, чем русский демократ Чернышевский, который сказал о русских: «Жалкая нация; снизу доверху – все рабы». Это пример одностороннего обобщения. Даже Ленин, который обожал Чернышевского, вынужден был в статье «О национальной гордости великороссов» внести поправку, напомнив о крестьянских восстаниях и тому подобных событиях русской истории. К сожалению, архетип «Едра» у нас – доминантный.

Н. Костомаров, как пишет французская исследовательница Марлен Ларюэль, представлял в рамках русской историографии той эпохи направление, которое можно назвать федералистским или регионалистским. Он видел в русской истории две тенденции, одну – в сторону централизации, другую – в сторону автономизма и различал две русские нации, одну сосредоточенную вокруг Москвы, а к другой он относил белорусско-украинский мир и северную Русь. Этнолингвистическая близость между Украиной и районом Новгорода и Пскова служила для Костомарова доводом в пользу того, чтобы отнести Украину к западному

¹³⁵ Там же, с.429-430, 432.

русскому миру, для которого характерным было федералистское и демократическое вечевое начало¹³⁶.

В то же время Н. Костомаров отвергал идеи русофобской школы французских историков, которую возглавлял Анри Мартен, ученик Мишле. С подачи беглого киевского поляка Духинского он проводил различие между «хорошими» славянами, арийцами и европейцами, и «плохими» русскими, смешанными с тюрко-монгольскими народами¹³⁷. Костомаров отрицал взаимосвязь между смешением великорусов с тюркскими и финскими народами и политическими реалиями Московского царства. Он писал: «Нет оснований искать различия между славянами под предлогом особого происхождения одной славянской ветви, смешанной с финнами и тюрками, и делать из этого выводы о тенденции к самодержавию, совершенно чуждой славянскому духу»¹³⁸.

Взгляды, сходные с костомаровскими, высказывал его ровесник, А.К. Толстой. Он писал 5 ноября 1870 года Н.А. Чаеву: «Как может Аксаков смотреть на испорченную, отатарившуюся Москву как на представителя древней Руси? Не в Москве надо искать Россию, а в Новгороде и в Киеве»¹³⁹.

Те же мысли он развивал в письме Б.М. Маркевичу от 26 марта 1869 года: «Скандинавы не устанавливали, а нашли уже вполне установившееся вече. Заслуга их в том, что они его сохранили, в то время как гнусная Москва его уничтожила – вечный позор Москве! Не было нужды уничтожать свободу, чтобы победить татар, не стоило уничтожать деспотизм меньший, чтобы заменить его большим. Собрание русской земли! Собрать – это хорошо, но спрашивается, что собирать? Клочок земли это лучше, чем куча дерьма»¹⁴⁰.

В другом письме тому же Маркевичу от 26 апреля 1869 года А.К. Толстой признавался: «Когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов и до проклятой Москвы, еще более по-

¹³⁶ Marlene Laruelle. *Mythe aryen et reve imperial dans la Russie du XIX-e ciele*. CNRS Editions. Paris, 2005, p.64.

¹³⁷ Н. Костомаров. *Цит. соч.*, с.31.

¹³⁸ Там же, с.43.

¹³⁹ А.К. Толстой. *Собр. соч.*, М., 1964, т.4, с.356.

¹⁴⁰ Там же, с.271.

зорной, чем самые монголы, мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом»¹⁴¹.

В том же письме А.К. Толстой делает еще более странное признание: «Если бы перед моим рождением Господь Бог сказал мне: «Граф! Выбирайте народ, среди которого Вы хотите родиться!» – я ответил бы Ему: «Ваше Величество, везде, где Вам будет угодно, но только не в России!»... Я не горжусь, что я русский, я покоряюсь этому положению» (там же).

Мы слышим в этом письме характерный вопль монады, попавшей не в свой архетип. А.К. Толстой – яркий представитель монадического, а не архетипического мышления. Он сам формулировал его суть: «Материал, из которого я сделан, не может найти здесь элемента, сродного ему. Что бы ни делали, не найдут цемента, чтобы связать меня с массой». «Я не сотворен из того же материала, как масса; можно ли от меня требовать то же, что от других?»¹⁴².

Недостаток русского «ядерного» архетипа А.К. Толстой видел в том же, что и Н. Костомаров – в подавлении личности «миром». Он писал Б.М. Маркевичу 28 декабря 1869 года: «Я становлюсь их (славян) отъявленным врагом, когда они воюют с европеизмом и свою проклятую общину противопоставляют принципу индивидуальности, единственному принципу, при котором может развиваться цивилизация вообще и искусство в частности... Я западник с головы до пят, и подлинное славянство – тоже западное, а не восточное. Нет у него никаких оснований быть восточным»¹⁴³.

Почему нет, он объясняет в письме М.М. Стасюлевичу от 26 декабря 1869 года: «Оно (славянство) элемент чисто западный, а не восточный, не азиатский... Мы и немцы первыми отделились от древнего арийского ствола, и нет сомнений, что и интересы, и мифология у нас были общие»¹⁴⁴.

Хотя А.К. Толстой и уверял: «Я не принадлежу ни к какой стране и вместе с тем принадлежу всем странам зараз»¹⁴⁵. На самом деле, у него были предпочтения: он постоянно возвращался в мечтах в Киевский период, который продолжал по традиции называть «варяжским», хотя как раз при его жизни германское про-

¹⁴¹ Там же, с.281.

¹⁴² Там же, с.90, 91.

¹⁴³ Там же, с.336.

¹⁴⁴ Из писем С.А. Миллер, с.335.

¹⁴⁵ Там же, с.289.

исхождение этих самых варягов многие с пеной у рта оспаривали. Тот же Костомаров утверждал, что варяги это были не славяне и не скандинавы, а литовцы (жмудь). Другой представитель украинофильского крыла русских историков, М.А. Максимович, не хотел уступать варягов балтам и видел в них славян. Но мы сейчас говорим не о варягах, а об А.К. Толстом. Он не совсем правильно думал, что родился «не там»: там, но в другом квадранте цикла, когда преобладал другой славянский архетип.

Вот кто действительно попал не туда, так это не А.К. Толстой, а Чаадаев. Как он описывал наше прошлое в своем знаменитом «Философском письме»? «Сначала – дикое варварство, потом – грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть... Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании. Окиньте взглядом все прожитые наши века... вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом»¹⁴⁶. Перед нами типичный образ мыслей «балластного» воплощения монады.

Позже, оправдываясь, Чаадаев нашел все же, за кого зацепиться в нашей истории – за Петра Великого. Славянофилы его, как известно, недолюбливали, но А.К. Толстой писал о нем: «Петр Первый, несмотря на его палку, был более русским, чем они (К. Аксаков и Хомяков), потому что он был ближе к дотатарскому периоду... Гнусная палка Петра Алексеевича была найдена не им. Он получил ее в наследство, но употреблял ее, чтобы вогнать Россию в ее прежнюю, родную колею»¹⁴⁷.

Родную? Ой ли? Послушаем, что думал на этот счет М. Волошин:

*Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опречь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...
И тот же дух ведет большевиков
Исконными российскими путями.*

¹⁴⁶ В.В. Лазарев. Чаадаев. М., 1986, с.99-100.

¹⁴⁷ А.К. Толстой. Цит. соч., с.322.

Могут возразить: М. Волошин – сомнительный автор. Хорошо, возьмем другой источник – «Историю русского масонства» Б. Башилова (выпуски III и IV. Русло-Община. М., 1992). Глава о Петре, с крайне отрицательной оценкой этого деятеля, называется в этой книге «Робеспьер на троне» и содержит ту же самую формулировку: «Петр I является первым русским революционером, первым нигилистом и первым большевиком (как духовный тип). Автор ссылается на авторитет Пушкина, который писал, что Петр I это «Робеспьер и Наполеон вместе», и подчеркивает, что так же понимал Петра и Герцен, разделявший точку зрения Пушкина¹⁴⁸.

А.К. Толстой был неправ, когда думал, будто Петр вгонял Россию в ее «прежнюю, родную» колею. Он мог называть эту колею родной только потому, что почитал варягов за германцев, поэтому и голландские увлечения Петра он расценивал как «тягу к своему». И М. Волошин врал насчет «исконных российских путей»: не были они исконными, это пути второго славянского архетипа.

Откуда же обрушилась на Россию эта напасть, именуемая Петром, то ли Великим, то ли нет?

Н. Костомаров робко, словно опасаясь обвинения в кощунстве, сравнивал реформы Петра с той политикой, которую пытался проводить в России царь Дмитрий. Я не употребляю здесь обычную приставку «лже» не потому что считаю, будто это был в самом деле спасшийся сын Ивана Грозного, а потому что это была воистину царственная монада, целью земного воплощения которой было то самое возвращение России в ее прежнюю, родную колею, как выразался по другому, правда, поводу А.К. Толстой.

Для прояснения картины задействуем межциклические связи. Вспомним первую древнеперсидскую смуту и самозванца Бардию. Он был ставленником мидийских магов, а Мидия для Персии была тем же, чем Киевская Русь – для Московской. Мидийцы не приняли новую религию Заратустры и стояли на позициях старого арийского язычества.

Дмитрий опирался на поляков и украинцев, т.е. представителей первого славянского архетипа. Он надеялся вернуть этот архетип в Москву мирными средствами, но просчитался. Он прощал даже разоблаченных заговорщиков, того же Василия Шуйского, который в конце концов организовал его свержение и убийство. Но Дмитрий не погиб 17 мая 1606 года. Нет, он не спасся, но он появился

¹⁴⁸ Ук. соч., с.127.

вновь почти сто лет спустя с пресловутой палкой и со страшной жаждой мести тем, кто не понимает хорошего обращения.

И в Персии маги, после расправы с ними, учиненной Дарием, тоже взяли реванш при последующих персидских царях.

Но больше всего Россию времен Петра I напоминал уже не персидский, а парфянский двор царя Орода (чем не Ирод). В 53 году до н.э., когда парфяне разбили римлян при Каррах и погиб Красс, Ород праздновал свадьбу своего сына, когда ему принесли весть о победе и отрубленную голову Красса. В это время труппа странствующих актеров как раз исполняла перед собравшимся двором «Вакханок» Еврипида. Актер, игравший роль Агавы, которая в припадке безумного восторга разрывает на части собственного сына и несет на жезле его голову, заменил ее окровавленной головой Красса и запел, к великой радости публики, состоявшей из полуэллинизированных варваров, известный напев: «Мы несем домой из далеких гор славную добычу, кровавую дичь»¹⁴⁹. Очень характерное сочетание европейской классики с отрубленными головами, не правда ли? Опять вспоминается М. Волошин:

*«В кунсткамере хранится голова,
Как монстра, заспиртованного в банке,
Красавицы Марии Гамильтон»...*

Какой тут проявился «архетип»? А черт его знает, какой!

В той же поэме Волошина царь, вздернув на дыбу Стрешнева, спрашивает: «Твой сын я али нет?» А тот отвечает:

*«А черт ты знает, чей ты... много нас
У матушки-царицы переспало...»*

Покойный начальник академии МВД генерал Крылов однажды рассказывал в интимном кругу, как Сталину принесли документы, неизвестно, подлинные или специально сфабрикованные с целью подхалимнуться, что настоящим отцом Петра был некий грузинский царевич. Сталин подумал и сказал: «Нет, товарищи, давайте мы из Петра грузина делать не будем».

А, может быть, все-таки стоило сделать, чтобы не засовывать всех извергов в славянский архетип? Говорил ведь тот же Иван Грозный английскому послу

¹⁴⁹ Теодор Моммзен. История Рима, т. III. ОГИЗ, 1941, с. 284-285.

Флетчеру: «Я не русский, предки мои германцы»¹⁵⁰, имея в виду, несомненно, пресловутое «варяжское» происхождение своей династии. Он пытался дать рациональное объяснение тому чувству чужеродности, которое испытывает монада, попавшая не в свой архетип. А такое случается с монадами, даже самыми что ни на есть «демоническими», выражаясь языком Д. Андреева. И тоже ведь был «западник»! М.А. Алпатов так и пишет: «Западничеством» Грозный заметно превосходил свое боярское окружение»¹⁵¹. И большевики тоже были «западники».

У М. Горького в «Жизни Клима Самгина» есть такой персонаж, большевик Кутузов, задуманный, разумеется, как положительный образ, но вызывающий у читателя только отвращение своими самоуверенными, безапелляционными сентенциями. Однажды, присутствуя при споре интеллигентов о грядущих судьбах России, Кутузов изрекает, как всегда, тоном судьи, который зачитывает не подлежащий обжалованию приговор: «Быть тебе Россия Европой!»

Горький хорошо знал большевиков, был с самым Лениным на дружеской ноге и вложил в уста Кутузова слова, которые наверняка не раз слышал в этой среде.

Но никак не прививается в России «европеизм». Были у нас и Димитрий, и Петр I, и 1917 год и 90-е годы прошлого века, но, как шутят в наше время, что бы мы ни делали, все равно получается автомат Калашникова. После любых реформ и революций мы опять получаем азиатскую деспотию и ничего другого.

П.Я. Чаадаев незадолго до смерти писал: «Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – олицетворение произвола. В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения»¹⁵².

Чаадаев, правда, приплетает тут же и «порабощение всех соседних народов», словно Россия это воплощение некоего хищного архетипа. На самом деле второй славянский, он же великорусский архетип вовсе не хищный, он просто пас-

¹⁵⁰ М.А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., Наука, 1973, с.308.

¹⁵¹ Там же, с.206.

¹⁵² В.В. Лазарев. Чаадаев, с.106.

сивный и сам же первым становится жертвой воплощений монад из действительно хищных архетипов.

*Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но – ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.*

(А. Блок. «Возмездие»)

Как утверждал Герцен, «восприимчивый характер славян, их женственность, недостаток самостоятельности и большая способность усвоения и пластицизма делают их по преимуществу народом, нуждающимся в других народах, они не вполне довлеют себе. Оставленные на себя, славяне легко «убаюкиваются своими песнями», как заметил один византийский летописец, и «дремлют». Возбужденные другими, они идут до крайних следствий; нет народа, который полнее и глубже усваивал бы себе мысль других народов, оставаясь самим собою. Того упорного непонимания друг друга, которое существует теперь, как за тысячу лет, между народами германскими и романскими, между ими и славянами нет». (Былое и думы, часть 4, гл.24. «Не наши»).

Герцен говорит здесь о славянах «вообще», каковых в природе не существует, не проводя различия между двумя славянскими архетипами. Выражая свою, глубоко монадическую точку зрения, согласно которой «свобода лица – величайшее дело». Герцен и делал ее критерием оценки европейской и русской истории.

«В самые худшие времена европейской истории мы встречаем некоторое уважение к личности, некоторое признание независимости – некоторые права, уступаемые таланту, гению. Несмотря на всю гнусность тогдашних немецких правительств, Спинозу не послали на поселение, Лессинга не секли или не отдали в солдаты. В этом уважении не к одной материальной, но и к нравственной силе, в этом невольном признании личности – один из великих человеческих принципов европейской жизни».

«У нас лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость, самобытность – за крамолу; человек пропадал в государстве, распускался в общине». «Власть у нас увереннее в себе, свободнее, нежели в Турции, нежели в Персии»¹⁵³.

¹⁵³ А.И. Герцен. С того берега. Собр. соч., М., 1956, т.3, с.240-242.

Здесь уже речь идет не о славянах вообще, а конкретно о России. Все сказанное неприменимо к первому славянскому архетипу, который ярче всего проявляется в Польше. Здесь, в полную противоположность России, личность не создается в общине («я как все, как мир»), а наоборот, может противопоставить себя общине. Принцип единогласия, «консенсуса», как любил говаривать Горбачев, общинный по своему происхождению принцип, был доведен в польском сейме до такой крайности, что голос одного человека мог стать решающим (знаменитое «liberum veto»). Ницше говорил, что Коперник в этом отношении был типичным поляком: он один перевернул все человеческое мировоззрение.

Ну и, конечно, никакого «смирения» у поляков никогда не было: они восставали против Российской империи, восставали против немецких оккупантов, несколько раз восставали против коммунистического режима. Прообраз поляков А. Тойнби нашел и в прошлом цикле: он называл «поляками эллинского мира» мессенцев, постоянно восстававших против Спарты¹⁵⁴.

Рассмотрим с этой точки зрения тезис Герцена о том, будто непонимания друг друга, которое существует между народами германскими и романскими, между ними и славянами нет. Действительно, славяне обоих архетипов стремятся к взаимопониманию и с германскими, и с романскими странами Европы, но порознь, тогда как отношения между самими этими архетипами столь же враждебны, как между германскими и романскими народами в прошлом, но эти народы сегодня эту вражду преодолевают (поэтому и воссоздается «каролингский полюс»), вражда между Россией и другими славянскими народами, наоборот, усиливается. К ней плохо относятся не только поляки и часть украинцев: сербы, преданные Россией, устраивают в отместку «цветные революции» в бывших советских республиках. Не так давно страна, в которой мы живем (хотя, как пел еще Тальков, «нельзя это жизнью назвать»), претендовала на роль мирового лидера. Сегодня она не может претендовать даже на лидерство среди славянских народов. Впрочем, она ни на что и не претендует, она «сосредоточивается», как уверяют знатоки русской истории, но, в отличие от времен Горчакова, это сосредоточение сводится к самопожиранию, точнее, к пожиранию пассивного великорусского архетипа сосуществующими с ним в рамках одного государства хищными архетипами других народов.

Помните горбачевские съезды советов? Тогда в ходу была шутка: Кто «за», прошу поднять тубетейки! Центральная власть опиралась на азиатские республики, где правили ханы, не переставшие быть ханами оттого, что стали называться первыми секретарями местных компартий. В их рядах уже вызревали

¹⁵⁴ Antoni Wacyk. Mit polski Zadruga. «Toporzel». Wrocław, 1991, p.53.

будущие туркменбаши. И сегодня ситуация ничуть не изменилась. На последних выборах в местные законодательные собрания 11 марта 2007 года где больше всего голосов набрала «Единая Россия»? Ну, конечно же, в Дагестане. Недавние события на Итурупе показали, какая это надежная опора.

СНГ, при всем дураломстве Ельцина, был задуман как союз славянских государств. Ельцин же установил особые отношения с Белоруссией, а его преемник повернулся к Белоруссии задом, и уже пошли разговоры, что объединяться Россия будет не с Белоруссией, а с Казахстаном. Так удобней, так привычней.

Когда после письма Чаадаева с ним сцепились славянофилы, Герцен писал об их споре: «Чаадаев и славяне равно стояли перед неразгаданным сфинксом русской жизни... они равно спрашивали: «Что же из этого будет? Так жить невозможно... Где же выход?»»

В начале нашего новейшего смутного времени был снят фильм под названием «Так жить нельзя». Но когда всё перевернули, оказалось, что и так жить тоже нельзя. Когда же, наконец, можно будет жить? Чаадаев считал, что выхода нет. Славянофилы решили вопрос иначе. «В их решении – продолжает Герцен – лежало верное сознание живой души в народе... Они поняли, что современное состояние России, как бы тягостно оно ни было, – не смертельная болезнь. И в то же время, как у Чаадаева слабо мерцает возможность спасения лиц, а не народа, у славян явно проглядывает... вера в спасение народа» (Былое и думы, часть 4, гл.24.).

Герцен и славянофилы еще имели основания быть оптимистами. Сегодня таких оснований больше нет.

Нынешнее состояние России лучше всего описал С.Б. Морозов в своей книге [«Заговор против народов России сегодня»](#) М., Алгоритм, 1999). Он поставил вопрос ребром: Существует ли русская нация в конце XX века? И ответил на него так: «До войны была, в войне она победила, но война ее и добила. После войны, например, в 1960-е годы, можно было сказать, что русской нации уже нет»¹⁵⁵. «Под грузом десятилетних болезней русская нация, начавшая путь на Куликовом поле и закончившая его в Берлине, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее пошла к дезинтеграции, распалась на отдельных, ничем не

¹⁵⁵ Ук. соч., с.22-23.

связанных людей, перестала существовать»¹⁵⁶. «Есть население, старого народа уже нет, нового пока нет»¹⁵⁷.

С.Б. Морозов высказал ряд догадок насчет того, каким он будет, этот новый народ. Мы попробуем сделать то же самое, только будем использовать в качестве ориентира все тот же древнеперсидский цикл.

Точно так же, как Россия в XX веке, Персия надорвалась в VII-м. В начале этого века персидские войска стояли у стен Константинополя, взяли Иерусалим, захватили Египет и дошли до Нигера, а в середине того же века Персидская империя пала под ударами арабов. Это было карой за глобальную политику. Как писал Л.Н. Гумилев, «Иран ослабел настолько, что уже в 636 году потерпел полный разгром в битве при Кадеше от арабов... Победа халифа Омара объяснима не столько фанатизмом новообращенных мусульман, сколько тем, что лучшие персидские войска легли в боях с византийцами и тюрко-хазарами»¹⁵⁸. Завоевание Ирана арабами началось в 633 году, через год после смерти пророка Мохаммеда, и закончилось в 651 году со смертью последнего царя из династии Сасанидов Ездигерда III. Но сто лет спустя, при халифате Аббасидов, с господствующим положением арабов в Иране было покончено, и руководство страной снова перешло в руки персов.

С.Б. Морозов пишет о новом народе: «Он будет русским – но русским с начала, без старой истории, без традиций. Не с иностранными традициями и культурой, а со своими, но с новыми своими»¹⁵⁹. В статье «Голос крови и голос Судьбы»¹⁶⁰, комментируя идею Гейдара Джемала, будто только принятие Ислама может спасти Россию от поглощения ее «молохом мондиализма», я отвечал ему, что своего рода «новый Ислам» у нас уже был, и Россия его отвергла. Я вспоминал слова Шпенглера об Исламе, что эта религия очень быстро распространилась, словно в предчувствии быстрого упадка и подчеркивал, что это высказывание правильней будет отнести к коммунистической идеологии.

Пророк Мохаммед и Ленин – личности, разумеется, несравнимые по своему уровню. О первом мы уже говорили, что он адекватно соответствовал арабскому архетипу, у Ленина же были порваны связи не только с монадическим, но и с

¹⁵⁶ Там же, с.25.

¹⁵⁷ Там же, с.31.

¹⁵⁸ Открытие Хазарии. М., 1966, с.106.

¹⁵⁹ С.Б. Морозов. Цит. соч., с.31.

¹⁶⁰ Сборник «Расовый смысл русской идеи», выпуск 2, М., Белые альвы, 2002, с.475.

архетипическим уровнем. Вспомним о таком феномене, как балластные монады: таковой был Чаадаев, но он только доставил свой груз на Землю и вернулся обратно в свою монадичность, Ленин же это не балластная монада, это сам сброшенный монадой балласт. Он пытался искусственно создать новый архетип на чисто материальной основе, но вызвал своими действиями только вторжение уже существующих хищных архетипов в русский архетип.

Персия пережила господство семитской идеологии и самих семитов. Мы тоже пережили господство и семитской идеологии, и самих семитов, только этими семитами были не арабы, а евреи. Впрочем, почему «были»? Они есть. Семитскую идеологию в марксистском варианте они отбросили за ненадобностью, а власть как была в их руках, так и осталась, даже, пожалуй, в еще большей степени, чем при коммунистах. И сегодня в нашей стране господствует их подлинная религия, культ Золотого Тельца, несмотря на всю православную атрибутику.

Как утверждает С.Б. Морозов, «русские не смогут объединиться вокруг любой ранее существовавшей идеи». Он говорит, конечно, о новом русском народе, а не о тех пресловутых «новых русских», которые красуются сейчас на первых страницах газет. Эти «русские» под влиянием хищных архетипов претерпели такую же метаморфозу, как Варенуха после поцелуя Геллы. «Русская нация будет, но это будет нация не из вымирающего народа». Сейчас в России «есть население, старого народа уже нет, нового пока нет»¹⁶¹.

Старого народа нет, конечно, в том смысле, в каком Кришна говорит о воинах накануне битвы: «Я их уже убил». Он есть, но исторически он обречен. Православие – религия этого старого русского народа.

Так же и в Иране и после арабского завоевания еще долго была жива старая религия. «Еще в X веке зороастрийцев в Иране оставалось очень много. В Фарсе в то время зороастрийцы составляли еще большинство сельского населения. Чуть ли не во всех селах области были зороастрийские храмы огня. Зороастрийцев здесь было так много, что они не носили на одежде отличительных знаков, предписанных для иноверцев». До второй половины IX века зороастрийцы преобладали и в прикаспийских областях. Лишь к XI веку подавляющее большинство населения стало мусульманским¹⁶².

¹⁶¹ С.Б. Морозов. Цит. соч., с.30-31.

¹⁶² И.П. Петрушевский. Ислам в Иране, с.36-37.

Мы знаем современный шиитский Иран, противостоящий суннитскому миру. Те, кто не знает истории, думает будто шиизм был «реакцией иранского духа против арабизма». И.П. Петрушевский опровергает это заблуждение. По его словам, догматика шиизма произошла скорее от иудеев, чем от иранцев. Основоположителем шиитской религиозной доктрины был Абдаллах ибн Саба, иудей из Иемена. Учение о возвращении пророков впервые появилось в библейском иудаизме в виде веры в возвращение Илии, Еноха и от него перешло в христианство – Иоанна Крестителя считали вернувшимся Илией¹⁶³. А государственной религией шиизм стал в Иране лишь в XVI веке при Сефевидах, династии тюркского происхождения.

Как видим, ничего изначально иранского, «арийского» в шиизме нет. При Аббасидах, когда персы одержали верх над арабами, шииты были лишь одной из «консораций» (термин Л. Гумилева), притом не главной. Консорации С.Б. Морозов, поправляя Л. Гумилева, определяет как «группы повышенного биологического качества». «Консорации состоят не из мутантов, а из нормальных людей, желающих расширить свое пространство или такового не имеющих, обладающих при этом достаточной для решения данной задачи качеством». Примеры консорций: раскольники, вольные казаки, революционеры, землепроходцы, конкистадоры»¹⁶⁴. И культурная традиция нового русского народа «будет сгенерирована на базе культуры прошлой, но заново одной из консорциальных групп»¹⁶⁵. Следовало бы выразиться как-нибудь попроще: слишком важен для нас этот вопрос. «Откуда есть пойдут» земля русская заново?

Перечисление С.Б. Морозова чем-то напоминает «политвоспитание» солдат в царской армии, как оно описано в «Поединке» Куприна: Кто есть враг внутренних? – Жиды, студенты, конокрады и т.д. «Конкистадоры» это не из нашей оперы, землепроходцами у нас были, как правило, те же вольные казаки, о революционерах – разговор особый.

С.Б. Морозов считает, что консорция в перспективе может развиваться в нацию, но чаще в ней растворяется¹⁶⁶. Это растворение, как мы знаем, соответствует растворению монады в архетипе. Монады, которые не растворились в архетипах, не растворятся и в их земных воплощениях – нациях или религиозных об-

¹⁶³ Там же, с.39, 41.

¹⁶⁴ С.Б. Морозов. Цит. соч. с.12, 11.

¹⁶⁵ Там же, с.31.

¹⁶⁶ Там же, с.11.

щинах. Если «консорция» не растворяется в нации, значит, в ней много монашеских воплощений.

Начнем с раскольников. Наш раскол XVII века очень напоминает события, происходившие в Персии в III веке н.э., а именно борьбу официального зороастрийского духовенства с манихеями. Налицо лишь перемена знаков. Персидские зороастрийцы тех времен были как раз «староверами», а манихеи, наоборот, реформаторами. Наш Никон очень напоминает Картира тем, что, вопреки традиции, пытался поставить духовную власть выше светской, за что и лишился сана, а Картира в Иране вообще вычеркнули из официальной истории. А манихеев в Персии преследовали с такой же жестокостью, как и у нас – «раскольников». Судьба Аввакума повторяет судьбу Мани.

Манихеи оказали влияние на маздакитов, а у нас революционеры и 200 лет спустя после раскола возлагали надежды на староверов. Александр Михайлов, подлинный основатель и вождь «Народной воли», хотя его затмил в памяти потомков искусный краснбай, но плохой организатор Желябов, долгое время жил среди раскольников, прощупывая почву для бунта, и потом удивлял друзей, читая наизусть длиннейшие молитвы староверов. Но эта «консорция» больше проявила свой талант в коммерческой, чем в революционной деятельности, как, кстати, джайны и парсы в Индии.

Александр Михайлов, как и его друг детства и соратник Баранников, был родом с Черниговщины, из той самой Северной земли, откуда начал свой поход на Москву Димитрий, из земли, которая первой восстала после его убийства, из тех мест, где жил и творил А.К. Толстой, по материнской линии – потомок последнего украинского гетмана Разумовского, от которого пошел и род Перовских, в том числе – Софья Перовская.

Не обошлось в «Народной Воле», как и в XVII веке, без поляков. Лесков в своем крайне неудачном романе «Некуда» вообще сводил все русское революционное движение к «польской интриге», но в упомянутой организации вторым после А. Михайлова человеком можно назвать А. Квятковского, сына золотопромышленника. Во время своего пребывания в сибирской ссылке с семейством Квятковских породнился М.А. Бакунин.

А вот евреев в «Народной Воле» было мало, и они играли второстепенные роли. Не сравнить ее с ее преемницей, партией эсеров, в которой, наоборот, русских приходится отыскивать под лупой.

Так что в начале XX века в России не было какой-то одной «консорции революционеров», было две основных, не говоря уже о том, что в них постоянно про-

исходили внутренние расколы, но образовывали эти партии, главным образом, воплощения одного и того же хищного архетипа.

На то, сколь опасен этот архетип для революционного движения, указывал Бакунин в статье «Мои личные отношения с Марксом»: «Весь этот еврейский мир, образующий эксплоататарскую секту, народ-кровопийцу, тощего прожорливого паразита, тесно и дружно организованного не только поверх государственных границ, но и поверх всех различий в политических убеждениях, – этот еврейский мир ныне, большей частью, служит, с одной стороны, Марксу, с другой – Ротшильду. Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой – Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам».

В другой статье, «Этюд о немецких евреях», Бакунин добавлял: «Натура современных евреев не располагает их к настоящему социализму. Их история, задолго до христианской эры, привила им чисто меркантильные и буржуазные тенденции, так что, рассматриваемые как нация, они являются по преимуществу эксплоататарами чужого труда, и им присущи естественный страх и отвращение к народным массам, которых они вдобавок явно или втайне презирают».

«Я знаю, – продолжает Бакунин, – что, высказывая так откровенно мою заветную мысль о евреях, я подвергаюсь огромной опасности. Эту мысль разделяют многие, но мало кто решается выразить ее открыто, ибо еврейская секта... располагает ныне в Европе действительной силой. Она деспотически царит в торговле, в банках и захватила на три четверти германскую прессу и значительную часть прессы других стран. И горе тому, кто умудрится не угодить ей!»

Советский биограф Бакунина Ю. Стеклов (Нахамкес), из третьего тома книги которого взяты эти цитаты¹⁶⁷, конечно, морщится, приводя их. На него «тяжелое, чтобы не сказать дикое впечатление производят в писаниях и выступлениях Бакунина его антисемитические выходки» и то, что у Бакунина «встречается даже столь популярный в черносотенной печати термин «жидо-масоны». По этой причине Стеклов ставил Бакунина на один уровень с Дрюмоном¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Бакунин в Интернационале. М.-Л., 1927, с.349, 392.

¹⁶⁸ Там же, с.346, 349.

Не могло нравиться Стеклову и то, что сочинения Бакунина «пестрят ссылками на расовые особенности», в частности, на неодинаковую интенсивность бунтарского инстинкта у различных наций¹⁶⁹.

Бакунин писал Герцену 26 сентября 1869 года, что ему придется вступить в борьбу с Марксом «не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствующие им партии, английская и немецкая, горячие поборники»¹⁷⁰.

И Бакунин вступил в борьбу, выпалив по Марксу работой «Государственность и анархия», содержащей такие тезисы: «Мы не только не станем уговаривать братьев-славян вступать в ряды социально-демократической партии немецких рабочих, во главе которой стоят... господа Маркс и Энгельс... мы, напротив, должны употребить все усилия, чтобы отвратить славянский пролетариат от самоубийственного вступления в союз с этою партией, отнюдь не народною, но по своему направлению, по цели и средствам чисто буржуазною и к тому же исключительно немецкою, т.е. славяноубийственною», так как «немцы ищут жизни и свободы своей в государстве; для славян же государство есть гроб»¹⁷¹.

«Государство это самое вопиющее, самое циническое и самое полное отрицание человечества»¹⁷². Как созвучны эти слова Бакунина тому, что говорил о государстве ницшеанский Заратустра (часть 1, глава «О новом кумире»): «Государством называется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно; эта ложь ползет из уст его: «Я, государство, составляю народ». Это – ложь! Созидателями были те, кто создали народы и дали им веру и любовь: так служили они жизни. Разрушители – это те, кто ставит ловушки для многих и называет их государством». «Рождается слишком много людей: для лишних изобретено государство». «Там, где оканчивается государство, начинается впервые человек, который не есть лишний».

Нет, не зря Ницше претендовал на польское происхождение. Он, как и Бакунин, явно был одним из живых воплощений первого славянского архетипа. Поляки казались Ницше благородней и одаренней немцев. Он считал, что немцы вошли

¹⁶⁹ Там же, с.153, 152.

¹⁷⁰ Н. Пирумова. М. Бакунин. Жизнь и деятельность. М., 1966, с.114.

¹⁷¹ М.А. Бакунин. Полн. собр. соч., т.2, с.60, 53.

¹⁷² Там же, т.1, с.139.

в число одаренных наций только благодаря сильной примеси славянской крови¹⁷³.

В этой связи уместно вспомнить слова М. Горького о Л. Толстом: «То, что называют «анархизмом Толстого», в существе и корне своем выражает нашу славянскую антигосударственность»¹⁷⁴.

Говоря уже не о славянах вообще, а о русских в частности, Бакунин отмечал, что русский народный идеал омрачен тремя чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно затрудняют и замедляют осуществление его. Этими чертами в его глазах были патриархальность, поглощение лица миром и вера в царя. Он отрицательно относился к общине, потому что в ней «преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права»¹⁷⁵.

На этой почве Бакунин сцепился с Герценом и Огаревым, которые идеализировали общину. Он писал им 19 июля 1866 года: «Община наша не имела даже и внутреннего развития, – она теперь та же, что и тому назад пятьсот лет, – а если в ней... стало подобие внутреннего процесса, так это процесс разложения, – всякий мужик побогаче да посильнее других стремится теперь всеми силами вырваться из общины, которая его теснит и душит».

Как видим, необходимость будущей столыпинской аграрной реформы Бакунин понимал уже тогда, когда самому Столыпину было всего 4 года.

«Откуда же эта неподвижность и непроизводительность русской общины? – продолжал Бакунин в том же письме. – Оттого ли, что в ней самой нет начала развития и движения? Да, пожалуй, и так. В ней нет свободы, а без свободы, вестимо, никакое общественное движение немыслимо».

Бакунин высмеивал «мистическую веру» Герцена и Огарева в великорусскую общину. «Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжении десяти веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого печального или гнусного рабства?»¹⁷⁶.

¹⁷³ А. Drews. Nietzsches Philosophie. Heidelberg, 1904, S.6.

¹⁷⁴ М. Горький. Избранные литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1941, с.138.

¹⁷⁵ М.А. Бакунин, т.2, с.251, 256.

¹⁷⁶ Н. Пирумова. Цит. соч., с.94-95.

«Последним пределом, высшей целью всего человеческого развития является свобода», – провозглашал Бакунин. «Свобода неделима: нельзя урезать часть ее, не убивая целого. Эта малая часть, которую вы урезываете, это самая сущность свободы, это всё. В силу естественного, необходимого и непреодолимого влечения вся моя свобода концентрируется тотчас же именно в той части, которую вы урезываете, сколь бы ни была эта часть мала»¹⁷⁷.

«Социализм без свободы – по определению Бакунина – это рабство и скотство»¹⁷⁸.

«В... году погиб не социализм вообще, а только государственный социализм, тот регламентаторский, деспотический социализм, который верил и надеялся, что государство сможет удовлетворить потребности и законные стремления рабочих классов». Я умышленно не поставил здесь год, так как можно подумать, что это пророчество о 1991 году. А в бакунинском тексте стоял всего лишь 1848 год, год опубликования Коммунистического манифеста¹⁷⁹. Бакунин предсказал смерть идеи в год ее рождения.

Но, несмотря на всю близость Бакунина по темпераменту к первому славянскому архетипу, наибольший успех его идеи имели среди романских народов, особенно южных. В фарватер бакунизма попало прежде всего итальянское революционное движение. «В Италии, равно как и в Испании, решительно не поспасливалось государственно-коммунистической программе Маркса», – злорадствовал Бакунин¹⁸⁰ и даже восклицал в эйфории: «Весь латинский мир с нами!»¹⁸¹.

В Испании пропаганду бакунизма начал в 1868 году итальянец Фанелли. К 1873 году в этой стране уже было 50 000 последователей Бакунина, которые потом приняли имя анархистов. Они считали себя носителями великой новой истины¹⁸². В бурных событиях, которые сотрясали Испанию в первой половине XX века, анархисты играли, во всяком случае, не меньшую роль, чем коммунисты. Смешной, но характерный случай: в 1936 году, когда в стране началась гражданская война, некто Фернандес де Диос поинтересовался у министра юстиции,

¹⁷⁷ М.А. Бакунин, т.1, с.108, 135.

¹⁷⁸ Там же, с.80.

¹⁷⁹ Там же, с.72.

¹⁸⁰ Там же, т.2, с.38.

¹⁸¹ Н. Пирумова. Цит. соч., с.137.

¹⁸² Хью Томас. Гражданская война в Испании. М., Центрполиграф, 2003, с.44.

не может ли он поменять свою фамилию на Бакунин, потому что больше «не хочет иметь ничего общего с Богом»¹⁸³.

Сам Бакунин тоже не хотел иметь с ним ничего общего. Благодаря воспоминаниям современников, нам запомнился образ молодого Бакунина как яркого гегельянца, но его последующую философию мы знаем плохо, а в ней был момент, когда Бакунин ставил Конта выше Гегеля¹⁸⁴. О. Конт, как известно, был другом и сподвижником Сен-Симона, отрицал всякую метафизику и тем не менее вздумал создать некую «религию человечества», на какой почве и рехнулся. Для Бакунина этот человеческий, слишком человеческий уровень был слишком низок, ему приходили в голову другие мысли: «Кто может поклясться, что через несколько десятков или сотен веков от самой высшей разновидности человеческой породы не произойдет порода существ, высших, чем человек, которые будут относиться к человеку, как он относится к горилле?»¹⁸⁵. Это ведь начало проповеди Заратустры о сверхчеловеке, произнесенной через семь лет после смерти Бакунина!

В последние годы жизни одной из наиболее настольных книг Бакунина был Шопенгауэр¹⁸⁶. Может быть, под его влиянием Бакунин возвысился до таких размышлений и божественности, которые мы слышим от древних индийских мудрецов.

«Животный мир является ничем иным, как кровавой гекатомбой, ужасной и плачевной трагедией, написанной голодом». «Те, кто признает существование Бога-творца, и не подозревают, какой они делают ему комплимент, выставляя его творцом *этого мира*. Как! Всемогущий, всеблагий Бог не мог прийти ни к чему другому, как к созданию подобного мира – страшилища?»¹⁸⁷. «Существовало ли когда-нибудь в мире столь завистливое, тщеславное, эгоистическое, кровавое существо как Егова евреев или Бог-отец христиан?»¹⁸⁸.

Многие, от Герцена до Энгельса, сравнивали социализм с ранним христианством, но сенсимонист Пьер Леру, который ввел в обращение сам термин «социализм», проповедовал учение о переселении душ для морального обоснова-

¹⁸³ Хью Томас. Цит соч., с.165.

¹⁸⁴ Ю. Стеклов, т.3, с.143.

¹⁸⁵ М.А. Бакунин, т.1, с.101.

¹⁸⁶ Н. Пирумова. Цит. соч., с.150.

¹⁸⁷ М.А. Бакунин, т.1, с.202, 203.

¹⁸⁸ Там же, с.115.

ния этого общественного строя. За этим обоснованием опять-таки пришлось путешествовать в Индию.

Социализм, как видим, разнолик. Те, кто в свое время монополизировал эту идею, постарались, чтобы об этом забыли. И в 1991 году в эйфории, очень напоминавшей февраль 1917 года, избавившись от марксистского социализма, вместе с водой выплеснули и ребенка.

Но от власти чужого, хищного архетипа этим способом не избавились. А предупреждал ведь Бакунин: еврейский мир служит, с одной стороны, Марксу, с другой – Ротшильду. Сегодня этот мир преспокойно отбросил Маркса, и мы получили Ротшильда в чистом виде, задрапированного «благодатным покровом» Православия.

Многие живут иллюзиями «возрождения России», которое сейчас якобы происходит, но это миф, усиленно вдалбливаемый официальной пропагандой, но не перестающий от этого быть мифом. Бакунин был свидетелем создания Второй Германской империи, но видел в ней лишь «торжество жидовского царства, банкократии, под могущественным покровительством фискально-бюрократической и полицейской власти»¹⁸⁹. Допустим, Бакунин вообще плохо относился к немцам, но с другой стороны и де Лагард, и Ницше тоже понимали, что эта империя – не то, что нужно Германии.

Православие не спасло Россию от вышеупомянутого архетипа в 1917 году, не спасет и сегодня, потому что оно вообще не понимает, что такое архетип, а если говорить проще, – потому что ему чужд расовый подход. А Бакунин подходил именно с этой точки зрения. Он знал: «Крещеный жид остается все-таки жидом. Имеются жида-католики, протестанты, пантеисты и атеисты, жида-реакционеры, либералы и даже жида-социалисты. Но прежде всего они жида, и это обстоятельство устанавливает между всеми индивидуальностями этой замечательной расы, независимо от всех религиозных, политических и социальных различий, которые их разделяют, неразрывную естественную связь и солидарность»¹⁹⁰.

В чем же спасение?

Обратимся опять к нашему прецеденту, к смене исторических циклов в Иране, к появлению нового иранского народа. От чужого архетипа он избавился уже в

¹⁸⁹ Там же, т.2, с.13.

¹⁹⁰ Ю. Стеклов, т.3, с.349-350.

VIII веке, при Аббасидах, но прошло еще 750 лет, прежде чем шиизм стал официальной идеологией Ирана, выделяющей его среди остальных мусульманских стран.

А ведь шиизм существовал с VII века. И династия Аббасидов смогла утвердиться у власти лишь благодаря использованию шиитского движения. Но, став правящей династией, Аббасиды начали преследовать неугодных им шиитов¹⁹¹. Аббасиды поступили с шиитами примерно так же, как коммунисты с советами: использовали и выбросили. Хотя то, что существовало у нас до 1991 года, официально именовалось «советской властью», реальной властью советы в России обладали не более года. Они представляли собой форму самоорганизации народа в условиях ослабления центральной власти. Доведенный до логического конца лозунг: «Вся власть советам!» означал бы осуществление идеи Бакунина о замене государства свободной федерацией вольных земледельческих и фабрично-ремесленных ассоциаций (программа 1868 года).

Но коммунисты непременно хотели подмять советы под себя и подмяли. Хитрый Ленин то выдвигал лозунг: «Вся власть советам!», то снимал его, в зависимости от того, кто имел в этих советах большинство. Когда в 1918 году большевиков стали теснить в советах левые эсеры, был быстренько спровоцирован т.н. «левоэсеровский» мятеж, в результате чего советская власть кончилась и началась диктатура коммунистов.

Сегодня у нас насаждается культ белого движения, кости белых генералов торжественно таскают по Москве, а «на той единственной гражданской» крестьянство, составлявшее большинство народа, воевало и против белых, и против красных. Самые яркие примеры – движение батьки Махно и восстание на Дону, великолепно описанное Шолоховым. А восстание тамбовских крестьян, антоновщину, как только теперь поняли, воспел Есенин в поэме «Пугачев». Ну а кто был главный герой его поэмы «Страна негодяев» Номах было понятно сразу.

В 1989 году у нас снова выдвинули лозунг «Вся власть советам!», но это уже было откровенное жульничество со стороны тех, кто ставил своей целью развал страны. И в октябре 1993 года советы расстреляли из танковых пушек. Наступил, как в истории шиизма, период «сатра» («сокрытия»).

Среди мусульман были свои сторонники «советской власти». Это т.н. хариджиты, первая мусульманская секта¹⁹². Это были представители низов, отколовшие-

¹⁹¹ Л.А. Семенова. Из истории фатимидского Египта, с.9-10.

¹⁹² В.М. Борисов. Арабское средневековье и ислам. М., 1968, с.39.

ся от халифа Али, первого святого шиитов, которого и убил один из хариджитов 24 января 661 года. У хариджитов был свой халиф, рядовой воин Абдаллах ибн Вахб, а основным пунктом их учения было признание равенства всех мусульман. Хариджиты выступали за выборность халифов¹⁹³.

Но «советская власть» у арабов, конечно, не получилась, а получилась, как и у нас, обыкновенная восточная деспотия. Ну а в условиях деспотии любой оппозиции неизбежно приходится скрываться. Так при Аббасидах среди загнанных в подполье шиитов возникло тайное учение исмаилитов.

Мы уже знаем, что шиизм не был «реакцией иранского духа против арабизма». Но в Иране персы, снова придя к власти, удовлетворились этим и не стали менять идеологию. Нам же, поскольку русские к власти так и не пришли, не остается ничего другого, кроме «реакции русского духа против семитизма», причем тоже на уровне некоего «тайного учения».

И.П. Петрушевский делает упор на иудейских корнях шиизма, но не все с ним согласны. Например, армянский академик В.К. Чалоян, по мнению которого «иранцы восприняли ислам, не утратив при этом своей национальной самобытности».

Иранцы-шииты отличались не только своими культовыми обрядами, но также своим философским пониманием религии ислама. Шиизм, который вобрал в себя и мифологию, и религиозные традиции, противопоставлял арабскому правоверному исламу. Религиозно-мистическое учение суфиев – иранского происхождения, и оно также было направлено против ортодоксального ислама»¹⁹⁴.

По мнению В.М. Борисова, секта исмаилитов далеко отошла и от правоверного шиизма. Он ссылается при этом на Маркса, который видел в ее учении «результат воздействия на ислам индийско-персидских учений»¹⁹⁵. И.П. Петрушевский возводит шиитскую веру в переселение душ к библейскому иудаизму о возвращении пророков, но, например, у друзов – а это «ответвление исмаилизма»¹⁹⁶ – возвращаются не только пророки. «Число душ не меняется до окончания века. Ни одна душа не покинет свою телесную оболочку, не войдя немедленно в дру-

¹⁹³ И.П. Петрушевский. Ислам в Иране, с.41, 48.

¹⁹⁴ В.К. Чалоян. Восток-Запад. М., Наука, 1979, с.150.

¹⁹⁵ Арабское средневековье и ислам, с.58.

¹⁹⁶ Е.А. Беляев. Мусульманское сектантство, с.64.

гое тело»¹⁹⁷. «Исмаилитские идеологи воспринимали некоторые положения неоплатонизма и буддизма»¹⁹⁸ – так пишет тот же Е.А. Беляев. А в возникшем позже суфизме «вначале доминировали элементы индоиранского мировоззрения», корни его «идут в глубь истории и восходят к идеям буддизма, зороастризма и манихейства»¹⁹⁹.

Весьма любопытную характеристику мусульманской философии можно прочесть в соответствующей рубрике немецкого «Философского словаря», изданного в 1957 году в Штутгарте и переведенного на русский язык (М., 1961). Мусульманская философия только отчасти является философией арабов, арабская она в основном по своему языку; это философия философски одаренных народов, особенно иранцев». Она эклектична: исламско-религиозный момент смешивается в ней с древнеиранским мировоззрением и философскими идеями древнегреческого и индийского происхождения. Собственно философия ислама берет свое начало в Иране. Наззам (IX в.) находился под влиянием греческих стоиков и джайнизма. Первое учение о категориях дал иранец Разес. Величайшим систематизатором исламской философии является иранец Авиценна (Ибн-Сина). Мистические течения нашли свое завершение в мистике света иранца Сухраварди. На суфизм значительное влияние оказала индийская философия.

Есть еще одна интересная особенность первого и второго Ирана. Первый не внес никакого вклада в сокровищницу мировой литературы, второй же дал целую плеяду гениев. Та Россия, «которую мы потеряли», в этом плане, наоборот, отнюдь не была обделена. Впечатление такое, что из-за временного сдвига, происшедшего с Ираном, те монады, которые по идее предназначались старому Ирану, попали в новый, в чуждую среду, не в ту, в которую они метили.

Но к России все это отношения уже не имело. Новый Иран может служить для нас лишь примером того, каким образом происходит становление новых народов, но это лишь один из вариантов.

Наш случай более сложный, и наши монады – разного происхождения. Среди них были и такие, которые тоже чувствовали, что попали «не туда».

Яркими выразителями этого ощущения собственной чужеродности были Чаадаев и А.К. Толстой. Проявлялось оно иногда и у Пушкина; ведь говорил он: «Черт меня догадал родиться в России с моей душой и талантом!» С другой сто-

¹⁹⁷ N. Bouron. Les Druzes, p.279.

¹⁹⁸ Е.А. Беляев. Цит. соч., с.49.

¹⁹⁹ В.К. Чалоян. Восток-Запад, с.167.

роны, он же писал Чаадаеву 19 октября 1836 года: «Ни за что на свете я не захотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, как историю наших предков, такую, как нам Бог послал».

Вроде бы противоречие: все-таки «черт догадал» или «Бог послал»? Но надо правильно понимать, что означает в данном контексте слово «хотеть». Хотеть вообще вредно. Желание столь мощной монады, воплощением которой был Пушкин, осуществимо, и монада это знает, но это означало бы обречь себя на новый цикл перерождений, и монада это тоже знает, потому и не хочет, ей и текущего цикла с лихвой хватает. У нее другое желание:

*Давно, усталый раб, задумал я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

Это не мечта об отъезде в Михайловское, это уход монады в себя. Ей надо поразмыслить: стоит ли продолжать?

Часто повторяют всуе, совсем заездили, слова Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». А ведь можно понимать и так: Пушкин «наше всё» для нового русского народа. Двести лет как раз прошло. Может быть, Пушкин уже опять родился. Ему сейчас всего семь лет, он только в школу пошел. Или в лицей? У нас ведь снова есть лицеи для детей богатеньких буратин.

Но Гоголь в одной фразе дважды повторил: «Может быть». Значит, может и не быть. Может, Пушкин предпочтет остаться в своей «обители дальней», зная, что рискует нарваться на нового Дантеса.

Пушкин гордился древностью своего рода и тем, что этот род – «мятежный». В «Борисе Годунове» он вывел своего предка Гаврило Пушкина, которого Димитрий после смерти Годунова послал в Москву вместе с Наумом Плещеевым и сделал его потом за это думным дворянином. Любопытно, что вместе с предком Пушкина эту миссию выполнял предок другого мятежного русского поэта Алексея Плещеева, осужденного по процессу петрашевцев. Его стихотворение «Вперед! без страха и сомненья» было гимном революционной молодежи.

Пушкин написал историю и другого самозванца, Пугачева, и создал его художественный образ, очень даже симпатичный. Николай I морщился: Откуда у него такое пристрастие к Пугачеву? А это не пристрастие, это влияние первого славянского архетипа, что у дворянского сына Пушкина, что у крестьянского сына Есенина.

Но воплощениям этого архетипа трудно находить общий язык друг с другом, и чем их больше, тем трудней. А больше всего их в Польше, где они преобладают, на Украине их примерно половина на половину, а в России их так мало, что даже если бы они каким-то чудом объединились и создали свою партию, она вряд ли преодолела бы тот барьер, который установлен сегодня для прохождения в Думу.

Русских авторов, которые изображали поляков в карикатурном виде, можно обвинить в предвзятости, поэтому предоставим судить о нем человеку, право которого давать подобные оценки никто в Польше не оспорит.

«Я – человек, который пережил 1918 год. Я тогда по двадцать часов говорил с людьми, с одним, другим и третьим, с десятым и пятидесятым, и не мог ни одного человека примирить с другим, совершенно не имея возможности поставить одного человека рядом с другим с той целью, чтобы они сотрудничали; с людьми, так легко проклинающими своих собратьев, так свободно отказывающим им в чести и доверии, делая работу невозможной своим склочничеством. Повторяю, достаточно было пережить конец 1918 года, чтобы разговоры с поляками опротивели, чтобы придти к выводу, что с поляком разговаривать невозможно». «С той поры я был всецело убежден, что невероятно трудно довести с поляками какое-нибудь дело до конца. Эта мучительная работа довела меня до того, что я придумал множество крепких слов и определений, которые останутся после моей смерти и которые возводят польский народ в разряд идиотов».

Это говорил не кто-нибудь, а глава польского государства Юзеф Пилсудский и не где-нибудь в узком кругу, а на съезде легионеров в Калише 7 августа 1927 года, т.е. после того, как он вторично пришел к власти, совершив государственный переворот в мае 1926 года²⁰⁰.

Не представляю, как поляки с их гонором могли выслушивать такое от своего вождя. У нас вообще ложные представления об отношениях с Польшей, взлелеянные русской классикой. Пушкин предостерегал Запад от вмешательства в «спор славян». Он, а вслед за ним Некрасов считали этот спор «давно решенным», ну и до чего мы dospорились? Польша уже в НАТО, завтра там же будет Украина, ну и с чем останется Россия?

Герцен в 1863 году встал на сторону поляков и это стоило ему популярности в России. Мартыанов упрекал его тогда: «Колокол» – то вы порешили. Что вам за дело мешаться в польские дела... Поляки, может, и правы, но их дело – шля-

²⁰⁰ Цит. по книге А. Wacyk. Mit polski Zadruga, p.60.

хетское, не наше». Герцен признается, что после этого разговора он остался «под тяжелым гнетом... какого-то темного сознания, что что-то ошибочное сделано»²⁰¹.

Ленин впоследствии объявил, что Герцен «спас честь русской демократии». Но Герцена это вряд ли утешило.

Поскольку монадические связи у него явно были утрачены, он тем более цепко держался за архетип, в его, конечно, понимании. Для него им был русский народ. Хотя бывший друг Герцена Головин и говорил о нем, что Герцен – «не русский, а немецкий жид, родившийся в России», сам Герцен заявлял, что живет лишь благодаря тому, что у него в России есть свой народ, а так как Герцен претендовал на роль голоса русского народа, вступив в защиту поляков, он эту роль потерял – он мог сделать это лишь от своего собственного имени, но на это у него не хватило духа. Архетипы он представлял себе упрощенно, подменяя их только их полюсами. Он изрекал, например: «Поляки – мистики, мы – реалисты». Да, поляки склонны к фантазиям. Два таких польских фантазера жили в России: Александр Грин (Гриневский) и Циолковский, но если автор «Алых парусов» и «Бегущей по волнам» искал спасения от грубой реальности в красивом, сказочном мире, то фантазии Циолковского претворились в реальность космических полетов. А сам-то Герцен разве не был фантазером? Смеялся же над ним Бакунин за его мистическую веру в русскую общину.

Герцен в 1863 году не сделал ошибки. Он только неверно понимал мотивы своих действий.

Зато у Пушкина в 1830 году никаких колебаний не было. Он руководствовался тем принципом, который позже сформулировал Киплинг: «Права иль нет, – моя страна, о, Боже!»

Пушкин не случайно ни за то на свете не хотел бы переменить отечество. Он знал, что это значит, остаться без отечества. Пусть на уровне подсознания, но знал.

Есть гипотеза, что великие трагики древней Греции снова воплотились во Франции XVII века, а великие древнегреческие философы – в Германии начала XIX века. При этом следует особо оговорить, что на межциклическом уровне реинкарнации монад не всегда совпадают с реинкарнациями архетипов. Так

²⁰¹ А.И. Герцен. Соч., М., 1956, т.6, с.371.

иранские монады вообще пролетели мимо своего цикла, а римские можно найти где угодно.

Пушкин или инстинктивно чувствовал, или «припоминал», что его судьба как-то связана с судьбой Овидия. В начале своей жизни Пушкин оказался в ссылке в Бессарабии, вблизи от тех мест, куда был сослан и где окончил свою жизнь Овидий, и помянул бедного изгнанника в своих стихах. Пушкин прекрасно знал, за что его сослали, а вот за что сослали Овидия, историки гадают до сих пор и сомневаются даже, знал ли об этом сам Овидий. Можно сказать, и да, и нет. Он сам признается, что был свидетелем некоего бесчестного дела, но не знал, что оно бесчестное. Возможно, он присутствовал при некоем магическом ритуале, смысла которого не понимал, а заключаться он мог в гадании о том, когда умрет Август и кто будет его преемником. В Риме подобные гадания приравнивались к покушению на жизнь императора. Это и могло стать причиной столь жестокой расправы. Даже преемник Августа, Тиберий, не простил Овидия, и тот так и умер в ссылке.

Какой-то страшный кармический узел завязывался в те времена. Все, кого Август хотел видеть своими преемниками, умирали молодыми. Младший брат Тиберия, Друз Старший, погиб в 9 году до н.э.; на 8 год н.э. приходится дело внучки Августа Юлии и ссылка Овидия, а в 4 году н.э. Август вынужден был, наконец, усыновить Тиберия, хотя очень не хотел этого делать.

Правление Тиберия приходится на 14—37 годы н.э. О нем в истории осталась дурная слава, хотя Наполеон, например, считал, что Тиберия оклеветал Тацит. Именно при Тиберии произошли события, которым суждено было изменить ход мировой истории: проповедь и распятие Иисуса Христа, хотя сам Тиберий о них ничего не знал.

Теперь перенесемся на 1800 лет вперед. В 1814 году родился Лермонтов, в 1837 году он прославился своим стихотворением «Смерть поэта». Странные вроде бы вещи говорил о Лермонтове Л. Толстой: «Он начал сразу как власть имущий... Каждое его слово было словом человека, власть имущего».

Но Тиберий был человеком совершенно прозаическим, никаких поэтических претензий не имел, зато у Нерона, родившегося в том же году, в котором умер Тиберий, они были, да еще какие! Не произошло ли и здесь, как в случае с Диоклетианом и Юлианом, слияния двух монад в одном воплощении?

Тиберий и Нерон обладали властью, а не знанием, а ведь Лермонтов никакой власти не имел, он был лишь «офицер гусарский, рожденный в оковах службы царской» – слова Пушкина вполне приложимы и к Лермонтову. Пушкин пони-

мал, что Чаадаев «в Афинах был бы Периклес», а, может быть, и догадывался, что Чаадаев и в самом деле кем-то уже был, не обязательно, правда, Брутом или Периклом, хотя своей формой головы Чаадаев походил как раз на Перикла. И Лермонтов тоже уже был. Вспомним рассуждения Д. Андреева о монаде некоего римского императора, похищенной «демоническими» силами. Д. Андрееву все виделось очень смутно, он приплетал тут ни к селу, ни к городу Антихриста. А Лермонтов власти не имел, но обладал, как и положено истинной монаде, абсолютным знанием, ему были открыты и настоящее, и будущее, и его собственная судьба, и судьба России и всего мира. Он знал, что именно при его жизни будет положено начало всемирно-историческим потрясениям. И вскоре после него родились Маркс и основоположник расовой теории Гобино.

Неисчислимы несчастия принесли миру идеи этих двух людей. Они-то и были воистину «демоническими» натурами, а вовсе не Лермонтов. Он хотя и писал поэму «Демон», но постоянно ее переделывал; он буквально «изнемог», создавая этот образ, как сказал Блок о Врубеле, художнике, постоянно придававшем своему «Демону» черты «лица кавказской национальности», как выразились бы люди неграмотные, или переднеазиатской расы, как определили бы ученые-расологи.

Все знают, к какой национальности принадлежал Маркс, но мало кому известно, что так называемый граф Артур де Гобино вовсе не был сыном своего отца. Его мать гуляла налево и направо, с кем попало, и основоположник расизма был внебрачным сыном одного из братьев Шеффер, двух художников-евреев, Анри и Ари, с которыми он имел большое портретное сходство. Об этом пишет Роже Безио в предисловии к письмам Корнелии Ренан к Гобино, опубликованными в «Archive des lettres modernes», Париж, 1967 (2), No.75. К. Ренан – жена Э. Ренана, дочь Анри Шеффера. Бакунин писал о Марксе: «Я Маркса знаю давно и... глубоко сожалею о некоторых, действительно отвратительных недостатках его характера, вроде крайней неуживчивости, ревности, обидчивости, склонности к самообожанию и неумолимой ненависти»²⁰². И еще: «Маркс – это человек крайне неуживчивый, характер – отвратительный, тщеславный, раздражительный, обидчивый, угрюмый, вероломный, способный на крайние низости и величайший интриган, как впрочем, все евреи»²⁰³.

Вот это настоящий Демон! Куда там лермонтовскому! По словам одного советского критика 20-х годов, он отличается какой-то «психологической дряблостью». Его отвергли – так в поэме – и самые падшие ангелы, чем он уже стано-

²⁰² Ю. Стеклов, т.3, с.114.

²⁰³ Там же, с.386.

вится похож на того гоголевского черта, которого выгнали из пекла за какое-то доброе дело. И только А. Блок увидел в лермонтовском Демоне новую красоту, «ни от Бога и ангелов, ни от Дьявола и бесов».

«Демон» был попыткой Лермонтова поделиться с людьми своими знаниями, хотя он, по идее, должен был понимать, что это невозможно – слишком велика разница уровней – и все же пытался. Ради понятности он облакал свои мысли в художественные образы, но тем самым искажал их, поэтому его и не удовлетворяло его творение. Он хотел сказать о влечении монады к архетипу и о трагических последствиях этого влечения – после циклов перерождений у монады остается лишь одно желание: вернуться в себя. Поэтому Демон в конце поэмы проклинает «мечты безумные свои» и остается один. Но читатель воспринимает любовь Демона к Тамаре как любовь некоего высшего существа к земной женщине: он хотел бы возвысить ее до себя, но не может. На индивидуальном уровне это как раз возможно, о парных монадах уже говорилось ранее. Мужские и женские воплощения монад обычно находят друг друга, они предназначены друг для друга, как близнецы в мифе джайнов о золотом веке. Но на уровне монада – архетип гармоничные отношения невозможны: либо сильная монада начинает ломать архетип под себя, либо сильный архетип стремится поглотить монаду – кто кого пересилит.

И в Россию Лермонтов пришел не для того, чтобы снискать ее любовь, а чтобы предупредить о грядущих бедствиях. Создается впечатление, что в России тогда был высажен целый десант монад для противодействия этим бедам: в одном году с Лермонтовым родился Бакунин, русский антипод Маркса, через три года – А.К. Толстой, который повел борьбу с «евразийством» чуть не за сто лет до того, как мы услышали этот злополучный термин, и Гобино еще не родил свою идею о превосходстве германской расы, когда Хомяков создал русский арийский миф, на примере которого французская исследовательница М. Ларюэль доказывает, что вовсе не неизбежна эволюция по линии арийство – пангерманизм – антисемитизм – нацизм – геноцид, что возможен арийский миф без расистского уклона и без стремления к дискриминации других народов²⁰⁴.

В «Записках о всемирной истории» Хомякова содержится его знаменитое высказывание о славянах: «Народы, завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют навсегда чувство гордости личной и презрение не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому. Мы будем, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы: мы будем представителями чисто-

²⁰⁴ M. Laruelle. Mythe aruen... p.15.

человеческого начала, благословляя всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное»²⁰⁵.

Бакунин соглашался с Хомяковым, что «славяне были по преимуществу племенем мирным и земледельческим», но предостерегал от панславизма, видя в нем «свободно-противный и народоубийственный идеал». «Образование великого славянского государства есть не что иное, как образование громадного славяно-народного рабства», – говорил он. – «Черт побери всех славян, со всею их военной будущностью, если после многолетнего рабства, мучения, молчания они должны принести человечеству новые цепи!»²⁰⁶. Можно подумать, Бакунин предвидел создание Варшавского пакта, временного насильственного объединения славянских народов, которое привело теперь к их полному разъединению.

Хомякова за выступление против самодержавной тиранической власти Ивана Грозного благодарил сам Чаадаев: «Спасибо вам за клеймо, положенное вами на преступное чело царя, развратителя своего народа, спасибо за то, что вы в бедствиях, постигших после него Россию, узнали его наследие»²⁰⁷. Об этой же эпохе написал свою повесть «Князь Серебряный» А.К. Толстой и в предисловии к ней сознавался, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он бросал перо «в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».

Сброшенный на Россию «монадический десант» полным ходом вел корректировку взглядов на русскую историю с самого ее начала, с захвата власти в Новгороде сбродной бандой т.н. варягов, оформленного потом как добровольное «призвание». Именно по этому мифу ударил Лермонтов своей поэмой «Последний сын вольности».

Эти «десантники» – предтечи будущего русского народа. «Может быть», – добавил бы Гоголь. И еще одно событие, чрезвычайно важное для нашего будущего, произошло в эпоху этого «десанта». Наряду с русским и польским архетипами возник, точнее, возродился особый украинский архетип. Многие до сих пор не признают его существование, теша себя иллюзиями о мнимом «триедином русском народе», которого давно нет. Да и распознали его не сразу даже

²⁰⁵ Соч., т.5, с.106-107.

²⁰⁶ М.А. Бакунин, т.2, с.45, 43, 50, 49.

²⁰⁷ В.В. Лазарев. Чаадаев, с.40.

вроде бы умные люди. Белинский, например, позволил себе ерничать в связи с таким трагическим событием, как арест членов Кирилло-Мефодиевского общества: Ох уж эти хохлы! Либеральничают во имя галушек! Словно вся «самобытность» «хохлов» только в этих самых галушках и проявляется.

Тарас Шевченко родился в один год с Лермонтовым и Бакуниным. Костомаров – в один год с А.К. Толстым. Не из того же ли они «десанта»? Украина имеет больше оснований считать себя преемницей Киевской и Новгородской Руси, нежели Великороссия. И майданом сегодня называется то, что в прежние времена носило название «вече».

*Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здорового русского вечера
Вам еще, государи, далече!*

Такой вывод сделал Поток-богатырь, герой одноименной баллады А.К. Толстого, после своего путешествия во времени через московский и петербургский периоды истории России.

Украинцы отличаются от нас уже тем, что их главный классик – не дворянин, а крепостной крестьянин. У нас из крестьянских поэтов такой же всенародной любовью пользуется только Есенин, но это уже наш серебряный, а не золотой век.

Новый архетип при своем воплощении прежде всего отмежевывается от других. И Шевченко в поэме «Гайдамаки» выразил ненависть украинцев к Польше, а в «комедии» «Сон» – их ненависть к России.

Стоя перед памятником Петру I с надписью «Первому – вторая», Шевченко думает:

*Этот – Первый, распинал он
Нашу Украину,
А Вторая доконала
Вдову – сиротину...
Так мне тяжело, трудно стало,
Словно я читаю
Историю Украины!*

А у нас совсем недавно покойный И. Тальков, начитавшись гламурных книжек по русской истории, воспевал «век золотой Екатерины»! Для кого-то «золотой»,

а для кого-то... Герой другой поэмы Шевченко, «Слепой», вспоминает, как эта самая Екатерина:

*...степями Запорожья
Немцев наделила;
За панами запорожский
Люд закрепостила...
Шляхта была и все взяла
Кровь повыпивала,
А царица даже воздух
В цепи заковала.*

Это тоже «корректировка взглядов на русскую историю», полезная и для нас самих.

Интересно отметить, что в это же время аналогичную корректировку польского архетипа производил Юлиуш Словацкий, который издевательски называл поляков «павлинами и попугаями»²⁰⁸. Когда в 1909 году, в связи со 100-летним юбилеем Словацкого, встал вопрос о переносе его праха в Вавельский собор, этому решительно воспротивилось католическое духовенство, обозвав Словацкого «гайдамаком польского Парнаса, демоном польской поэзии», поскольку он «сам причислял себя к казацкой национальности, которая сегодня называется гайдамацкой». И лишь 28 апреля 1927 года Словацкий был удостоен Вавеля по приказу Пилсудского.

Монадическая личность всегда выше вражды между архетипами. И тот же Шевченко писал одному из своих польских товарищей по несчастью:

*Когда мы были казаками...
Поляков звали мы друзьями...
Вот так, поляк, и друг и брат мой!
Несытые ксендзы, магнаты
Нас разлучили, развели, –
Мы до сих пор бы рядом шли.*

Воплощение нового архетипа порой влечет за собой странные явления. Одно из них – явление Гоголя. Русский он писатель или украинский? В его произведениях «всё наоборот»: в них расхаживают ожившие мертвецы и мертвые души.

²⁰⁸ А. Wasuk. Op. cit., p.30.

В.В. Розанов Гоголь вообще напугал и заставил даже написать: «В ком затеплилось зернышко... веры в душу человеческую, веры в землю свою, веры в будущее ее, – для того Гоголя воистину не было. Никогда более страшного человека... подобия человеческого... не приходило в нашу землю»²⁰⁹.

Розанов думал, будто он открыл «главную тайну Гоголя»: «он был весь... формальный, чопорный, торжественный, как архиерей мертвечины... Я не решусь удержаться выговорить последнее слово: идиот»²¹⁰.

Но разве не называли так же князя Мышкина? Разве Достоевский не вынес это слово в заголовок своего романа о нем?

В греческом языке это слово означало «особенный», «своеобразный», не похожий на других. Розанов и сам был в этом смысле «идиотом», но он убоился собственной особенности, потому и пополз в страхе на карачках в церковь.

«Весь Гоголь – продолжал выворачиваться Розанов – есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания», но тут же оговаривал – «кроме «Тараса» и вообще малороссийских вещей»²¹¹.

Получается так, что Гоголь в Малороссии на своем месте, а в Великороссию ему приходить не надо было – напугал. Его ожившие мертвецы это символы архетипа, который считали умершим, а он вдруг взял да и возродился. И его оранжевый призрак сегодня так же пугает правящие в России мертвые души, как некогда пугал европейских реакционеров пресловутый «призрак коммунизма».

«Сделать так, чтобы Россия осознала свое несовершенство... это должен был сделать и сделал Гоголь», – так определил миссию этого писателя Д. Андреев²¹², но он не совсем точно выразился. Гоголь действительно добивался этой цели своим творчеством, но не добился: Россия свое несовершенство так и не осознала. И укрепил ее в этом самомнении не кто иной, как Достоевский, который и сам кричал и своих героев заставлял кричать, что теперь на всей земле есть «единственный народ «богоносец», грядущий обновить и спа-

²⁰⁹ В.В. Розанов. Опавшие листья. Сб. О себе и жизни своей. Московский рабочий, 1990, с.211.

²¹⁰ Там же, с.210.

²¹¹ В.В. Розанов. Цит соч., с.209.

²¹² Роза мира, с.184.

сти мир именем нового Бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова» и это, разумеется, русский народ.

Об этом торжественно объявляет в романе «Бесы» Шатов, беседуя со Ставрогиным. Но когда Ставрогин начинает у него допытываться, верует ли он сам в Бога или нет, Шатов лишь беспомощно бормочет: «Я верую в Россию, я верую в ее Православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России...»

– «А в Бога? В Бога? – не отстаёт Ставрогин.

– «Я... я буду веровать в Бога», – выдавливает Шатов.

Говоря нашим языком, Ставрогин ловит Шатова на том, что он верит в архетип, а не в монадическое начало. То же самое можно сказать о том, кто выдумал этих персонажей, – Бердяев был прав, когда обвинил его в «реиудизации христианства». И прав был Л. Толстой в своей оценке: «Достоевский написал об одном из своих сумасшедших персонажей, что он живет, мстя себе и другим за то, что послужил тому, во что не верил. Это он сам про себя написал»²¹³.

И еще говорил Л. Толстой о Достоевском: «В крови у него было что-то еврейское. Мнителен был, самолюбив, тяжел и несчастен». «Не любил он здоровых людей. Он был уверен, что если сам он болен – весь мир болен»²¹⁴. Достоевский мог бы, конечно, вывернуться, сославшись на евангельское: «Не здоровые имеют нужду во враче, а больные». Но там же сказано: «Врач, исцелись сам».

Сомневаюсь, что ему помог бы рецепт Л. Толстого: «Ему бы познакомиться с учением Конфуция или буддистов, то успокоило бы его»²¹⁵. Слишком сильным было внутреннее беспокойство, чтобы его можно было утихомирить чтением каких-то книг. Слишком велик был диапазон метаний между желанием лучше остаться со Христом, нежели с истиной, даже если будет математически доказано, что истина вне Христа, и срывающимися с языка того же Шатова пророчествами о «новом Боге» и «новом слове».

И пошли по Руси искатели этого самого нового Бога.

²¹³ М. Горький. Избранные литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1941, с.120-121.

²¹⁴ Там же, с.152, 118.

²¹⁵ Там же, с.152.

Софья Андреевна, вдова А.К. Толстого, которой Алексей Константинович посвятил столько чудесных стихотворений, подарила палку с оленьими рогами, принадлежавшую ее покойному мужу, Владимиру Соловьеву, словно передавая ему духовную эстафету. В. Соловьев по материнской линии, как и А.К. Толстой, тоже был связан с первым славянским архетипом: он принадлежал к украинско-польской фамилии и одним из его предков был Г.С. Сковорода.

Но В. Соловьеву, как личности, безусловно, монадической, рамки одного архетипа были тесны, отсюда почти никогда не покидавшее его увлечение католицизмом, которое нашло свое выражение в работе «Великий спор и христианская политика» (1883). В. Соловьев задумывал трехтомный труд в защиту католицизма, но написал лишь две работы на эту тему «История и будущность теократий» (1886) и «Россия и вселенская церковь» (1889).

А.Ф. Лосев считал, что «в истории философии, вероятно, еще не было столь противоположно мыслящих философов, как Вл. Соловьев и Кант». «Кант – метафизический дуалист, Вл. Соловьев же – строжайший диалектический монист»²¹⁶.

Но, оказывается, не такой уж «строжайший». Тот же А.Ф. Лосев указывает на непоследовательность абсолютного идеализма Вл. Соловьева, который в своей «Критике отвлеченных начал «вдруг вводит совершенно странное и непонятное (с точки зрения Лосева, разумеется, – А.И.) учение о двух абсолютах. Он прекрасно понимает, что абсолют только потому и именуется абсолютом, что он один и что если имеется нечто иное, помимо него, то он уже не охватывает всего, а потому и не есть абсолют. И тем не менее этот второй абсолют Вл. Соловьев все-таки признает, считая при этом, что это есть абсолют становящийся, в то время как первый абсолют существует сам по себе, вне всякого своего становления»²¹⁷.

Ничего «странного и непонятного» в этом нет. Лосеву в этом рассуждении Соловьева было понятно лишь «стремление признать необходимость многообразия», а Соловьев, который, в отличие от Лосева, был мыслителем монадическим, а не архетипическим, стремился вырваться за рамки монизма, шел через дуализм к плюрализму. И чтобы облегчить ему этот путь, другая реальность открывалась перед ним в видениях.

²¹⁶ А.Ф. Лосев. Вл. Соловьев. М., «Мысль», 1983, с.79, 83.

²¹⁷ А.Ф. Лосев. Цит. соч., с.123..

Видения эти, описанные В. Соловьевым в поэме «Три свидания», и сам их зритель, и его толкователи понимали в меру своей христианской испорченности и через призму прочитанного, особенно Гете с его «Вечной Женственностью». Но если первое свидание в церкви еще укладывается в рамки обычных толкований, то что делала Та, Кто ему явилась, в библиотеке Британского музея, где одновременно с Соловьевым сидел, пока не заработал фурункулы на заднице, Маркс, накачиваясь книжной мудростью? Лондон всегда был территорией, которую силы Тьмы любили избирать для своих насильственных проявлений, – пишет Жан Парвулеско в своем романе «Стратегия сил Тьмы»²¹⁸. Или просто надо было как-то вытащить Соловьева из этого гиблого места? И почему Соловьева неожиданно для его близких и его самого вдруг понесло в Египет, где его в пустыне под Каиром чуть не убили бедуины? Почему Она назначила ему свидание в столь неудобном месте?

А потому что в этом самом месте в 1021 году таинственно исчез халиф Хаким. Христиане знают только одну Богородицу, евангельскую Марию, но друзья почитают Хакима как Бога, а значит, с точки зрения друзей, славянская рабыня, мать Хакима, это тоже Богородица. Она и позвала властно Соловьева в Египет, чтобы возвестить ему о втором пришествии, которое, как думал Достоевский, совершится именно в России. Только о чьем?

Д. Андреев связывает духовный опыт В. Соловьева, отраженный в «Трех свиданиях», с эманацией «великой богорожденной женственной монады, которая совершилась только на рубеже XIX века, и это метаисторическое событие было весьма смутно уловлено Гете, Новалисом и, может быть, Жуковским»²¹⁹.

Д. Андреев тут же добавляет, что «до XIX века никакого мистического опыта, подобного опыту Соловьева, просто не могло быть». Почему же не могло, если событие это свершилось уже в начале века? У Гете и Новалиса – да, не могло, они совсем из другой оперы, а вот у Жуковского очень даже могло – он сам был сыном пленницы-турчанки, к нему египетская Пленница вполне могла отнестись с сочувствием.

По странному совпадению, В. Соловьев ездил на свидание в Египет в 1875 году, т.е. в том же году, когда Е.П. Блаватская основала Теософское общество. Уж не она ли была вышеупомянутая «великая богорожденная женственная монада»? Андрей Белый, один из апостолов В. Соловьева, усиленно штудировал труды

²¹⁸ Jean Parvulesco. La Strategie des Tenebres. Paris, 2003, p.161.

²¹⁹ Роза мира, с.194.

Блаватской, но так и не понял: ее стекловидные, большие и выпуклые голубые глаза – шарлатанские или гениальные?²²⁰.

Другому апостолу В. Соловьева, Блоку, Д. Андреев посвятил в своей «Розе мира» целую особую главу. Называется она «Падение вестника» и начинается с того тезиса, что «человек, лишенный мистического чувства и опыта, так же бессилен «разобраться» в Блоке, как бессилен осмыслить теорию относительности тот, кто не обладает знанием высшей математики»²²¹. По сути это верно, но ведь и «мистический опыт» тоже может быть разным: только что говорится, что у В. Соловьева он был один, а у Гете и Новалиса – другой. И мистический опыт одного – отнюдь не отмычка для понимания всех других. Блока Д. Андреев, во всяком случае, не понял.

Д. Андреев признавался, что при чтении критических статей А. Белого и Мережковского о Блоке его «охватывает недоумение, потом чувство горечи, а под конец – глубокая грусть... Точно даже злорадство какое-то сквозит в этих ханжеских тирадах по поводу «измены» и «падения» Блока. И все облечено в... нагло поучающий тон». Вроде бы верно оценивает Д. Андреев этих критиков, но вдруг кончает: «И все же измена действительно свершилась. И по существу дела каждый из этих непрошенных судей был прав»²²². Как видим, пресловутый мистический опыт Д. Андреева толкал его самого в ряды «наглых ханжей», а не к пониманию Блока. А ведь иногда он был так близок к этому, что хотелось бы крикнуть ему, как в детской игре: «Горячо!» Например, когда он писал, что никто не сумел осмыслить мистическую двойственность, даже множественность первого же сборника стихов Блока, в котором можно обнаружить наличие трех существенно различных пластов»²²³.

Вот оно, нужное слово, произнесено, наконец: множественность, плюрализм! И именно три пласта! В Блоке, как в истинной монаде, соединялись все три реальности: духовная, собственно монадическая, волевая (уровень архетипа) и материальная. Людям, представляющим себе мир в урезанном виде, либо «чисто духовным», либо «чисто материальный», такое сочетание казалось невозможным, а для Блока оно было естественным. Этого не понимали ни его близкие друзья, ни Д. Андреев.

²²⁰ «Андрей Белый о Блоке». М., Автограф, 1997, с.360, 361.

²²¹ Роза мира, с.195.

²²² Там же, с.197.

²²³ Там же, с.196.

По его мнению, например, «самое наименование – Прекрасная Дама – говорит об отдаленных реминисценциях Запада: недаром Блоку так близок был всегда мир германских легенд и романтизм средневековья»²²⁴. Здесь поправку вносит уже А. Белый: «Понять Гете – понять связи «Фауста» со световой теорией; понять Блока – понять связь стихов о «Прекрасной Даме» с «Двенадцатью»; вне этого понимания Блок партийно раскромсан». Все, написанное о Прекрасной Даме, «полно пошлостей, плоскости; видеть в Ней стиль и романтику средних веков, после смытую реальными, гражданскими темами, – непонимание Блока; увидеть в «Ней» сказку, приятную нам, – непонимание тоже»²²⁵.

«Но не космическими видениями, не чистым сверхмирным блистанием... светится здесь луч Женственности, – продолжает высокопарно вещать Д. Андреев – Он проходит как бы сквозь туманы, поднимающиеся с русских лугов и озер, он окрашивается в специфические оттенки метакультуры российской... Образ той, кто назван Прекрасной Дамой, обрамляется русскими пейзажами, еловыми лесами, скитскими лампадами, дремотной поэзией зачарованных теремов»... Именно вследствие этого А. Белый, С. Соловьев, С. Булгаков не могли признать в Прекрасной Даме Ту, Кому В. Соловьев посвятил свои «Три свидания». «Они недоумевали перед слишком человеческими, слишком национальными одеждами Прекрасной Дамы»²²⁶.

Но в стихах Блока был еще и третий пласт, который, как полагал Д. Андреев, заставил бы В. Соловьева «тревожно насторожиться». Сборник писался в пору влюбленности Блока в его невесту, Л.Д. Менделееву, и прорывавшийся в его стихах голос живой страсти больше всего пугал христианских ханжей. Им казалось, что это переплетение «погружает все стихи в мгlistую, тревожную и зыбкую неопределенность», которую «сам поэт даже не осознает», потому что «он весь – в ней, внутри нее, в романтическом смешении недоговоренного земного с недопроявившимся небесным»²²⁷.

Сами они были «недопроявившимися», недоделанными, эти «лучшие друзья» и комментаторы с «мистическим опытом!» Узрев перед собой гармонию, они не поверили своим глазам, дружно воскликнули: «Не может быть!» и приложили все усилия к тому, чтобы ее разрушить.

²²⁴ Роза мира, с.196.

²²⁵ А. Белый о Блоке, с.105.

²²⁶ Роза мира, с.196.

²²⁷ Там же.

И разрушили. Особенно постарался С. Соловьев, кончивший жизнь в сумасшедшем доме. А. Белый рассказывает, как он понял из сумбурных рассказов С. Соловьева, вернувшегося со свадьбы Блока, что женитьба Блока на «эмпирической девушке» вызвала вопрос: кто для Блока невеста? «Коль Беатриче, – на Беатриче не женятся; коли девушка просто, то свадьба на «девушке просто» измена пути». Подымался вопрос свадьба ли это или это – мистерия? По описанию С.М. Соловьева я понял: «мистерия»²²⁸.

«Эмпирическая девушка» тоже взбунтовалась. «Любовь Дмитриевна оказалась вполне земной женщиной, чуждой всякой отвлеченности и мистики, – пишет Л.К. Долгополов в своей книге «Александр Блок»²²⁹. – На время она, плененная Блоком и необычайностью всего, что с ним было связано, проникается его мыслями и надеждами и даже тем языком, полным намеков, иносказаний, мистической возвышенности, на котором изъяснялись «соловьевцы» (в их кружок попал к этому времени Блок). Но затем наступило отрезвление». Л. Менделеева не захотела играть роль некоей отвлеченной «функции». О своем отказе от этой навязанной ей роли она написала Блоку в январе 1902 года, обвинив его в том, что он смотрит на нее «как на какую-то отвлеченную идею», что он не видит в ней «живого человека». «Вы от жизни тянули меня, – писала она, – на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и... скучно»²³⁰.

Тогда конфликт был улажен, свадьба состоялась, но счастья ни Блоку, ни его жене она не принесла. Как объясняла впоследствии Л.Д. Блок, в сознании Блока образовался «разрыв на всю жизнь» между любовью плотской, телесной и духовной, неземной. После женитьбы Блок «сейчас же принялся теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это «астартизм», «темное» и Бог знает еще что»²³¹.

Гармонии на этом уровне не получилось. Блок не нашел в земном мире свою монадическую пару, но ему и не суждено было найти, потому что у него была другая миссия. Д. Андреев сетовал о «падении вестника», а на самом деле Блок был «вестником падения»: любовь этой монады к русскому архетипу потерпела такой же крах, как и его любовь к женщине.

²²⁸ А. Белый о Блоке, с.52.

²²⁹ Л., Наука, 1980, с.43.

²³⁰ Там же, с.44.

²³¹ Там же, с.55.

Он понял: «будет темно»; он ждал: «разовьются жестокие бури»²³². В 1903 году он предрекал:

*«Все ли спокойно в народе?
– Нет. Император убит»...
– Кто ж он, народный служитель?
– Темен, и зол, и свиреп...
Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...*

Д. Андреев считал, что Блок обладал «провидческой способностью в узком смысле этого слова, т.е. способностью исторического предвозвещения... хотя редко ею владел». Но в поэме «Двенадцать» он не увидел «не только элементов пророчества – хотя бы просто исторической дальновидности – по его мнению – в этой поэме нет»²³³. Да есть они, только читать надо уметь!

Всех до сих пор озадачивает появление в конце этой поэмы Иисуса Христа. Думают, будто Блок этим образом «благословил революцию». А смысл-то совсем другой. Красногвардейцы чувствуют, что кто-то «ходит беглым шагом, хоронясь за все дома», угрожают ему «Стрелять начнем!» и стреляют, но он «и за вьюгой невидим, и от пули невредим». Он впереди них, но это не значит, что во главе их, – он после них, он в будущем, как голодный пес, старый мир, – в прошлом. (В поэме «Возмездие» Блок сравнивал с голодным псом собственного отца!). Он – нынешняя Россия, впавшая в православие, как в детство, посткоммунистическая Россия. Могут возразить: он с красным флагом. Да красные флаги и сегодня в праздники повсюду развеваются в Москве как официальные флаги города, только вместо пятиконечной звезды на них изображен Георгий Победоносец.

Сейчас Христос. «Другого пока нет, а надо Другого», – такую запись сделал сам Блок 18 февраля 1918 года²³⁴.

Блок, когда закончил свою поэму, сам удивился: почему Христос? Но, убедившись, что именно он, добавил: «К сожалению, Христос»²³⁵.

²³² А. Белый о Блоке, с.96, 99.

²³³ Роза мира, с.201.

²³⁴ А. Блок. Записные книжки. М., 2000, с.135.

²³⁵ А. Блок. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск, 1959, примечания, с.409.

Кто именно тот Другой, который должен придти, Блок не знал. И Та, что являлась ему «каждый вечер в час назначенный» в ресторанном угаре, тоже осталась для него «Незнакомкой».

Зато комментаторы – они всё знают. А. Белому, например, «столь ясно, что «Незнакомка» – явление Клеопатры, лежавшей в музее и вставшей, зашедшей к Вертгейму, одевшейся в модное все, прикатившей в экспрессе в Россию; явившейся к Блоку:

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка.*

Тут – «поверья» Египта, проклятого для А.А., наградившего страшную Музою, о которой сказал он потом:

*И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.²³⁶*

Д. Андреев вообще сомневался, что у Блока были видения, описанные им в «Незнакомке». Но и он прозревал под блоковскими описаниями Петербурга «трансфизический слой под великим городом», «где сфинкс с выщербленным лицом – уже не каменное изваяние из далекого Египта, а царственная химера, сотканная из эфирной мглы... Еще немного... и не громада Исаакия, а громада в виде темной усеченной пирамиды – жертвенник – дворец – капище выступают из мутной лунной тьмы»²³⁷.

«Губит людей не пиво» – их губит литература. Начитались про Клеопатру и этим их сведения о Египте ограничиваются. А ведь у Блока

*...очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.*

Такие же синие бездонные, как были у халифа Хакима и его матери-славянки. И она может явиться где угодно, и в библиотеке Британского музея, и в петербургском ресторане. Только не всякому, конечно. Блоку Она где-то передала, написал же он:

²³⁶ А. Белый о Блоке, с.229.

²³⁷ Роза мира, с.198, 199.

*Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено...*

(опять неясно, чье)

*В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!*

Сокровищем Блока был его дар прозрения, как в прошлое, так и в будущее. Как пишет Анатолий Горелов в своей книге «Гроза над соловьиным садом»²³⁸, «до конца дней своих Блок оставался убежденным, что какие-то роковые события неизменно во времени повторяются, тем самым выявлял свою глубинную символичность. Поэтому даже для революции большевистской поэт искал объяснений в аналогичной... ситуации римской истории. По поводу цикла «На поле Куликовом» А. Блок и сам писал: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Разгром монгольских орд на Куликовом поле воспринимается поэтом уже не только как единичный эпизод истории, но и расширительно, в его исторической символике: существует «иго», враждебное жизненным интересам народа, но оно же порождает противодействие, готовность идти на «вечный бой».

В. Соловьев, поясняет А. Белый, видел угрозу России в монгольском Востоке; «панмонголизм» – символ тьмы, азиатчины, внутренне заливающей сознание наше; но тьма есть и в Западе». «Татарские очи у Блока суть символы самодержавия, или Востока, и символы социалодержавия, Запада; здесь, как и там, одинаково «очи татарские» угрожают России»²³⁹.

Блок переосмыслил концепцию В. Соловьева. Он взял стихи Соловьева о «панмонголизме» эпиграфом к своим «Скифам», но у него звучат уже совсем иные нотки, порожденные иной реальностью, которая существует до сих пор. Реальность эта – упорное нежелание европейцев признавать русских за своих арийских братьев, убеждение, что если поскрести русского, то обнаружишь татарина, что русские это нечистые европейцы, смешанные с угро-финнами и тюркомонголами. То же твердил и Геббельс, но оригинален не был.

²³⁸ Л., 1970, с.323.

²³⁹ А. Белый о Блоке, с.403.

«Туранцами» в Европе долгое время считали и скифов. К тому времени, когда жил Блок, иранское происхождение скифов было уже точно установлено, и Блок, как культурный человек, конечно, об этом знал. Его слова «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, – С раскосыми и жадными очами!» это не констатация факта, а вызов: Вы считаете нас такими? Мы станем такими!

«Монгольский Восток» – а сегодня это Китай – уже не угроза для России. Пусть он схватится с Западом и с исламским миром (а именно с ними сражалась Россия на Куликовом поле, а вовсе не с «монгольскими ордами») и да исполнится пророчество друзей: из Китая придет огромная армия и Мекка и Иерусалим будут разрушены навсегда.

Блок умер в 1921 году, ровно через 900 лет после таинственного исчезновения халифа Хакима. Он не был его новым воплощением, но какие-то нити их связывали, иначе не явилась бы Блоку «Незнакомка».

Что это были за нити? Священные книги друзей, почитающих Хакима как Бога, называются «Китаб аль-Хакма» – «Книги мудрости».

София-Мудрость – центральная концепция всей философии В. Соловьева. В его «Трех свиданиях» А.Ф. Лосев находил «намек на душу мира, вечную женственность. Премудрость Божию, космическую Софию»²⁴⁰. Но, по В. Соловьеву, «чистая идея тоже содержит в себе какую-то чистую материю и в совокупности с этой материей является Софией. Но что это за материя в чистой идее, об этом можно только догадываться», – иронизировал А.Ф. Лосев²⁴¹.

А тут и догадываться нечего. В. Соловьев описывал монадический уровень, но, поскольку мозги его были заморочены монотеизмом, он и воображал себе некую «душу мира», «Премудрость Божию», «космическую Софию». Нет у мира никакой души, нет единого Бога и его уникальной премудрости, ни один из богов (архетипов) ею не обладает. По учению джайнов, душа (монада) – единственная сознательная субстанция, так что София не одна, их много.

²⁴⁰ А.Ф. Лосев. Вл. Соловьев, с.167.

²⁴¹ Там же, с.111.

До этой идеи наши софианцы не дошли, но христианские фанатики нутром чувствовали, что «соловьевство» есть ересь, равно как и софийное учение вообще, потому что оно «ниспровергает все христианство».

*Но не за вами суд последний.
Не вам замкнуть мои уста! –*

бросал им вызов Блок в прологе к своей поэме «Возмездие» –

*Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит: я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.*

Софианство в России это то же, что шиизм и суфизм в новом Иране, это религиозный архетип будущего русского народа («Может быть»).

Мудрость может исходить только с монадического уровня. И она способна создать новый архетип внутри уже существующего архетипа.

«Великая женственная монада», если воспользоваться выражением Д. Андреева, не имела новых воплощений. Вокруг Ее сына образовался новый архетип, пусть и небольшой, но Ей хотелось, чтобы он возник у нее на родине, а родом Она была из дохристианской Руси – сына Она родила за три года до принятия Русью христианства. И Она явилась русским людям, В. Соловьеву и Блоку, но Ее явление подготавливалось вышеупомянутым «монадическим десантом», в котором участвовали не только мужские, но и женские монады, получавшие при воплощении знаковое имя «София».

И у В. Соловьева тоже была своя земная София – Софья Петровна Хитрово, племянница вдовы А.К. Толстого. У Соловьева с ней был долгий платонический роман, который так и не закончился браком.

А. Белого смущало то обстоятельство, что в сохранившихся рукописях Соловьева его почерком, только измененным, набросаны были письма за подписью «S» и «Sophie». Они появлялись повсюду в черновиках творений В. Соловьева и было неясно, что это: медиумическое общение с реальной женщиной или откровения Софии из высей духовного мира. А. Белый и его друзья гадали: Кто она? Женщина? Софья Петровна, с которой дружил Соловьев? Существо ли ду-

ховного мира, шептавшее тайны о Новом Завете? Как имя ему? «София-Премудрость»?²⁴².

Перемудрили А. Белый со товарищи, а ларчик-то открывался просто. В. Соловьев ведь считал земную любовь «величайшей мерзостью»: при такой внутренней дисгармонии ему и не положено было иметь земную Софию. То ли дело А.К. Толстой: он и сам был человек гармоничный и «увидев «среди шумного бала, случайно» Софью Андреевну Миллер сразу понял: это она. И их брак тоже был гармоничным, несмотря на все препятствия, которые им пришлось преодолеть.

По странному или, наоборот, совсем не странному совпадению жену Л.Н. Толстого тоже звали Софья Андреевна. Но он «вечно женственное» не понимал, относился к женщинам свысока и, как поется в песне, «начал пользоваться ей не как Кассандрой, а как простой и ненасытный победитель», а кончил тем, что вообще от нее убежал. Потому и не дано было ему пророческого дара и он оказался способным только на скучные нравоучения.

Кому-то это может показаться странным, но своя София была и у народовольцев. И не случайно отчество Перовской было «Львовна»: это была монада, пришедшая мстить тем, кто творит несправедливость, как богиня Дурга, убившая демона Махишасуру с помощью льва²⁴³.

Блок воспел эту Софию в своей поэме «Возмездие», где описывается вечеринка землевольцев (а не народовольцев, как часто ошибочно пишут в комментариях: в первой главе поэмы речь идет о событиях осени 1878 года – «Земля и Воля» тогда еще не раскололась). И не случайно, наверное, на этой вечеринке

*Старинной песни гайдамаков
Напев согласный зазвучал.*

Семена софианства были заброшены и в Германию. Как пишет Вильгельм Брахман в своем исследовании «Новалис, Клейст, Гёльдерлин», любовь к Софии фон Кюн, девочке, умершей в возрасте 14 лет, заставила Новалиса осознать, что один человек может придать жизни другого такой смысл, который можно описать только с помощью религиозных категорий. И для него слились в одно София и Мария. В «Гимнах к ночи» он воспел Софию-Марию как богиню. Новалис, как известно, перешел в католичество; ему нравилось, что священники римской

²⁴² А. Белый о Блоке, с.34, 40.

²⁴³ Н.Р. Гусева. Индуизм. М., 1977, с.99-100.

церкви «проповедовали любовь к святой, Прекрасной Даме – христианской религии», но католицизм Новалиса был на самом деле апофеозом его умершей невесты, Софии фон Кюн.

Прекрасная Дама Новалиса была богиней его собственной религии, как и Прекрасная Дама Блока. Но возлюбленная Новалиса умерла, как и Беатриче Данте, а возлюбленной Блока стало страшно на той высоте, на которую он ее вознес, и она попросила опустить ее на землю. И личные религии отдельных поэтов, пусть даже самых гениальных, это только их личные религии и не более. А славянская рабыня-Богоматерь, имени которой мы не знаем, но будем условно называть Софией, призывает нас создать новый религиозный архетип.

Блок понимал всю трудность этой задачи. Уже в одном из первых своих писем к А. Белому он подчеркивал, что Она открывается индивидуумам, коллективному сознанию Она недоступна; тем не менее, Ее откровения могут гласить и народам и тогда Она выявляет себя душой народа; и русскому Она, например, – существо всей России. Так толковал это письмо А. Белый²⁴⁴. Буквально же Блок писал: «Она еще только потенциально воплощена в народе и обществе... Она скорее может уже воплощаться в отдельном лице... Для взываний к лицам можно удержаться в «своей среде», для взывания к народам приходится уродиться гигантом или довести себя до парения и метафизического безразличия на случай окружающей глухоты «спящих»²⁴⁵.

Блок прямо ставил перед своими друзьями вопрос: Мы что – хотим создать секту? Юный энтузиаст С. Соловьев был к этому уже готов: он видел будущую Россию как федерацию общин (почти по Бакунину), управляемых советами (даже так!), только он думал, что возглавлять эту систему будут софианцы²⁴⁶, а пришли коммунисты.

Блок этих иллюзий не разделял, он рано понял, что «будет темно», что «зори светлого будущего» только мерещатся его друзьям, а реальное будущее это

«Неслыханные перемены, невиданные мятежи».

²⁴⁴ А. Белый о Блоке, с.46.

²⁴⁵ Там же, с.519.

²⁴⁶ Там же, с.64-65.

А. Белый тоже вынужден был признать позже, что атмосфера их кружка оказалась впоследствии лишь розовым абажуром, зажженным в ночи, а не солнцем²⁴⁷. А. Блок знал, что ему «чье-то солнце вручено» (именно «солнце», комментаторы зря полагают, что здесь, по идее, должно стоять «сердце»), он не знал только, чье.

Зинаида Гиппиус допытывалась у Блока:

«Ведь она, Прекрасная Дама, ведь Она – Россия?»
И Блок отвечал: «Да, Россия... Может быть, Россия. Да»²⁴⁸.

Колебание слышалось в блоковском «может быть». Не хотелось ему огорчать Гиппиус, а ведь он еще в 1901 году писал:

Но страшно мне – изменишь облик Ты.

Он предвидел будущие страшные метаморфозы России. Она падала, и он падал вместе с ней. Сначала – Прекрасная Дама, богиня, потом Жена с большой буквы, а кто потом? Проститутка Катька, которую застрелили в «Двенадцати»? Да нет, еще того хуже. Перед смертью Блок сказал: «Скушала чушка-Россия своего поросеночка». Бывшая богиня превратилась в свинью. Но он по-прежнему себя от нее не отделял: пусть она свинья, он все равно остается ее «поросеночком».

И эти слова – не предсмертный бред, а диагноз болезни. Блок знал, что «долго будет родина больна», знал чем и знал, кто конкретно занесет заразу.

В советском «блоковедении» долгое время монополистом был критик, писавший под псевдонимом В. Орлов, хотя на самом деле это был очередной Шапиро. При издании сочинений Блока он безжалостно вырезал из них то, что ему не нравилось.

Вырезанное восстановил С. Небольсин в статье «Искаженный и запрещенный Блок» («Наш современник», 1991, №.8). Эта статья появилась, словно предостережение, в дни так называемого августовского путча.

²⁴⁷ Там же, с.96-97.

²⁴⁸ Сб. Воспоминания о Серебряном веке. М., Республика, 1993, с.152.

«Опять либеральный сыск. Жиды, жиды, жиды». Можно подумать, это написано в наши дни, а это запись, сделанная Блоком 7 марта 1915 года.

Наступил 1917 год, и вот каким видел его Блок: «Жиды рыщут в штатской и военной форме. Их царство. Они, «униженные и оскорбленные», втайне торжествуют». «История идет, что-то творится; а жидки – жидками; упористо и умело, неустанно нюхая воздух, они приспособливаются, чтобы не творить, так как сами лишены творчества; творчество – вот грех для еврея. И я хорошо понимаю людей... которые поступают так: слыша за спиной эти неотступные дробные шажки (и запах чеснока) – обернуться, размахнуться и дать в зубы, чтобы на минуту отстал со своим полуполезным, полувредным (=губительным) хватанием за фалды».

Блок сам говорил о себе своим друзьям, что он не мистик, а хулиган, а они не верили. Зря. Зато Гиппиус не зря обвиняла его тогда в «черносотенстве».

Вот Есенину сразу поверили, что он хулиган, хотя и он совмещал в себе хулигана и мистика, и в его глазах тоже был «прозрений дивных свет». Есенин презрительно называл Блока «голландцем на русских полях», хотя иногда он испытывал угрызения совести, чувствуя, что сам он – «вор, бесстыдно и нагло обокравший кого-то». Маяковский со смехом рассказывал, как однажды обманул поклонников Есенина, прочтя им якобы неизданные стихи Есенина, а на самом деле читал Блока: «У него и про Россию, и про вино лучше, чем у Есенина».

В Маяковском бунтарский дух был еще сильнее, чем в Блоке и Есенине, ведь он был «дедом казак, другим – сичевик». Если Есенин иногда испытывал желание бежать за комсомолом, то Маяковский бежал далеко впереди. А потом оглянулся – а сзади никого нет...

У В. Солоухина есть стихотворение «Три поэта». Эти трое – сразу пошедшие на службу новой власти Блок, Маяковский и Рюрик Ивнев. В этом стихотворении мы читаем:

*В круге этом узком
Звучал недолго благовестный стих.
Блок умер первым, ибо самым русским
И самым честным был из всех троих.
Он умер не от тифа, ни от раны –
Небрит, прозрачен, впалые виски –
А потому что понял слишком рано,
Сказать точнее, умер от тоски.*

Что именно понял Блок? Что советская власть плохая? Да нет, берите выше. Не слишком рано, а очень своевременно, в апреле 1905 года, он написал:

*Ты в поля отошла без возврата,
Да святится Имя Твое!*

Он ярко представил себе, как та София, которую он так ждал, в ужасе покидает падающую Россию и никогда уже сюда не вернется. И он обращается уже не к стране, а к Верховному (для него) Божеству:

*Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!*

Это вариация той фразы, которую обычно повторяют друзья во время молитвы: «Клянусь Мессией, выравнивающим мир своей десницей!»²⁴⁹, только место Мессии занимает София. А. Белый упрекал Блока, что тот ставит Софию выше Христа²⁵⁰, но лишь доказывал этим упреком, что безнадежно отстал от Блока в духовном развитии. По мнению А. Белого, вся беда Блока была в том, что он не читал Р. Штейнера: «По книжечкам циклов, прочитанных Штейнером, просто указывать, где напутал в пути к посвящению Блок... И легко говорить: «Фридрих Ницше погиб оттого, что ключами науки еще не владел...» Где были «ключи»? Допустили страдание Ницше и лучшего русского, нужного русским».

«Блок – душа столь огромная, что овладей она тайнами знания, она озарила бы светом Россию»²⁵¹. Опять это пресловутое «если бы»! У Р. Штейнера, на которого молился А. Белый, были не ключи, а отмычки, а ключами-то владел как раз Блок, о чем он и заявил во всеуслышание:

...ключ поручен только мне!
«Очи синие бездонные» он увидел «на дальнем берегу».

Что это за берег, поясняется в стихотворении «Сфинкс»:

²⁴⁹ N. Bouron. Les Druzes, p.286.

²⁵⁰ А. Белый о Блоке, с.47.

²⁵¹ Там же, с.221.

*Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Здрожали слова оскорбленных богинь
И готовы слететь с языка...*

Но от «оскорбленных богинь» ждал он не призывов к мести:

*Я услышу забытое слово Любовь
На забытом, живом языке...*

Забытый, живой язык это, надо думать, коптский язык, потомок языка древнеегипетского, забытый, как разговорный, но используемый в богослужении. Именно на коптской церкви в местечке Зейтуна в Египте произошло в апреле 1968 года явление, которое многие христиане восприняли как явление Богородицы. Но это явилась не их Богородица, а Богородица друзов. Имя «Зейтуна» («олива») означает рабыню²⁵².

Славянская пленница дала людям понять, что она все еще в плену. Близкие ее сердцу славянские страны все находились тогда еще под властью коммунистических диктатур. «Хотите ли вы... египетского устройства работ коммунистов?» – пророчески спрашивал некогда Герцен²⁵³, предвидя возведение рабами новых пирамид под названием «великихстроек коммунизма». Но весна 1968 года имела для славянского мира особое значение: она запомнилась под именем «пражской весны».

Советские ортодоксы сочли политику тогдашних руководителей Чехословакии «еретической» и ввели в эту страну войска. В 1415 году за проповедь религиозной свободы сожгли, как еретика, Яна Гуса, предшественника Лютера. В 1968 году никого не сожгли, но сжег сам себя в знак протеста против интервенции студент Ян Палах. Под впечатлением его гибели я написал тогда стихотворение, в котором предрекал грядущий крах коммунизма. Оно кончалось словами:

*Радушно развернется пекло
Встречая исчадий своих
И даже горсточка пепла
Не сохранится от них!*

²⁵² А. Мец. Мусульманский Ренессанс, с.235.

²⁵³ А.И. Герцен, т.3, с.352.

У Т. Шевченко есть поэма о Яне Гусе под названием «Еретик». Она посвящена Шафарику и начинается с похвалы ему:

*...славян семью большую
Во тьме и неволе
Сосчитал ты до едина –
Сосчитал лишь трупы,
А не славян...
И, о чудо! Трупы встали
И глаза раскрыли;
Обняли друг друга братья
И заговорили
Языком любви сердечной,
Подружась навеки!

И слились в едином море
Славянские реки!*

Т. Шевченко выражал далее пожелание

*...чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками.*

Сразу бросается разница между постановкой вопроса о славянском единстве у Шевченко и у Пушкина. Шевченко хотел, чтобы «слились в едином море славянские реки», а Пушкин размышлял: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Вот вопрос». В интервью украинскому журналу «Сварог» (2004, No.17-18) я предлагал продолжить нить этих размышлений: А что станет со славянскими ручьями, если иссякнет русское море (а оно иссякает у нас на глазах)? Они тоже иссякнут или все же сольются, если не в море, то хотя бы в каком-нибудь озере?

Если же монадические посланцы не будут услышаны нигде, им не останется ничего другого, как «довести себя до парения и метафизического безразличия», как советовал А. Блок «на случай окружающей глухоты «спящих». Они, эти посланцы, знают, что существуют три реальности, совершенно различные по своей сути, и полная гармония между монадой и архетипом недостижима, она возможна только внутри самой монады.

Наилучшее представление об этих трех реальностях дает буддийская религиозная картина «Колесо перерождений» (Сансариин-хурдэ), воспроизведенная на с.83 книги А.Н. Кочетова²⁵⁴. Материальный мир (круг) на этой картине когтями и зубами держит злой дух мангус, которому придан образ человека с выпученными глазами, раздутыми ноздрями, острыми клыками и длинными когтями, с чудовищно развитыми мышцами. Это и есть пресловутая «мировая воля» Шопенгауэра во всей своей красе. А вокруг на облачках плавают буддийские святые – монады. Они зовут к себе. Звали и Блока: «Забудь, поэт! Вернись в красивые уюты!» Но он не уходил, так как хранил «к людям на безлюдье неразделенную любовь». Этим он отличался от лермонтовского Ангела смерти, который, утратив чувство сострадания к людям, «простился с прежней добротой» и «его неизбежной встречи боится каждый с этих пор». Лермонтов был вестником неизбежного и страшного, Блок пережил это страшное, «смертию смерть поправ».

А.М. Иванов

20 февраля – 27 марта 2007 года

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).

²⁵⁴ Ламаизм. М., Наука, 1973.